

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ И ЦАРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ С X ПО XVI ВЕК

БЛАЖЕННОЙ И ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ
АЛЕКСАНДРА III
БЛАГОГОВЕЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕЙ ТРУД,
ПО ЕГО ЦАРСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ
НАЧАТЫЙ,
ПО ЕГО МЫСЛИ ИСПОЛНЕННЫЙ

Считаю себя обязанным принести искреннюю и глубокую благодарность учреждениям и лицам, содействовавшим мне в исполнении трудной задачи составления истории Великокняжеской и Царской охоты.

Документальные сведения получены мною из архивов: Общего Министерства Двора (в Москве и Петербурге), Министерства юстиции (в Москве), Государственного (в Петербурге), Министерства иностранных дел (в Москве), патриаршей ризницы (в Москве) и Троице-Сергиевой лавры, а равно из Императорской Публичной библиотеки.

Разные сведения, справки и указания благосклонно сообщены мне: *Г. В. Есиповым, А. Ф. Бычковым, И. А. Бычковым, В. В. Стасовым, С. Н. Шубинским, Н. П. Лихачевым, Г. И. Тимченко-Рубаном, А. А. Фаворским, С. Л. Ширяевым и М. И. Бессребрениковым*

Особенной благодарностью обязан я *П. Я. Дашкову*, любезно предоставившему в мое распоряжение свое богатое собрание гравюр, из которого и заимствованы для настоящего издания редчайшие старинные гравюры и рисунки, изображающие охотничий быт.

Том I

Введение

Изучение отечественной старины представляет глубокий интерес для всякого, кто любит отчизну, кому дорого ее прошлое. Любопытны и порою поучительны понятия, которыми в своей жизни руководились наши предки; интересны обычаи, составлявшие уклад их жизни, и не лишены значения даже мелкие подробности их быта. Старина в ее многообразных проявлениях часто представляет нам образец такой самобытности и цельности, которым могут позавидовать даже времена новейшие. В глубине веков наблюдается нередко такая полнота жизненных ощущений, какая почти совершенно неизвестна и мало доступна современному человечеству; кто ищет образца для жизни, полной здорового труда и здоровых наслаждений, тот всего скорее нашел бы его у предков наших, с большим умением отдававших делу время, а потехе – час. Вот почему все народы с развитым самосознанием посвящают своей отечественной старине, ее научному изучению и художественному воспроизведению лучшие силы и массу труда. И можно сказать, что тем выше историческое самосознание данного народа, чем более исследована и разработана его старина.

Наша родная старина привлекала и привлекает к себе многие силы. Благодаря трудам историков и археологов многое из нашей далекой старины исследовано, разработано и восстановлено; однако в области старинно-русского быта, есть еще предметы и вопросы, мало затронутые в исследованиях, и к числу

последних относится вопрос об охоте в Древней Руси.

В современных обществах охота не имеет такого широкого и важного жизненного значения, какое ей свойственно было повсюду во времена древнейшие. Но в истории человечества охота представляет собою факт глубокой важности, потому что ею открывался путь для постепенного развития человека в общественном и личном отношении.

Охота одинаково свойственна и дикарю, и человеку самого высокого развития. Повсюду на земном шаре, где только живет человек, охота существовала и существует. Исчезали с лица земли племена и народы, вымирали учреждения и обычаи, а охота не исчезла, но живет, лишь разнообразясь в своих видах и приемах, сообразно с условиями территории и нравами населения. Причину такой необыкновенной живучести охоты и ее распространенности следует искать, по нашему мнению, в тех естественно-экономических условиях народного быта, которые впервые вызвали к жизни охоту, так сказать, создали ее.

Для древнейших обитателей земли охота являлась жизненною необходимостью. Для дикаря жить значило охотиться: истребляя зверей, он тем самым делал свое существование более обеспеченным против трех главных его врагов — голода, холода и четвероногих хищников. Охота, как борьба за существование, до последней степени напрягала все силы дикаря, постепенно развивала в нем способность наблюдения и умение пользоваться результатами его, содействовала развитию в нем способности мышления и, благодаря ей отчасти, он получил первые понятия о природе.

Она разбудила спавший гений человека, и человек

изобрел копье, лук и стрелу – первые орудия, которые цивилизовали человека. Мало того, охота должна была дисциплинировать волю дикаря: чтобы сразить зверя, иногда нужно выждать момент, когда удар всего вернее, и принять то положение, которое всего удобнее. Сообразительность и ловкость, настойчивость и выносливость – вот те навыки, какие должны были образоваться в борьбе со зверем, навыки, получившие особенную цену впоследствии, когда человеку пришлось вести борьбу уже не со зверями, а с себе подобными. Такова первая ступень в развитии охоты.

С течением времени, когда человек научился побеждать вредных и страшных зверей, а животных полезных сумел приручить и сделать своими слугами, его мысль открыла способ извлекать пользу из земли. Земледелие повлекло за собою оседлость, оседлость сократила район охоты. С этого времени человек до известной степени прикрепляется к земле, а раньше он свободно переменил места, и где было много зверя, где был простор и приволье для охоты, там было и его обиталище.

Когда человек сделался землепашцем, охотничья добыча перестает быть для него единственным средством существования, материальное значение охоты суживается, она становится у некоторых народов вспомогательным или второстепенным занятием, но зато более рельефно обозначается ее другая сторона – благородного занятия, искусства, обладателям которого, если они отличаются храбростью и ловкостью, она доставляет славу, уважение и нередко даже самую власть. Известно, что в песнях дикарей прославляются отважные и искусные охотники и воспеваются их геройские подвиги; и, без сомнения, в первобытных общественных группах, как и у

современных дикарей, лучшие охотники, отличавшиеся отвагою и удалю, становились главами и вождями племен.

Последнюю ступень охоты, на которой ее развитие окончательно завершилось, мы встречаем уже у цивилизованных народов. Она явилась одновременно с возникновением поземельной собственности, деления общества на классы и общественного разделения труда. На этой ступени охота делается искусством и зачастую привилегией высших классов общества; причем здесь охота не случайная забава, выполняемая как кому вздумается, но именно искусство, подчиненное известным правилам, извлеченным из опыта. Правильная охота, как она теперь называется, требует большего, специально подготовленного, служебного состава и массы охотничьего инвентаря. На все это нужно много любви к делу, довольно досуга и очень много средств; неудивительно поэтому, что в таком виде охота становится любимым занятием людей достатка.

В современных культурных обществах охота как дело необходимости в смысле борьбы со зверями уже явление случайное и редкое; как промысел она стала достоянием низших классов; как искусство она сделалась занятием высших.

История охоты как борьбы за существование находит себе место в общей истории человечества. История промысловой охоты неотделима от общей истории промышленности в той или другой стране. Охота как искусство может и должна иметь свою собственную историю.

Как одно из существенных жизненных явлений, охота, конечно, не могла избежать регламентации

права. В первоначальную эпоху своего существования, когда охота была делом жизненной необходимости и главным источником существования, она не подвергалась никакому ограничению: всякий мог охотиться, где ему было угодно, куда только он мог проникнуть с луком, стрелой и копьем. Это период безусловной свободы охоты.

С возникновением права поземельной собственности, владельцы той или другой территории стали запрещать охоту на своих угодьях посторонним лицам, так как вследствие постоянной охоты количество дичи быстро уменьшалось, а оставшаяся неистребленной спешила убраться из беспокойных мест. Это второй период – исключительного права охоты.

Третий период в развитии права охоты – это так называемая регалия охоты, т. е. когда право охоты наряду с другими промыслами становится ради фискальных целей привилегией государства. Регалия охоты возникла к концу Средних веков и была широко распространена по всей Европе, но в России она не практиковалась. Средневековой регалии у нас на Руси отчасти соответствовали налоги, которые взимались с охотничьей добычи.

Наконец, четвертый период в развитии права охоты – это опять период свободной охоты, но с некоторыми ограничениями. В этот период право охоты обуславливается с одной стороны, частным поземельным правом (чья земля, того и охота), с другой – правом государства иметь высший надзор за правильностью и своевременностью охоты. Налоги, взимаемые при этом с охоты, имеют не фискальное значение, но идут на организацию надзора за

правильностью охоты.

Изобразив общий ход развития охоты, бросим теперь беглый взгляд на ее историю в древнем мире.

В преданиях всех народов мы находим или прямое упоминание об охоте, или ясные намеки на нее. В литературных памятниках древнего мира имеются несомненные указания на более или менее продолжительное существование охотничьего быта. Животный эпос существовал у всех культурных народов. Мифы классического мира часто изображают сцены охотничьей жизни. В Библии и у Гомера любимые и в высшей степени поэтические сравнения заимствуются из круга животного царства и охотничьего быта. Все это показывает, что у исторических народов древнего мира охота была существенным делом жизни, на котором сосредоточивалась практическая мысль и поэтическое творчество.

Библия представляет нам тип страстных охотников в лице Измаила и в особенности Исава. Нам известно, как младший брат его Иаков с помощью хитрости получил вместо Исава благословение отца и права первородства, воспользовавшись отлучкой Исава на охоту.

В Библии же мы находим сказание о Нимвроде, основателе Вавилонского царства. Страстный и неутомимый охотник, он, по словам народного предания, с изумительной отвагой преследовал хищных зверей, опустошавших страну. Собрав вокруг себя дружину охотников, он впоследствии сделал из них воинов, расширил с ними пределы своих владений и, упрочив свои захваты, положил начало монархии, столь славной в древности. В те времена ничто так не

обеспечивало человеку уважение, высокий престиж и авторитет, как отвага и опытность в охоте и успех на войне. Нет ничего удивительного в том, что цари и герои, о которых воспоминания сохранились в вещественных и литературных памятниках древнего мира, характеризуются как знаменитые охотники.

Семирамида, царица ассирийская, велела изобразить на стенах своего дворца сцены леопардовой и львиной охоты. Стены древних вавилонских дворцов покрывались рельефами; некоторые из них изображают царскую охоту. На ассирийских монументах находятся барельефы, изображающие большие царские охоты на львов, кабанов и буйволов. Ассирийский царь Тулкат Гибаласар похваляется в своих надписях тем, что он убил 920 львов. Египетский фараон Тутмес III, распространивший завоевания египтян до реки Евфрата, охотился на слонов в долинах Месопотамии. Дарий, царь персидский, умирая, завещал написать на его гробнице, что он был охотник. Артаксеркс Лонгиман и Кир были страстные охотники. Вообще персы видели в охоте серьезное занятие и прекрасную школу, подготовлявшую к боевой деятельности, тем более что в те времена на войне употреблялось то же оружие, что и на охоте. Если признавать вполне достоверными сведения, сообщаемые греческим историком Геродотом, то оказывается, что воспитание у древних персов состояло в том, что молодежь приучали ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду. Царь Камбиз, преемник Кира, отличался меткостью стрельбы из лука. Один из его приближенных, некто Прексасп, на вопрос царя, какого мнения о нем народ, имел неосторожность отвечать: "Государь, народ вообще прославляет тебя, твой ум и твою доблесть; один только недостаток находят в тебе:

что ты не довольно умерен в употреблении вина". Камбиз вспыхнул гневом и, в эту самую минуту, случайно взглянув в окно, заметил Прекаспова малолетнего сына, игравшего с другими детьми на царском дворе. Он схватил лежавшие подле него лук и стрелу и пустил ее в ребенка; к несчастью, выстрел был очень удачен: стрела пронзила ребенка в самое сердце. "Хорош ли выстрел? и могут ли так стрелять люди, неумеренно преданные вину?" – с злой усмешкой спросил царь дрожавшего от ужаса Прекаспа. "Сами боги, – проговорил несчастный отец, – не могли бы сделать более меткого выстрела".

Сезострис Египетский, одинаково с Артаксерксом Лонгиманом, систематически обучал охоте своих сыновей. Птоломей Евергет сам занимался охотой и оказывал ей широкое покровительство.

Из греческих царей особенно отличался страстью к охоте Александр Македонский. Известно даже, что он поручил Аристотелю, своему воспитателю и учителю, написать трактат об охоте.

В греческой мифологии и поэзии в изобилии воспроизведены черты охотничьего быта, существовавшего в древнейший период греческой жизни. Веселый и бурный Вакх изображался в тигровой шкуре – эмблема его подвигов в охоте за тиграми. Геракл (Геркулес) носил шкуру льва, которого он убил в Немейском лесу; большая часть его подвигов носят охотничий характер: таковы его победы над немейским львом, эриманфским вепрем, стимфалийскими птицами, критским быком, над конями Диомеда и ланью, посвященной Артемиде, которая считалась богиней лесов, рек и ручьев, покровительницею охотников, а вместе с тем и дичи.

Артемиде был посвящен великолепнейший храм в Ефесе, который в день рождения Александра Великого сжег Герострат. Изображалась она или в длинном женском одеянии, или с приподнятым для удобства охоты хитоном; обыкновенно у нее за плечами колчан, а в руках лук или факел. Аполлон, которому приписывается изобретение лука, также забавлялся охотой и был увенчан лаврами за убиение страшного дракона Пифона. Даже Афродита охотилась – из любви к Адонису. По словам мифа, в котором рассказывается о нежной любви Афродиты к Адонису, богиня покинула все для любимого ею Адониса, забыла даже самое небо; не рядилась, не нежилась, но, до колен подобрав одежду, бродила она с юношей по горам и лесам, по скалам, поросшим колючими растениями; с собаками преследовала ланей, зайцев и других зверей, но мощного вепря, медведя и волка она избегала и Адонису советовала подальше держаться от них.

Мнение древних персов, что охота представляет прекрасную школу, подготавливавшую к боевой деятельности, разделяют и некоторые греческие философы и законодатели. Так, например, один из знаменитейших философов Древней Греции, Платон рекомендует охоту как лучшее приготовительное средство к перенесению трудностей военной жизни.

Спартанский законодатель Ликург, по свидетельству одного древнего автора, предписал спартанцам упражнять детей своих в разных родах охоты, чтобы выработать в них ловкость, проворство и силу. В одном из произведений римского поэта Вергилия, в "Георгиках", находим, между прочим, указание на то, что спартанцы достигли в охоте величайшего искусства и славились породой гончих и борзых собак.

У греков мы находим и первое сочинение, специально посвященное охоте. Оно принадлежит известному греческому историку Ксенофону. Сочинение об охоте называется "Κυνεgetikos" – "Похвала охоте". Ксенофонт называет охоту "божественным изобретением" и первыми охотниками считает Аполлона и Диану; он описывает охоту на зайцев, оленей и кабанов весьма подробно и любопытно; менее подробно говорит он об охоте на львов, барсов и пантер; описывает две породы существовавших тогда собак, делает им сравнительную оценку и указывает способы натаскивания собак и уход за ними. Ксенофонт – восторженный поклонник охоты и признает за ней громадное значение. "Охотники этим занятием, – говорит он, – развивают телесную силу, тонкий слух, острое зрение и крепкое здоровье". Особенно важна охота, по мнению греческого историка, как подготовка к боевой жизни. "Если доведется во время войны идти по самым неудобным дорогам, под изнуряющей тяжестью доспехов, то охотник не падает духом, так как он привык переносить такие неудобства. Никто не может быть менее его прихотлив относительно ложа, нет лучшего стража, нежели он; никто не выполнит приказаний отчетливее его; никто спокойнее не пойдет даже на явную смерть, так как он привык глядеть ей в глаза на охоте за дикими зверями". Первая поэма в честь охоты также появилась на греческом языке, но уже в эпоху римского владычества. Оппиан, поэт II в. по Р. Х., написал поэму в честь охоты в четырех книгах; в звучных и красивых стихах он дает прекрасные описания охоты и природы; известно, что естествоиспытатель Бюффон обращался к книгам Оппиана за справками; современники же называли

стихи Оппиана "золотыми стихами".

Римляне, подобно грекам, также любили охоту и широко практиковали ее, по крайней мере, в эпоху роста и процветания Рима. Было даже время, когда всеобщая страсть к охоте, казалось, угрожала другим существенным занятиям жизни и ее приходилось сдерживать. Известно также, что римские легионы упражнялись в охоте и на ней приучались к воинской дисциплине. В эпоху упадка и разложения Рима изнеженный римлянин уже ленился сесть на коня и выехать в поле в погоню за зверем; он предпочитал смотреть травлю зверей в цирке и придумал отвратительный бой гладиаторов, факт, показывающий, насколько извратился здоровый инстинкт охоты. Впрочем, некоторые императоры еще поддерживали истинный вкус к охоте; так, изящный и образованный Адриан был страстно предан охоте, любил собак и лошадей и даже основал город, прозванный "Адриановой охотой", на том месте, где он убил дикого кабана после долгой погони за ним.

В римской литературе охота не раз находила себе отголосок. Вергилий делает Аскания (в "Энеиде") охотником и уже в раннем возрасте изображает его первым на охоте, как и на войне. Гораций в письме к Lollium хвалит охоту как занятие благородное, избавляющее душу от мрачного настроения и дающее ей покой, радость и восторг. Плиний, консул, в переписке с Тацитом также отмечает доброе влияние охоты на душу; а в одном месте своей переписки с другим приятелем указывает на трудность усвоения искусства правильной охоты в следующих словах: "что касается меня, то я занимаюсь в Тусканской вилле охотой и наукой, иногда одной из них, иногда и той, и другой вместе, но я не в состоянии, однако, решить, в

котором из этих двух занятий достичь успеха труднее".

История древней и средневековой Европы полна сказаниями и легендами из охотничьего быта и повестями об охотниках-богатырях. Страсть к охоте была в крови многих средневековых королей; но особенно страстными охотниками были Каролинги. Пипин Короткий, Карл Великий, Карломан, Людовики XI и XII, Франциск I, Генрих II, Карл IX, Генрих IV, Людовик XIII представляют собой типы истых охотников, соединявших в себе безграничную отвагу с ловкостью и опытностью в охоте.

Как всегда и везде, и на Руси охота предупреждает собою историю. История уже на первых страницах бытописания земли русской отмечает существование охоты как факта обычного и широко распространенного. Без сомнения, и на нашей территории охота началась еще в те времена, когда здесь впервые появились люди. Везде возникая одновременно с появлением человека, она и здесь должна была возникнуть в далекой непроглядной тьме веков.

В историческую же эпоху Руси мы уже находим охоту не только как промысел, но и как искусство. Если и теперь есть у нас простор и живой материал для охоты на севере и юге, на западе и востоке, то в те отдаленные времена, очевидно, его было слишком достаточно. Тогда Русь в значительной части была покрыта исполинскими лесами, о которых лишь слабое понятие могут дать ныне сохранившиеся леса на сев.-вост. России, по берегам Печоры и Камы. В них было много простора и приволья для всякого зверя и для всякой птицы, и, следовательно, много было разнообразного материала для охоты.

Первые исторические известия о народах, живших в пределах нынешней России, характеризуют их как охотников.

Геродот, греческий историк и путешественник V в. до Р. Х., первый посетил нашу страну и оставил сведения о ее древних обитателях. В его время в пределах южной России жили скифы и сарматы, народ кочевой, которому звероловство доставляло пищу и одежду, столь необходимую в холодном климате. В юго-восточной степной полосе (в пределах нынешних Воронежской, Саратовской, Симбирской и др. губерний) жили вудины; "за степью, поворота более к востоку (т. е. в приуральском пространстве), обитали тисагеты, народ многочисленный и особый, питающийся звериною ловлей; по смежности с ними жили ирки, тоже звероловы". Описывая быт этих народов, Геродот замечает, что все они занимались охотой: "высмотрев зверя с вершины какого-либо дерева, они пускают в него стрелу, а потом, вскочив на коня, преследуют его с помощью собаки".

Другие известия, относящиеся уже к христианской эре и более близкие к началу нашей истории, передают, что на севере России жили роксоланы, занимавшиеся грабежом и охотой (Марцелин), а по берегам "миотийских болот", в бассейне Днепра и далее на с.-зап. жили унны или гунны, свирепое племя, занимавшееся исключительно охотой (Приск и Иорнанд).

Арабские писатели Ибн-Хордаббе и Ибн-Хаукаль говорят об обширной торговле пушным товаром, которую жители Руси вели на Румском (Черном или Средиземном) море.

Еще более убедительное и наглядное

подтверждение охотничьего быта древних обитателей России дают нам археологические находки так называемой "Чертомлыцкой могилы". "Толстая" могила, названная по имени речки Чертомлыцкой, представляет громадный курган, находившийся к с.-з. от местечка Никополя, лежащего на самом Днепре (Екатеринославской губ. и уезда). При раскопке этого кургана в мае 1862 года были открыты сложенные в кучу, без всякого порядка, различные предметы конского уздечного и др. прибора: перержавевшие железные удила (числом до 250), бронзовые баранчики, пуговицы, пряжки, запоны резные в виде птичьей головы и наносники в виде бюста какого-то животного. Под удилами лежали различные бронзовые вещи, изображавшие зверей и птиц. В могиле найдено 5 мечей с рукоятками, покрытыми чеканным золотом; на четырех из них грубой работой изображены грифоны и олени, а на пятой превосходно вычеканено изображение охоты. В одном из подземелий были открыты золотые украшения, с изображениями на них оленей, зайцев и др. животных, и тут же найден полуистлевший остов собаки, быть может, охотничьего пса погребенного вождя. В глубине подземелья открыта серебряная ваза с изображением двух грифов, терзающих оленя, и украшенная горельефными вызолоченными изображениями сцен из быта скифов, занятых уходом за своими конями. Без сомнения, здесь изображено самое существенное и важное дело из скифского быта, именно покорение дикого коня. Эта мысль развита с замечательным искусством, и изящные изображения расположены в том последовательном порядке, каким всегда сопровождалось это скифское степное занятие. Изображения расположены вокруг вазы и составляют два особых и равных отдела:

передний и задний. Начальный пункт художественной мысли и самого дела находится посередине этой задней стороны всей картины. Здесь две лошади представлены еще на степной дикой свободе: они пасутся в степи. По сторонам изображено первое действие их покорения человеку: они уже пойманы на аркан скифами, которые стараются удержать, остановить их на месте. Фигуры лошадей и скифов изображают сопротивление друг другу: лошади стремятся убежать, скифы всеми силами упираются, чтобы удержать их.

Таким образом, этот задний отдел картины, и с правой, и с левой стороны, существенно выражает одно: ловлю степного дикого коня. С передней стороны вазы, на самой середине, изображена картина усмирения пойманной лошади, представлено усилие трех скифов повалить на землю дикого коня, чтобы взнуздать его. Два скифа, стоящие впереди коня, тянут его веревками, один за правую переднюю ногу, другой за обе задние ноги, по-видимому, спутанные; третий скиф, стоящий позади, тоже тянет к себе коня за левую переднюю ногу.

Группа слева показывает, что конь уже взнуздан и скиф треножит его, подтягивая левую переднюю ногу через плечо коня к правому поводу узды с целью оставить его в этом неестественном и неудобном положении, чтобы он сам собою привык слушаться узды. Группа справа показывает, что дикий конь уже спокоен, обьезжен, взнуздан и оседлан и скиф его треножит для отдыха.

Таковы данные археологии, которые говорят нам о древнейшей эпохе русской охоты.

Судя по данным летописей и других письменных источников, наши предки называли охоту "ловами":

"ловы десяти" значило охотиться, "обловитися" значило иметь большой успех на охоте.

Это название с древнейших времен прочно держалось и в письменном языке, и в употреблении народном. Любопытна замена его современным названием "охота". Последнее название начинает устанавливаться с конца XV – начала XVI в., и эта замена в названиях произошла под влиянием изменений в самом характере и значении охоты. "Ловы" выражают мысль о материальной стороне охоты, о желательном обилии улова; "охота", напротив, указывает на настроение, на страстное хотение "гнати по зверю", когда важно не то, сколько уловлено, но как и при каких обстоятельствах. Если для "ловца" важен обильный улов зверей или птиц при наименьшей затрате сил, то для "охотника", напротив, важен не материальный, количественный успех охоты, но те ее условия, которые дают пищу догадливости и проницательности охотника, его ловкости и смелости, и которые обращают охоту в источник наслаждения; чем больше препятствий, тем приятней для охотника успех и выше его качество, а количественное выражение этого успеха для истинного охотника на втором плане.

Но если это так, то замена в названиях и должна была произойти в то время, когда охота обратилась в искусство, цель которого было не столько удовлетворение первых наших нужд, как то: доставление себе пищи и одежды, сколько удовлетворение свойственной человеческой душе потребности в наслаждении. Правда, в былинах Владимирова цикла встречается название "охоты": так, калики перехожие, подходя к Киеву, встречаются с князем Владимиром, который "ездит за охотою"; но ведь известно, что в языке былин, как и в их

содержании, наблюдается целый ряд наслоений позднейшего происхождения. Во всяком случае, замена слова "ловы" словом "охота" произошла не раньше XV века; а к этому приблизительно времени, по-видимому, относится заметный упадок охоты как промысла, с одной стороны, и возникновение некоторой организации в княжеских и царских охотах – с другой. XV–XVI в., вообще говоря, можно считать временем, когда охота княжеская изменяет свой первоначальный характер добычливого промысла и становится развлечением и забавой для князей.

Глава I

Естественные и бытовые условия древней русской охоты

Охота и охотничий промысел искони существовали на Руси. Неизвестно, когда наши предки исключительно занимались охотой и в какую пору они научились возделывать землю. Устные и письменные источники нашей истории свидетельствуют о событиях той эпохи, когда охота и земледелие у восточных славян существовали уже совместно. Ввиду прямых и косвенных свидетельств об охоте, находимых нами в летописях, былинах, в грамотах и актах различного содержания, а также в сказаниях некоторых иностранцев, в качестве послов или гостей посетивших Россию в XVI и XVII вв., едва ли возможно сомневаться в том, что в раннюю пору русской жизни охота за зверями и птицами была широко распространена по всей территории Древней Руси. Охота давала нашим предкам средства удовлетворять их несложным и неприхотливым потребностям в пище и одежде, и она же положила первое начало их экономической деятельности.

По словам летописи, наши предки жили в лесах и питались птицами и зверями: "Древляне живяху звериньским образом... ядяху вся нечисто... И Радимичи и Вятичи и Север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто"¹. В этом отношении наши предки-славяне мало чем отличались от своих беспокойных соседей, полудиких кочевников-Половцев, о которых летописец выражается так: "Ядуще мертвечину и всю нечистоту,

хомеки и сусолы"². В летописном предании об основателях Киева рассказывается, между прочим, о том, что они ловили зверей в тогдашних густых днепровских лесах. "И быша три брата, единому имя Кий, а другому Щок, третьему Хорив, а сестра их Лыбедь... и... сотвориша себе градок во имя брата своего старейшего, якоже и бысть, и нарекоша имя ему град Киев. И бяше же около града того лес и бор велик и бяху ловяще зверь"³. Итак, по словам летописного предания, первые поселенцы Киева занимались охотой. Многие летописные известия положительно устанавливают тот факт, что охота и звероловство в IX–XVI вв. производились повсюду на всем пространстве от Белого моря до Днепра и от западных границ Руси до Урала и за Уралом. Угрюмый житель севера был таким же страстным охотником-звероловом, как и подвижной южанин. Несознательный выбор или личные склонности делали наших предков охотниками, но властные, хотя и безмолвные, указания природы, спорить с которой у них еще не было ни сил, ни средств. Природа Древней Руси во многом отличалась от нынешней. Теперь страна наша – земледельческая, и ее бесчисленные пашни, раскинувшиеся вдаль и вширь по лицу земли нашей, кормят хлебом не одну Русь, но и другие народы. А в древнее время Русь была страной сплошных лесов, болотистых и непроходимых, где легко погибала иногда целая рать⁴.

Тогда лес покрывал почти всю Русь. Спускался он с Карпат на север в низменности Припяти, Березины, Вислы, Немана, покрывал их густою, непроходимой чащей, раскидывался он и на восток, с тех же Карпат за горы Рифейские, спускаясь на юге приблизительно до 48° с. ш.

Карта Московіи Герберштейна, конца XV столѣтія, съ современной травяры на деревъ.

Карта Московіи Якова Гастольди, конца XV столѣтія, съ современной травяры на деревъ.

Здесь граница его, уклоняясь постепенно на север, шла наперерез по верховьям Днестра, Южного Буга и Ингула до Днепра; перейдя затем на левую его сторону, она сопровождала берега Сакмары, Волчьих вод, пересекала верховья Калки, Берды, Миуса и направлялась к устьям Донца; перекинувшись потом за Дон, она поднималась вверх по этой реке и шла к тому месту Волги, где в последнюю впадает Сарпа; далее она опять поднималась вверх по правой стороне Волги до впадения в нее Иргиза, а затем, перейдя на левый берег, направлялась параллельно Общему Сырту к устью Сакмары и, перебросившись через Урал, терялась в степях Азии. На юг от этой черты было царство степей, травянистых в низовьях рек Днестра, Буга, Калки, Дона и пустынных в низовьях Волги. И так, лес покрывал более или менее плотно все пространство России, заключавшееся приблизительно между 48° и $66^{\circ} 30'$ с. ш. и 45° и 80° в. д., т. е. площадь приблизительно в 3.500.000 квадратных верст⁵. Насколько изменился с тех пор внешний вид нашей страны, можно понять из того, что в настоящее время под лесом Евр. России только 157.600.000 десятин⁶.

Нашим предкам поневоле приходилось жить среди лесов. В лесу они родились, в лесу жили, в лесу и умирали. Он их кормил и одевал, давая им все, что только мог дать. Но зато они были во власти леса, так же как нынешний крестьянин во власти земли.

Не без борьбы лес уступал свою власть над ним земле, пашне. Под лесом находилась девственная хлебобордная почва; но, чтобы воспользоваться ею, нашим предкам приходилось вложить в нее массу труда, упорного и неусыпного; нужно было очистить ее от леса посредством "роздерти", "росчисти", "роскоси", "гари" – т. е. способом очень нелегким; еще в XIV в.

новые починки "садили на сыром корени"⁷. Стоило землепашцу немного сплоскать по своей или чужой вине, и лес снова брал верх над пашней: из "сырого корня" быстро вырастала молодая поросль, заглушала ниву и губила труды земледельца.

Так, после разорения Курска "окрестности и весь уезд его велием древесем проростоша и многим зверям обиталища быша"⁸. Вкладывая в пашню массу труда и неусыпно блюдя за ней, земледelec, однако, не мог быть уверен в том, что плоды ее достанутся ему. В древнее время часто нивы и села были жертвой набегов половецких или татарских. Под 1093 годом летописец говорит: "Се бо на ны Бог попусти поганя... сынове Измаилеви (т. е. половцы) пожигаху села и гумна и многи церкви огнем запалиша... города вси опустеша, села опустеша; перейдем поля, идеже пасома беша стада конь, овця и волове, все тоще ныне видим, нивы поростше зверем жилища быша"⁹. При таких условиях вполне естественно, что наши предки тяготели более к лесу, чем к пашне. В лесу стоило им закинуть тенета, поставить на путике кляпцы или насторожить пругла, и зверь или птица попадались в ловушку. В тогдашних лесах и болотах привольно было жить и плодиться всякому зверю и всякой птице, и повсюду их было великое множество. Ходили даже рассказы о том, что в некоторых местах звери падают на землю из тучи, и простодушные предки верили таким рассказам. "Еще мужи старии ходили за Югру и Самоядь, яко видивши сами на полунощных странах, спаде туча, и в той тучи спаде веверица млада, аки топериво рожона, и взростши и расходятся по земли, и паки бывает другая туча, и спадают оленци мали в ней, и взрастают и расходятся по земли. Сему же ми есть послух посадник Павел Ладожский и вси Ладожане"¹⁰. Чтобы дать

представление об изобилии зверей в Древней Руси, мы приведем свидетельства о зверях севера и юга, востока и запада.

На северо-восток от Новгорода и Москвы лежали земли, богатые пушными зверями: Югра, Печора, Заволочье и Пермь.

Югра сама говорила новгородцам: "копим серебро и соболи и ино узорочье"¹¹. Петрей де Ерлезунд говорит о жителях Югры, что они "не имеют ни пахотных полей, ни лугов, а живут в пустынях, как Лапландцы, и вместо хлеба употребляют в пищу мясо диких птиц и зверей"¹².

Лесистый печорский край, населенный самоедами, был настоящим царством зверей и птиц. Здесь добывались самые лучшие меха пушных зверей. Герберштейн, Петрей де Ерлезунд, Мильтон (XVII в.) и др.¹³ свидетельствуют, что на Печоре в изобилии водились лучшие соболи, прекраснейшие куницы, бобры, горностаи, белые медведи, белые и черные волки, черные лисицы, лучшие и отборные белки, зайцы и другие звери; из птиц здесь встречались соколы и кречеты, гуси и утки, куропатки, лебеди; кроме того, самоеды, жившие у самого моря, охотились на моржей, зубы которых ценились на вес серебра и шли преимущественно в Турцию.

Жители Пермской области, по свидетельству Ерлезунда, питались мясом диких птиц и зверей¹⁴.

На востоке Руси были расположены земли: Мордовская, Муромская, Рязанская. Меха зверей Мордовской земли были известны в древности под именем буртасских и очень дорого ценились. Арабский писатель X в. Масуди писал: "черные лисицы, привозимые из земли Буртасов, составляют самые

уважаемые и дорогие меха; владетельные особы делают из них шапки и шубы и ценят их весьма высоко"¹⁵. По сказанию других арабских писателей, кроме черно-бурых лисиц, Мордовская земля была богата черными куницами и скифскими соболями. Петрей де Ерлезунд так описывает Мордовскую и Черемисскую землю: "в Мордовской и Черемисской земле не совсем-то хорошо растет хлеб: жители меняют свои драгоценные меха русским на хлеб, водку, платье и сало. В лесах у них водятся разные звери, птицы и в изобилии пчелы. Некоторые из них живут в домах, некоторые в поле, шалашах и хижинах и большею частью кормятся от своих стад. Женщины так искусны и ловки, что стреляют из луков, как мужчины. Они приучают к стрельбе и своих детей сызмала и не прежде дают им обедать, пока они не попадут в поставленную для стрельбы цель или мету"¹⁶. О Рязанской области есть указание у Герберштейна, что даже в его время (XVI в.) она изобиловала птицами и дикими зверями¹⁷.

В южном крае России, где начиналась степная полоса, обилие зверей и птиц было столь же значительно, как и в северо-восточной части ее. Архимандрит Переяславский Пимен, совершивший в 1389 году, с подложною грамотою, свое путешествие в Царьград к императору и патриарху за митрополитством, так описывал берега Дона: "Бысть же сие путное шествие печально и уныльниво: бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ни что же, ни града ни села... пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыня велия и зверей множество: кози, лоси, волцы, бобры; и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и проч."¹⁸. Герберштейн также сообщает, что на Дону "дичи множество, и ее так легко

добывают стрелами, что путешествующие по тем местам нуждаются только в огне и соли"¹⁹.

Южные и юго-западные области Древней Руси изобиловали редкими породами зверей. В Черниговской области в XII в., судя по духовной Владимира Мономаха, водились в большом количестве дикие кони, туры, вепри, олени, лоси и волки²⁰. В Волынской области упоминаются кабаны и медведи. Вообще, в юго-западной Руси зверя и дичи было великое множество, как это можно видеть из путевых записок Михалона Литвина. По его словам, даже в первой половине XVI в. там было "такое множество зверей в лесах и степях, что дикие воны (bisontes), дикие ослы (anagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается; коз и кабанов оставляют без внимания. Газелей такое множество перебегают из степей в леса, а летом в степи, что каждый крестьянин убивает тысячи. На берегах живет множество бобров. Птиц удивительно много, так что мальчики весною наполняют лодки яйцами уток, диких гусей, журавлей, лебедей и потом их выводками наполняются птичьи дворы. Орлят запирают в клетки для перьев к стрелам"²¹. Без сомнения, это свидетельство Михалона не вполне достоверно: количество зверей и птиц очевидно в нем преувеличено, но характерно и самое преувеличение, ибо оно вызвано действительно изумительным обилием зверей и дичи юго-западной окраины Древней Руси.

Литва в начале XVI в., по словам Герберштейна²², была богата бизонтами, буйволами и лосями; а по свидетельству другого писателя того же времени, в ней водились целые стада диких быков, множество беляков (зайцев) и лисиц, из птиц преимущественно куропатки, продававшиеся около 1 1/2 копеек за штуку²³.

В Полоцкой области было много бобров²⁴, а в Смоленской водились куницы, лисицы, лоси и часто встречались тетерева²⁵.

Не обижена была зверями и дичью и центральная полоса Древней Руси; но здесь птиц водилось больше, чем зверей. Ерлезунд говорит, что "в Московской земле из диких птиц водятся: дрохвы, глухари, тетерева, лесные куропатки, дикие утки, ястреба, рябчики, седоголовые и обыкновенные дрозды, кулики, жаворонки, сороки, голуби и много других"²⁶. Встречались здесь, однако, лоси, медведи, волки и зайцы.

В 1552 году, во время похода Иоанна Грозного на Казань, царское войско, идя из-под Тулы дремучими лесами и пустынями, питалось дикими зверями, птицею и рыбою. "Мы не имели запасов с собою, – пишут очевидцы этого похода, – везде природа до наступления поста готовила для нас обильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились в реках, птицы сами падали на землю пред нами"²⁷, – "и так, – говорит кн. Курбский, – Господь пропитал нас и войско, ово рыбами, ово иными зверьми"²⁸.

Приведенные свидетельства дают нам полное право сказать, что с IX по XVI в. Русь во всех своих областях и местностях была чрезвычайно богата зверями и птицами. В ее дремучих лесах жили, плодились и множились пушные звери, одетые в красивые, мягкие, дорогие меха; водились в них и редкие животные, вроде зубров и туров; в степях встречались дикие кони, не знавшие узды и всадника; и повсюду стаями попадались птицы самых разнообразных пород. Русский человек со всех сторон был окружен зверями, но нельзя сказать, чтобы это

соседство было для него всегда удобно или приятно. Иногда эти четвероногие соседи делали набеги на селения и производили в них общую панику. Иностранцы, посещавшие Русь, рассказывали, что в зимнюю холодную пору звери, гонимые из лесов морозом и стужей, врываются в дома жителей, а те от страха разбегались и мерзли около своих жилищ, не решаясь выпроводить из них назойливых гостей²⁹.

Бывали от них и другие беды; летопись под 1430 годом отмечает такой факт: "в Смоленъце явися волк гол без шерсти, и много людей ел"³⁰. Но все эти неудобства и неприятности вполне искупались теми выгодами, какие наши предки извлекали из этого обилия зверей и птиц. При малочисленности удобных для пашни земель обилие зверей и дичи делалось основным источником народного хозяйства, а охота и звероловство — главным занятием тогдашнего населения. Охота удовлетворяла личные и общественные нужды наших предков и совмещала в себе эстетическое наслаждение и прямую выгоду. Эта мысль прекрасно оттенена в духовной Владимира Мономаха; дивясь обилию зверей и птиц, наполняющих поля и леса, Мономах говорит: "Все же то дал Бог на угодье человеком, на снєдь и на весельє"³¹.

Меха зверей, массами истреблявшихся на ловлях и охотах, составляли главное богатство народа: за удовлетворением личных потребностей, все остальное количество добывавшихся мехов частью шло на уплату дани, а частью на торговые обороты.

Меховую дань предки наши платили вначале варягам и беспокойным кочевникам юга, затем собственным князьям и впоследствии

завоевателям-татарам. "Имаху дань Варязи, приходяще из Заморья на Чуди и на Словенех и на Мерях и на всех и на Кривичех; а Козарс имахуть на Полянех и на Северех и на Вятичех, имаху по беле и веверице тако от дыма"³².

Олег обложил древлян и северян меховою данью: "Иде, – говорит летопись, – Олег на Древляны и Северы, и взложи дань на них по черне куне"³³. Татары, завоевав Русь, обложили все население поголовною меховою данью: всякий, не исключая младенцев, должен был давать по шкуре белого или черного медведя, черного бобра, черно-бурой лисицы, соболя и хорька или дохона³⁴.

Несомненно, однако, что самая громадная часть меховой добычи употреблялась на продажу. В Средние века в Европе господствовала мода на меховые одежды; поэтому спрос на меха был очень большой. Русские продавали меха и в Европу, и азиатским народам. "Скора", или шкуры, зверей были главным предметом нашего вывоза и меновой торговли: через Новгород меха шли в ганзейские города; по великому пути "из варяг в греки", т. е. по Днепру в Царьград, меха отправлялись в Грецию; по так называемому "залозному пути", лежавшему по Днестру и через Галицию, меха продавались в Венгрию и Богемию; по "солонному" пути через Дон в Крым меха доставлялись в г. Судак, куда съезжались купцы разных стран, наконец, по Волге меха шли в Болгары и Итиль, а отсюда развозились в Берду, Дербент, Багдад и далее в Азию. В обмен на свои меха русские получали из Европы преимущественно серебро, золото, шелковые ткани, одежды и пряности, из Азии оружие, атласные ткани, камки, иногда хлеб и редкие овощи и пряности. О размерах мехового вывоза можно судить по

следующему факту: в царствование царя Феодора Иоанновича, т. е. во времена более или менее позднейшие, за границу отпускали до 10.000 кож лосьих, оленьих и др. ежегодно³⁵, а общая стоимость мехового вывоза достигала тогда солидной суммы 500.000 рублей.

Меховая дань и меховая торговля существовали благодаря охоте за зверями; но, в свою очередь, они влияли на охоту, делая ее повсеместной, возбуждая к ней энергию русского народа. Таким образом; малочисленность пахотных земель, безмерное обилие зверей и птиц, меховая дань и торговля мехами – вот причины повсеместной охоты в Древней Руси. Охотились мужчины и даже женщины. В древнюю пору русская охота имела характер преимущественно промысловый, добычливый; но с течением времени, когда человек стал побеждать девственную русскую природу, когда дичь стала уменьшаться в количестве, охотник-промышленник начинает уступать свое место охотнику-любителю.

Впрочем, и в древнюю пору наряду с охотой "прибытка ради"³⁶ существовала также и охота ради удовольствия и забавы: русские князья и тогда уже охотились "утеху себе творяше"³⁷.

Соответственно этим двум типам охотников можно и зверей Древней Руси разделить на две группы: промысловых и охотничьих; за первыми охотились ради их дорогих мехов, за вторыми – по страсти к сильным ощущениям, какими сопровождалась всегда эта охота.

Первая группа состояла из следующих зверей: соболи, куницы, бобры, лисицы, выдры, песцы и зайцы, горностаи, хорьки, медведи, волки, рыси,

барсуки, росوماхи, векши (веверицы), норки, сурки ("хомеки"); а ко второй группе принадлежали: вепри или кабаны, лоси, олени, дикие козы, серны, сайгаки (иначе называвшиеся солгаками и сейгаками), зубры, туры и дикие кони. Чтобы полнее представить картину древнерусской фауны, перечислим здесь также и птиц, существовавших на Руси и имевших отношение к охоте: соколы, кречеты и ястреба были ловчими птицами, и с ними охотились на лебедей, журавлей, гусей, уток, чернедей (чирков), гоголей (или гаг), тетеревов, рябчиков, крастелей и перепелок.

В течение веков русская фауна, конечно, должна была измениться. Прошли те времена, когда Владимир Мономах мог ловить по 10 и 20 диких коней или охотиться на туров, когда бобры возводили свои замысловатые постройки на реках почти всей Руси. Воспоминание об этих животных сохранилось только в названиях рек, сел и городов: напр. река Тура, гор. Туров, Бобров, Бобруйск, река Бобр, Бобрина и т. п.

Хотя зверями и птицами были богаты все места Древней Руси, однако у каждой породы зверей были свои излюбленные места, наиболее отвечавшие по своим условиям природе, нравам и образу жизни того или другого зверя.

В настоящее время трудно восстановить с большою точностью географические границы распространения известных пород в Древней Руси; опираясь на скудные известия памятников нашей письменности, можно лишь с приблизительною верностью обозначить эти границы³⁸. Общая картина расселения зверей в Древней Руси такова: северо-восточный край был занят преимущественно промысловыми зверями, юго-западный —

преимущественно охотничьими, а в центральной полосе обитали и те, и другие.

Соболь в группе промысловых зверей северо-восточного края занимал одно из первых мест. Коренная родина соболя – сплошные нагорные леса Центральной Сибири, но в древнее время он обитал во всей северо-восточной части Руси, а 200 лет тому назад он водился во всей Пермской губернии и в восточной части губерний Вятской, Вологодской и Архангельской. В XVI в. иногда встречался в северо-западной части, хотя следует думать, что в эту сторону случайно заходили лишь отдельные экземпляры. "По сю (т. е. западную) сторону Устюга и Двинской области соболей находят весьма редко, – говорит Герберштейн, – но около Печоры их много и притом превосходнейших.. у каменного пояса (Урала) самоед ловит много соболей.. а на самом каменном поясе, где растут кедры, водится самый черный соболь"³⁹.

Судя по свидетельству Ибн-Фоцлана и Истахари о том, что меха соболей в их время доставлялись "из земли Визу", можно думать, что в IX в. соболь водился в области рек Мологи и Шексны. О существовании соболя в западной полосе говорят только былины; но это показание не находит себе подтверждения в других данных. Основываясь на немногих свидетельствах о распространении соболя, можно утверждать, что соболь в древности не спускался юго-западнее черты, проведенной от верховьев Невы и Волги до верховьев Мокши и Суры. В настоящее время соболь встречается иногда в верховьях Печоры и на северо-западном склоне Уральского хребта, но как редкий и желанный гость; вообще теперь можно принять хребет Урала от 64° с. ш. до 58° с. ш. за западную границу

распространения соболя, которую, однако, нельзя назвать устойчивой: теснимый соболь все более и более удаляется к востоку, из низменных лесов в горную тайгу северной Азии⁴⁰.

В древнее время соболей добывалось великое множество. Карамзин говорит, что в XVI в. их добывалось ежегодно до 50.000 сороков, т. е. до 2.000.000 штук. В 1594 г. Борис Годунов отправил в Вену 40.360 соболей. При таком обилии цена их тогда была невысока. В XVI в. дикари Биармии (Пермского края) давали за топор столько соболей, сколько пролезет их в проушину его; а камчадалы платили за нож 6 соболей, а за железный котел сколько в него входило, да при этом еще и смеялись над легкомыслием продавцов. В торговле было три сорта соболей: добрые, средние и плохие; низший сорт соболей назывался "недособли". Продавались целые меха и отдельно собольи лапки, брюшки, душки, хвосты; брюшки, душки и лапки продавались парами и сороками (20 пар), а хвосты всегда отдельно.

Иностранцы покупали соболей сороками, или "циммерами". Во времена Ермака сорочек соболей стоил 28 рублей. В конце XVI в. соболи, стоившие в Перми 10 рублей за сорочек, в Холмогорах продавались по 25 рублей. Соболю хвосты ценились от 3 алтын 2 денег до 10 алтын за штуку или от 6 до 18 р. за сорочек⁴¹.

В домашнем обиходе меха соболей употреблялись на шубы, шапки и одеяла. В 1328 г. Иван Калита завещал своему сыну "бугай соболий с наплечки". О собольих одеялах мы узнаем из послания Даниила Заточника неизвестному князю (1199) (можно догадываться, что это был новгородский князь Ярослав

Владимирович, княживший с 1182 по 1199 г.): "егда ляжеши на мягких постелях под собольими одеялы, а мене помяни, господине, под единым платном лежаще, зимою умирающе и каплями дождевыми, яко стрелами, пронизающе". Ибн-Фошиан видел, как Русские при погребении на мертвого надевали соболью шапку⁴². В былинах щеголь Владимир описывается в таком наряде: "кунья шубонька на одно плечо, шапочка соболя на одно ушко"⁴³. Соболями хвостами украшались иногда головы лошадей.

Более распространенным пушным зверем, чем соболь, была куница, которая водится как в хвойных, так и в лиственных лесах, тогда как соболю нужен хвойный лес. Куница водилась в средней части бассейна Днепра, в лесах по берегам Зап. Буга, Бобра, Нарева, по берегам Немана, Березины и Припяти, по верховьям Зап. Двины, в бассейне Суры и Мокши и в волжских лесах и спускалась на юге до границы лесов⁴⁴. К XVI веку границы распространения ее начинают суживаться, и куниц становится все меньше и меньше. Лучшими куницами считались башкирские; в торговле куницы разделялись на лесных и каменных. Куньи меха в XVI в. продавались также сороками, в виде цельных шкурок, и только куньи хвосты продавались отдельно; цена сорочку куниц была 13 рублей. В раннюю пору куньи шкурки служили ходячей монетой; куньи меха употреблялись на шубы, преимущественно в среде людей небогатых, но достаточных. Впрочем, куньи шубы носились и богатыми; проповедник XII в. так обличает богача: "ты облачишися и ходиши в паволоце и в кунах, а убогий руба не имать на телеси"⁴⁵.

Бобры, уцелевшие ныне только в Минской губернии, в Древней Руси водились повсюду. В

летописях и в особенности в жалованных грамотах и в писцовых книгах часто упоминаются "бобровые гоны" и "зеремьяна", т. е. места поселения, колонии бобров. Бобры водились по реке Суре, т. е. в пределах нынешних губерний Нижегородской, Пензенской, Симбирской, в бассейне Западной Двины, т. е. в Полоцкой и Смоленской областях, и в бассейне Дона; на юге, таким образом, бобры спускались до границы лесов. Бобры разделялись на настоящих и кошлоков, а по цвету были черные, черно-карие, карие и рыжие; лучшими считались черные. В торговой книге XVI в. обычная рыночная цена черному бобру показана два рубля. Продавалась также бобровая струя, имевшая медицинское употребление, и пуд ее в XVI в. стоил 3 р.; кроме того, из бобров вычесывали шерсть, которую продавали во Францию, где из нее делали шляпы. Из шкуры бобров в старину делали колчаны ("тулы бобровые"); ими же отделывались женские шубки, как это можно видеть из плача Ярославны в "Слове о полку Игореве": "полечу зегзицею (лесной голубкой) по Дунаеви, омочу бобрят рукав в Каяле реце, утру князю кровавые его раны на жестоцем его теле"⁴⁶, или как это передано в русском стихотворном переводе:

"Я быстрее лесной голубки
По Дунаю полечу
И рукав бобровой шубки
Я в Каяле омочу,
Князю милому предстану
И на теле на больном
Окровавленные раны
Оботру тем рукавом".

Лисицы были распространены по всей России; но

лучшие черно-бурые водились в Мордовской земле. В продаже существовало семь сортов лисиц: черные, черно-бурые, черно-черёвые, бурые, сиводушчатые, белые⁴⁷ и красные. За мех черно-бурой лисицы в XVI в. платили от 30 до 40 червонцев, как об этом свидетельствует Рафаэль Барберини, живший в XVI в. по торговым делам в Москве. Простые лисицы продавались сотнями, и сотня в XVI в. стоила только два рубля. Лисьи меха на Руси были в большом употреблении и в особенности на мужские шапки.

О горностаях известий очень мало; можно думать, что этот зверек преимущественно водился в сев.-в. Руси и в Сибири. Горностаи в XVI в. продавались по 3–4 деньги за штуку и вывозились преимущественно в Испанию. Горностаевый мех употреблялся на украшение одежды и платья; делались из него и шубы. Сохранилась шапочка новгородского архиеп. Никиты (1108) из синей шелковой ткани, опушенная горностаем. На царские мантии горностаи в древнее время не употреблялись; всего чаще из него делалась опушка на женских платьях и накладка снизу до колен⁴⁸. Уже в позднейшее время художники начали изображать благоверную княгиню Ольгу, равноапостольного князя Владимира и других князей, преимущественно угодников, в горностаевых мантиях. Ценность горностаевых мехов стала быстро возрастать с XVII в., когда китайцы стали делать большие закупки горностаи.

Остальные промысловые звери: медведи, волки, барсуки, росوماхи, зайцы, белки, рыси и др. – водились по всей территории Древней Руси. Медвежьи шкуры продавались в XVI в. по 20 алтын за штуку; употреблялись на шубы, санные полости и рукавицы. Джон Мильтон говорит, что "русские ездили зимою в

саях, сидя на ковре или шкуре белого медведя; шея впряженной лошади убиралась множеством волчьих или лисьих хвостов"⁴⁹. "Убранством головы лошади служили также и собольи хвосты"⁵⁰. Послу императора римского Максимилиана II к царю Иоанну IV, Пернштейну, посетившему Москву в 1575 г., Грозный "подарил сани и чудную белую лошадь, украшенную шкурою белого медведя"⁵¹. Волки продавались в XVI в. у Двинского порта от 1 рубля 3 алтын до 1 рубля 11 алтын. В XIII в. из волчьих шкур делались шлемы, как равно и из барсуковых шкур ("прилбицы"). Белка была самым употребительным мехом; добывалась она повсюду, но лучшими белками были устюжские и вологодские, а самые лучшие сибирские.

Лучшие беличьи меха были с красным отливом – "прокрасные", худшие – молочного цвета. Продавались беличьи меха тысячами, и тысяча в XVI в. стоила в Холмогорах 40 ефимков⁵². Из беличьих мехов преимущественно шились шубы и вообще теплые одежды, но они шли также и на украшение женских нарядов. Лучшие зайцы водились в крымских степях, назывались русаками и были светло-серого цвета.

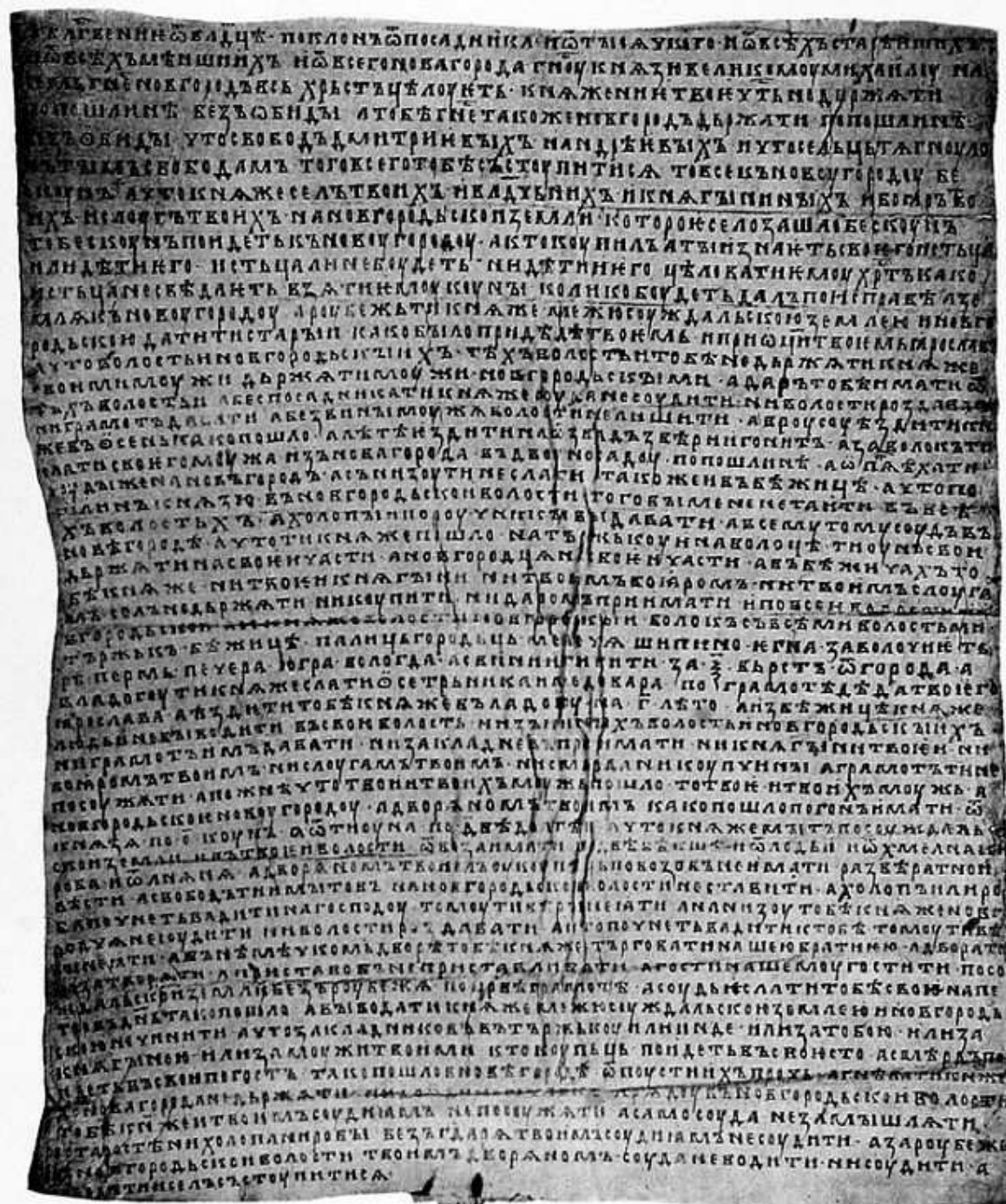
Таким образом, большая часть промысловых дорогих зверей принадлежала северо-восточной Руси и Сибири; из последней в царствование царя Феодора Иоанновича ежегодно доставлялось в казну 200 т. соболей, 10 т. черных лисиц и 500 т. белок.

Из группы охотничьих зверей распространеннее других были вепри или кабаны. Ныне они живут только в Литве и на Кавказе, а в древнее время водились почти повсюду. На севере они заходили гораздо выше Новгорода; так, в договорной грамоте Новгорода с вел. кн. Ярославом Ярославичем Тверским

в 1265 (и после в 1307–8 и 1326 г.) сказано: "а свиньи ти, княже, бити за 60 верст от города"⁵³; на востоке попадались в Рязанском княжестве, но в большем изобилии встречались на юге, в Черниговском княжестве, и на юго-западе, в Галиции. Охота на вепрей всегда была сопряжена с большими опасностями: вепрь, даже тяжело раненный, защищается свирепо и отчаянно. "Вепрь ми на бедре меч отъял (оторвал)", – говорит Владимир Мономах.

Лоси спускались гораздо южнее, чем ныне: водились они в бассейне Дона и в бассейне Десны, а на севере встречались по верховьям Волги.

Об оленях в древних памятниках упоминается редко.

Добрыня храбрый. Изображение Добрыни с Вол. Кн. Творскимъ Михаиломъ Александровичемъ, 1305—1308 г.

Из поучения Владимира Мономаха мы знаем, что в его время олени водились в Черниговском княжестве, а по свидетельству Михалона Литвина в XVI в. их много было и в Литве.

В южных степях кочевал стадами сайгак, о котором Герберштейн говорит следующее: "в степях Борисфена (Днепра), Танаиса (Дона) и Ра (Волги) есть лесная овца, которую поляки называют солгак, а москвиты сейгак; величиною с молодого козла, только ноги покороче, рога у ней высокие, длинные и рубчатые; из них москвиты делают рукоятки для ножей; сайгаки весьма быстры на бегу и очень высоко прыгают"⁵⁴. Вероятно, Михалон Литвин говорит именно о сайгаках, ошибочно называя их газелями, что "в Литве их такое множество перебегает зимою из степей в леса, а летом в степи, что каждый крестьянин убивает их тысячи". Сайгачьи шкуры и рога были предметом торговли.

В лесах юго-западной Руси водились туры, или дикие быки, окончательно вымершие, по словам Брема, в начале XVII в. Во времена Герберштейна на Руси их уже не было, но в Литве они еще встречались, хотя и не в изобилии. Герберштейн так описывает туров: "Это в самом деле лесные быки, нисколько не отличающиеся от домашних, разве только тем, что они все черные и имеют белую полосу вдоль хребта. Их не очень много, и на некоторые деревни возложен уход за ними; наблюдают за ними так же почти, как в зверинцах... Король Сигизмунд подарил мне, когда я был послом у него, одного выпотрошенного быка, которого добились охотники, когда он полуживой был выгнан из стада... Известно, что пояса из буйволово́й кожи ценятся, и в народе верят, что опоясывание ими помогает в родах. По этой причине королева Бона, мать Сигизмунда

Августа, подарила мне два таких пояса, из которых один благосклонно приняла от меня в подарок моя пресветлейшая Государыня Королева Римская"⁵⁵. В древних памятниках тур представляется животным весьма сильным, смелым и свирепым. "Тура мя два метала на розех и с конем", – говорит Владимир Мономах. В народной поэзии тур служит любимым образом для сравнения: былины сравнивают с туром богатырей, а "Слово о полку Игореве" называет князя Всеволода "буй-туром".

В памятниках XIV столетия находим сведения об употреблении турьих рогов, как сосудов для напитков. При упоминании о веровании в божество Переплута встречаем фразу: "Иже вертячеся пьют ему в розех" (турьих)⁵⁶. Другим редким зверем был зубр; водились ли зубры в пределах Древней Руси, об этом прямых указаний памятники не дают, и в летописях о зубрах вовсе не упоминается; может быть, впрочем, что наши предки под названием "тура" иногда разумели тура в собственном смысле, а иногда зубра. Но если зубры и водились в пределах Древней Руси, то это во всяком случае было в раннюю эпоху, не позже конца XII в. Уже в XI в.

польские короли запрещают охоту на зубра под страхом смертной казни, несомненно из желания сохранить эту редкую породу. Под конец XII в. зубр становится уже большою редкостью и встречается только около Кракова, Сандомира, Радома, Варшавы и в восточных провинциях Пруссии. По сведениям Люстрации 1533 г. зубры еще водились в царстве Польском в пуще Jaktorowskiej, имевшей в длину 20 верст и в ширину 14; здесь-то, вероятно, и видел их Герберштейн.

Он так описывает их: "бизонт с гривой; шея и плечи косматые; борода висящая с подбородка; волосы пахнут мускусом; голова короткая; глаза большие, впалые, как бы пылающие; лоб широкий; рога по большей части расположены так, что в промежутке между ними могут усесться три хорошо сложенных человека... Спина зубра приподнимается в виде горба, так что передняя и задняя части животного ниже середины"⁵⁷. Неизвестный автор письма, сохранившегося в бумагах Флорентинского архива, дает точно такое же описание зубра, но прибавляет еще одну любопытную черту: "по свойственной его (зубра) природе гордости, он избегает общества молодых зубров, товарищей своих, и держится от них в ружейном расстоянии и, уединяясь в глуши, стоит неподвижно на одном месте с поднятою головою"⁵⁸. Остатки этой редкой породы, находящейся в периоде вымирания, ныне сохранились только в Беловежской пуще (Гродненской губернии) да на Кавказе и доживают здесь свой век под защитой специальных законов; но, вероятно, недалеко уже то время, когда о зубрах будут знать только по преданию, точно так же как и о диких конях, во времена Мономаха целыми табунами водившихся в степях южной Руси. Затрудняются решить, были ли это подлинно дикие кони вроде азиатских тарпанов или это были одичавшие лошади, наподобие американских мустангов. Основываясь на характере изображений, найденных в Чертомлыцкой "толстой" могиле (о чем уже говорено в введении), мы диких коней времен Мономаха считаем подлинно дикими, позднейшим поколением степных неприрученных лошадей, которых некогда ловили скифы, древнейшие обитатели южной Руси.

Более спорным представляется вопрос о пардусах, или барсах (леопардах): водились ли в Древней Руси барсы? В древних известиях упоминаний о барсах немного; летопись говорит о них только три раза: под 964 г., под 1147 г. и под 1159 г. В первом случае, желая охарактеризовать князя Святослава, летописец говорит о нем следующее: "Князю Святославу возрастшу и возмужавшу, нача воя совокупляти многы и храбры, бе бо сам хоробр и легок, ходя акы пардус"⁵⁹. Сравнение Святослава с пардусом указывает, по-видимому, на близкое знакомство наших предков с этим зверем; но в памятниках не редкость встретить и сравнение со львом, который, без сомнения, на Руси не водился, т. е. сравнение с барсом могло быть заимствовано не из действительного быта, а из литературного источника, как и сравнение со львом.

Два другие свидетельства из летописи говорят о подарках пардусами. В 1147 году Юрий Долгорукий звал к себе в Москву князя Святослава Ольговича Северского: "Святослав же еха к нему с детем своим Ольгом, в мале дружине, поима с собою Володимера Святославича; Олег же еха наперед к Гюргеви и да ему пардус"⁶⁰. В 1159 году Ростислав Киевский и Святослав Ольгович съехались для обсуждения плана действий против общего врага Изяслава Даниловича: "бысть же съезд сей на великую любовь. Тогда же Ростислав позва Святослава к себе на обед, Святослав же еха к нему без всякого извета (т. е. измены), и бысть радость в т день межю има и дарови мнозь, да бо Ростислав Святославу собольми, и горностайми, и черными куны, и песцы, и белыми волкы и рыбьими зубы; на заутрие же позва Святослав Ростислава к себе на обед и тако быста весела паче вчерашнего дни, да Святослав Ростиславу пардус и два коня борза у ковану

седлу, и тако розидостася усвосяи"⁶¹.

Комментируя эти места летописи, наши историки полагают, что в обоих случаях дарились шкуры барсов⁶². "Пардус-барс, –говорит Забелин, – был очень известен древней Руси и кожами пардуса, вероятно целыми с шерстью, заменявшими ковры, князья дарили друг друга как лучшим и дорогим подарком"⁶³.

В новейшее время высказано предположение⁶⁴, что дарились не шкуры барсов, а живые, выдрессированные для охоты барсы. Известно, что в Азии, у монгольских ханов, охота с дрессированными леопардами в старину практиковалась довольно широко; леопарды притравливались натаской, и ими травили зверей, как и теперь еще травят гепардом в Индии. Говорят, что наши предки могли перенять способ барсовой охоты от монголов сначала через половцев, впоследствии через татар-завоевателей. Но о существовании барсовой охоты у половцев нет никаких известий и даже никаких намеков; практиковалась ли она у татарских ханов, прямых и бесспорных указаний на это также не имеется. Правда, в ханских ярлыках русскому духовенству упоминаются⁶⁵, наряду с другими лицами из состава ханских охот, и пардусники; напр. в ярлыке хана Узбека митр. Петру сказано: "...никто же обидит на Руси соборную церковь митр. Петра и его людей и церковных его... да не вступаются никто же ни в чем же, в церковные и митрополича, ни в волости их, и в села их, ни во всякие ловли их... а что будет церковные люди, ремесланницы кои... или иные мастера каковы ни буду или ловцы какова лова ни буду или сокольницы а в то наши никто не вступается и наше дело их да не емлют: и пардусники наши, и ловцы наши, и сокольницы и побержницы наши да не вступаются в них и да не

взимают у них их дельных орудий, да не отнимают ничего же". Те же пардусники упоминаются еще в ярлыках хана Аталюка митр. Михаилу Киевскому, хана Мэнгу-Темира Оксана русским митрополитам и хана Бердека митр. Алексею Киевскому; но в переводных памятниках слово "пардус" часто обозначает собою рысь, и, стало быть, пардусниками могли называться охотники за рысями, которых тогда было повсюду великое множество. Известный зоолог Брем полагает, что барсы могли водиться в Южной России, так как ее климатические условия отвечают натуре зверя; но отсутствие положительных известий не дает нам права категорически утверждать, что барсы в Южной Руси водились и жили постоянно. Более правдоподобным мы считаем мнение проф. Усова, что барсы иногда заходили в пределы Южной Руси с Кавказа и становились редким трофеем княжеской охоты. Так это было, полагаем, около 1147 и 1159 годов и несколько раньше при Владимире Мономахе. В своей духовной Владимир Мономах, между прочим, говорит: "лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже". Под "лютым зверем" в этом отрывке обыкновенно разумеют волка, основываясь на том, что в древней письменности "лютый зверь" – синоним волка; но хорошо известно всякому, даже не охотнику, что волк – большой трус, один на один никогда не бросится на конного охотника и едва ли в силах опрокинуть коня и всадника; поэтому более вероятным кажется видеть здесь в "лютом звере" не волка, а барса, как это делает проф. Усов⁶⁶. Разумеется, шкуры таких редких зверей могли служить очень приличным подарком при существовавшем между князьями обычае обмениваться дарами.

Древняя Русь была еще более богата птицами.

Дикие птицы не особенно прихотливы в отношении климатических условий, поэтому в Древней Руси они водились повсюду, расселяясь или в лесах, или в болотах. Но ловчие птицы, соколы, кречеты и ястребы, селились почти исключительно на крайнем севере, в пределах Двинской земли и Печорского края.

Отдавая охоте труд и время, наши предки не отказывали себе в удовольствии пользоваться всеми плодами охоты; мы видели, какое употребление они делали из мехов красного зверя, теперь скажем несколько слов об употреблении дичи в пищу. Мясо диких птиц, равно как и зверей, употреблялось на Руси в пищу с самых древних времен. Так как мясо некоторых зверей по церковным правилам считалось нечистым и не разрешалось в пищу, то духовенство с раннего времени борется с этим и энергично обличает наших предков в употреблении недозволенной пищи. Еще Лука Жидята (в 1036 г.) убеждал новгородцев не есть нечистой дичи: "братия, не ядите скверна". Но жизнь и ее нужды действовали на наших предков сильнее этих убеждений и обличений; невзирая на церковное обличение, предки наши всегда ели разнообразное мясо, и в списке их кушаний дичь занимала не последнее место. Не пропадали даром и перья добываемых охотою птиц. Джон Мильтон повествует, "что русские продавали перья водившихся на Печоре птиц, а мясо их солили впрок на зиму" (Московия ст. 2-я).

Судя по различным данным, можно сказать, что, напр., зайцев ели уже при Владимире Святом, что видно из обличений проповедников.

В "Слове о богатом и убогом", относящемся к XII в., есть описание обеда богача, из которого видно, что в

XII в. употреблялось в пищу мясо зайцев, оленей, кабанов, а из птиц: тетеревов, рябчиков, журавлей и куропаток, над приготовлением которых трудились "множество сакачии (поваров) работающе и делающе с потмь"⁶⁷. Описывая обеды Василия Иоанновича III, Герберштейн говорит, что жареные журавли в мясоед подаются гостям первым блюдом. Трех из поставленных перед ним князь резал ножиком, пробуя, который из них лучше и предпочтительнее других... "сюда подливали уксусу, прибавляли соли и перцу, ибо употребляли это вместо соусу или похлебки"⁶⁸.

В 1597 году отпускали к столу австрийского посла из кормового дворца: восемь блюд лебедей, восемь блюд журавлей с пряным зельем, несколько петушков рассольных с инбирем, куриц бескостных, тетеревей с шафраном, рябчиков со сливами, уток с огурцами, гусей с пшеном срацинским, зайцев в лапше и в репе, мозги лосьи и прочее⁶⁹.

От XI и XII вв. дошли до нас известия об употреблении в пищу медвежатины⁷⁰ и веверичины (векшины)⁷¹. В "Домострое" (XVI в.) мы находим очень длинный список блюд, приготовлявшихся из дичи: в различных видах и с различными приправами приготовлялись тогда кушанья из журавлей, лебедей, цаплей, уток, гусей, тетеревов, рябчиков, куропаток и жаворонков, из заячьего и лосиного мяса. Шафран и перец, уксус, лук и соль в больших дозах служили любимой приправой для кушаний наших предков. Иностранцам русская кухня не нравилась, и Флетчер (XVI в.), напр., называет ее грубою.

Так как охота играла очень видную и важную роль в общем строе древнерусской жизни, то естественно, что русские пастыри не могли в своих проповедях

иногда не затрагивать этой стороны быта. В отношении охоты древнерусское духовенство обнаруживало некоторую двойственность.

В одной древней рукописи⁷² взгляд духовенства на охоту выражен в форме слишком строгой: "аще кто медведя или иная животная различная игралища прехищря... и ловитвам прилежаяй..., то сих в слабость едино запрещение имать, еже сих с эпитемиею каятися и престати от таковых". Автор "Домостроя" раздражается против охоты целой филиппикой, ставит ее, так сказать, на одну линию с блудом и другими тяжкими грехами и грозит "творящим таковая" шестилетним запрещением, а в случае упорства даже и отлучением от церкви. "Аще кто не по Бозе живет и не по христианскому житию, – говорит он между прочим, – ...и перевесы и всякое угодие неправдою и насилием творит... или ловы творит с собаками и со птицами и с медведи.... сам государь и его дети и христиане тако творят, а государь о том не возбраняет... вси вкупе будут во аде, а zde прокляты"⁷³. Но в том же "Домострое" мы видим длинный ряд блюд из дичи, рекомендуемый им для домашнего обихода. Весьма любопытно это противоречие между взглядом на охоту и практическим отношением к ней. Не одобряя охоту как забаву, духовенство, однако, хорошо понимало ее практические выгоды и всегда с большим удовольствием принимало от князей пожалования охотничьими угодьями. Если в словах и проповедях духовенства слышалось резкое обличение охоты, то объяснение этому нужно искать в самом характере древнерусской проповеди: долгое время она рабски следовала византийским образцам и, назидая слушателей, совершенно игнорировала действительные условия жизни и их быта. Но как только вопрос

переносился на практическую, жизненную почву, само духовенство просто и целесообразно разрешало недоумения в области той же охоты. Так, на вопрос Кирика новгородскому епископу Нифонту (около 1156 г.): "можно ли в праздник убивать птиц, рыб и других земных животных?" – дан епископом такой ответ: "в день Господень человек должен идти в церковь, потому что это праздник; однако ж, если того требуют людские нужды, то можно убивать"⁷⁴.

Князья и простолюдины смотрели на охоту иначе, чем духовенство, проще и правдивее.

Владимир Мономах хорошо выразил народную мысль об охоте, когда по поводу обилия зверей и птиц сказал: "все же то дал Бог на угодье человеком, на снесь, на веселье". Князья прекрасно понимали важное значение охоты, бытовое и воспитательное. Это доказывается очень хорошо фресками Киевского Софийского собора.

В 1037 году, в княжение Ярослава Мудрого, на Киев напали печенеги, но были наголову разбиты Ярославом в союзе с варягами и новгородцами; в память этого события на месте самой страшной сечи с печенегами Ярослав построил храм в честь святой Софии, расписанный греческими художниками: две лестницы, которые вели на хоры, расписаны изображениями княжеской охоты, княжеского суда и народных увеселений. Смотря на эти изображения, помещенные у самого входа в дом Божий, народ, без сомнения, еще более утверждался в своей мысли, что охоты и ловы не суть дело грешное и вредное, но нужное и важное. И эту мысль народное творчество не раз впоследствии высказало в поэтической форме и в былинах, где оно рисует богатырей-охотников, и в

замечательном литературном памятнике XII в. – в "Слове о полку Игореве", где картинные сравнения, взятые из охотничьего быта, дышат жизнью и сообщают всему произведению яркие краски.

В народном представлении охота и богатство объединялись внутренней причинною связью; это прекрасно подтверждается следующим охотничьим заговором или заклятием, сохранившимся в Новгородской земле от времен язычества: "Пойду я в чистое поле, в чистом поле млад месяц находился, от млада месяца – млад молодец: сидит на вороном коне, по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре, на буйной голове все кудри в золоте. Держит молодец золотую кису, золотой топор и булатный нож; в золотой кисе лежит мясо, сечет мясо молодец булатным ножом и бросает на мой волок... Возговорил добрый молодец: гой еси лисицы черноухие, черноусые, лисицы бурые, рыси и росوماхи и седые волки, сбегайтесь на мой волок, на мою отраву, днем по солнцу, а ночью по месяцу. Ключ да замок!"⁷⁵.

Но если охота в общем строе древнерусской жизни была делом первой важности, то естественно спросить: какое влияние оказывала она на склад народного характера, на миросозерцание народа?

Народ – охотник по необходимости – полагается всего больше на личную предприимчивость и предусмотрительность; подверженный риску и неожиданностям, он естественно вырабатывает в своем характере стойкость и бесстрашие перед опасностью. Конечно, проследить на отдельных примерах влияние охоты на характер наших предков нет никакой возможности, потому что история застаёт уже совместное существование охоты и земледелия в

древнейшую эпоху Руси. Оба эти занятия, бесспорно, влияли в равной мере на образование нашего народного характера; но если земледельческий труд воспитал в русской душе склонность к спокойной и вдумчиво-серьезной мысли, то на счет влияния охоты нужно отнести такие качества русского духа, не раз удивлявшие мир, как бесстрашие и стойкость, о которые, как волны о скалы, разбивались былые беды и бури.

Ознакомившись с общими условиями охоты в Древней Руси, мы перейдем теперь к характеристике представителей древнерусской охоты – великих князей.

Глава II

Великие князья и цари-охотники

В Древней Руси и князья, и народ вели жизнь простую, незатейливую; много было общего и сходного в их привычках и занятиях, в трудах и развлечениях. Несложна была старинная жизнь и не отличалась она большим разнообразием развлечений: веселая пирушка, песня и пляска, единоборство и наездничество и, наконец, охота, вот чем тешил себя древнерусский человек. Всеобщий исторический опыт показывает, что развлечения становятся тем разнообразнее по формам и выше по качеству, чем развивается в умственном и нравственном отношении делается человек и чем разнообразнее становится его внутренняя жизнь. Но древний период нашей истории – киевский – весь был полон постоянной напряженной борьбы: внешней – с воинственными соседями-кочевниками, внутренней – удельной борьбы князей между собою.

Этому бурному и мятежному времени вполне по характеру соответствовали и удовольствия того времени, шумные, разгульные, воинственные. Пирь и охоты составляли любимейшее развлечение киевских князей, за которым они отдыхали от забот и тревог, столь обычных в то беспокойное время. Впрочем, правильнее сказать, что охота в жизни великих князей была не отдыхом, но лишь переменой занятий; это был труд, увлекательный, но очень не легкий и нередко весьма опасный: "а се труждахоя ловы дея", – говорит о своей охоте Владимир Мономах.

Итак, в быту великих князей киевского периода

охота составляла постоянную принадлежность княжеской жизни и отражала на себе особенности времени и личный характер того или другого князя. Можно сказать, что в этот период вся жизнь князей протекала или в ратном поле, или в отъезде; лишь только наступал мирный промежуток времени, князья спешили "на ловы" и отдавались им с таким увлечением, что забывали порою о возможной опасности со стороны врагов. Должно заметить, что такое же увлечение ловами было свойственно и князьям Московской Руси; вот пример: в 1378 г. в княжение Дмитрия Донского, когда русский отряд был за рекою Пьяной и мало остерегался татар, "князи и бояре старейшие, вельможи и воеводы, ти все поехаша, ловы деюще, утеху себе творяще, мнящиеся яко дома"⁷⁶.

Тем оживленнее, шире и значительнее была княжеская охота, чем энергичнее был личный характер князя: решительный и неутомимый Владимир Мономах отдавал всего себя охоте, пробовал себя во всех ее видах и, казалось, намеренно искал в охоте наиболее рискованных и опасных случаев; спокойный Ярослав Мудрый, склонный к созерцательности, предпочитал сидеть с "удницей" на берегу реки, чем гоняться за зверем. Несмотря, однако, на различие в характерах и личных свойствах, все киевские князья были охотниками более или менее рьяными, как об этом свидетельствуют отрывочные и неполные, но частые сведения, разбросанные по летописям и другим источникам.

Первый из князей, о котором упоминается как об охотнике, был Игорь Рюрикович (912–945 г.). Живя в Киеве при опекуне своем, язычнике Олеге, Игорь постоянно занимался ловами и пристрастился к ним.

Провидению угодно было обратить ловы Игоревы в спасительное средство для просвещения Киевской Руси христианством, так как с его ловами тесно связана его женитьба на Ольге, бывшей, по выражению летописца, "денницею и луною спасения".

Не довольствуясь охотой близ Киева, Игорь отправился "деять ловы" во Пскове (Плескове) и его окрестностях. В один день Игорь в сопровождении ловчей дружины ехал на коне на ловы к селу Выбутскому и при въезде в село встретил прекраснейшую девицу, приостановил коня и заговорил с нею; поселянка отвечала скромно и умно. Игорь пленился ее умом и красотой и избрал ее своею супругой⁷⁷. Но даже и счастливый брак не охладил в Игоре страсти к охоте. По возвращении в Киев Игорь по-прежнему с увлечением занимался охотой. Таков уж был дух того времени, что удаль и сила не мирились с тихой и мирной обстановкой семейных радостей, но искали сильных ощущений и любили развернуться во всю свою мощь на просторе полей и в приволье лесов. Нередко Игорь брал с собою на охоту малолетнего сына Святослава, чтобы с детства приучить его ко всем трудностям и опасностям охоты. Вообще надо заметить, что в древние времена охота была лучшей школой для приготовления воинов к боевой жизни. И это воспитательное значение охоты было хорошо понято как Игорем, так и Ольгой. По смерти мужа Ольга продолжала воспитывать Святослава в том же духе, лично показывая ему пример храбрости и выносливости на войне и охоте. Летописец говорит о ней: "Иде Вольга по Деревьстей (древлянской) земли с сыном своим и с дружиною уставляючи уставы и уроки; суть становища се и ловища... ловища ее суть по всей земли... и по Днепру перевесища и по Десне"⁷⁸.

"Ловища" – места, наиболее удобные и выгодные для охоты; посещая их, дружина Ольги, конечно, пользовалась случаем вдоволь поохотиться, а вместе с дружиной, без сомнения, "ловы деяла" и сама княгиня. Хотя нет никаких прямых указаний в письменных источниках, которыми можно было бы подтвердить наше предположение, но, тем не менее, мы не можем сомневаться в том, что Ольга принимала иногда участие в охоте, которая устраивалась в тех местностях, где находились "ловища ее и перевесища". Если Ольга не боялась подвергать себя риску и опасностям похода против древлян, которым она жестоко отомстила за смерть мужа, то чего ради она уклонялась бы от охоты, где опасностей меньше, а удовольствия и наслаждения много? Она должна была разделять с дружиной удовольствия охоты, как раньше делила с ней все опасности похода, а сыну она заменила при этом погибшего отца, его первого учителя и руководителя на поприще охоты. И это как нельзя более отвечает твердому, чисто мужскому характеру Ольги. Пусть охота – "мужеское дело", как выражается Владимир Мономах, но она не могла быть чужда Ольге, мужеству которой могли бы позавидовать самые мужественные мужи даже тех героических времен.

Святослав (957–972) унаследовал основные черты характера своих родителей и в особенности их страсть к охоте. Воспитанный своим отцом на охоте, с детства свыкшийся с трудами и опасностями ловли звериной, Святослав выработал в себе твердый и непреклонный характер и даже в условиях того времени является типом поистине богатырским. Несмотря на девять веков, отделяющих нас от Святослава, и теперь еще нельзя не восхищаться удивительною мощью его духа и величавой простотой его привычек. Будучи еще

мальчиком, он умел уже ловко пустить стрелу в зверя, мчавшегося на него, лихо ездил верхом и пробовал уже владеть копьем. Когда в 946 г. Ольга пошла на древлян, чтобы отомстить за смерть Игоря, Святослав был с нею и первый открыл битву с древлянами: "суну копьем Святослав Древляны и копье лете сквозе уши коневы, удари в ноги коневы, бе бо детеск"⁷⁹. Летописец так обрисовал воинственный и суровый характер возмужавшего Святослава: "князю Святославу возрастю и возмужавшю, нача воя совокупляти многы и храбры, бе бо сам хоробр и легок. Легко ходя акы пардус, войны многи творяше. Ходя воз по себе не возяше, ни котла; ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину, на углех испек ядяше; ни шатра имяше, но подклад (потник) послав и седло в головах; такоже и прочие вои его вси деяху"⁸⁰.

По смерти Святослава между тремя его сыновьями, Ярополком, Олегом и Владимиром, вскоре началась междоусобная вражда, через пять лет завершившаяся восстановлением единой державы в лице Владимира. Весьма любопытный факт, что ближайшим поводом этой усабицы послужило событие, тесно связанное с историей княжеских ловов. Покидая Русь для Болгарии, Святослав, как известно, разделил между сыновьями свои русские владения так: старший сын, еще мальчик лет 11–12, Ярополк, княжил в Киеве; второй сын, Олег, сидел в Древлянской земле, а младший, Владимир, был отпущен княжить, под опекой дяди его Добрыни, в Новгород. В Киеве, при малолетнем Ярополке, был в большой силе Свенельд, один из самых отважных витязей Святославовой дружины, возвратившийся в Киев после смерти Святослава. В 975 г. сын⁸¹ этого Свенельда, по имени Лют, поехал из Киева на охоту; увлекшись погоней за зверем, он нечаянно заехал в

леса, принадлежавшие к волости Олега, древлянского князя. Случайно в это же время охотился здесь и сам Олег. Заметив, что кто-то сторонний гонит по зверю в его лесах, Олег спрашивает: "Кто это такой?" –

Дружина отвечала: "Свенельдич". Олег нагнал Люта и убил его, вероятно, обиженный таким явным нарушением территориальных прав охоты.

Свенельд глубоко затаил в себе ненависть к Олегу, убийце его единственного и любимого сына, и решил отмстить ему; для этой цели он воспользовался своим влиянием на Ярополка и, разжигая его властолюбие, постоянно твердил ему: "пойди на брата своего, отними у него власть и княжи себе один". И он достиг, чего хотел. Через два года после того Ярополк пошел войной на Олега и разбил его. Олег бежал к Вручаю (Овручъ Волынской г.), но на одном мосту был в общей суматохе смят и насмерть растоптан толпою спасавшейся бегством дружины. Ярополк горько оплакивал смерть брата; указывая на его обезображенный труп, не без упрека он сказал Свенельду: "смотри, исполнилось твое желанье". Но, начав усобицу, Ярополк вскоре и сам сделался ее жертвой; во время перемирия с Владимиром он был предательски убит двумя подкупленными варягами, пронзенный под мышки варяжскими мечами. С его смертью усобица кончилась, и Владимир стал единодержавным князем (980–1015 г.).

Был ли Владимир Святославич страстным охотником, часто ли "деял он ловы", являл ли на ловах подвиги ловкости и смелости, об этом мы не имеем достоверных известий. Летопись совершенно даже умалчивает об охоте князя Владимира. Быть может, это молчание нужно объяснить тем, что все внимание летописца было поглощено событием величайшей важности – крещением Руси – и теми переменами, какие оно вносило в мирозерцание, жизнь и нравы народа: что в сравнении с этим значили ловы – явление обычное и повседневное! Но, может быть, летописец

умолчал о ловах Владимира и потому, что ничем особенным в этой области Владимир не отличался, что не возвышался он, так сказать, над средним типом князя-охотника. Принимая в расчет исторически известный характер Владимира, мы должны дать место этому соображению, хотя оно и идет совершенно вразрез с устными народными преданиями-песнями и былинами Владимирова цикла. По былинам,⁸² Владимир представляется незаурядным охотником. Его ловчая дружина так велика, как две рати на боевом поле; все ловчие, все бояре, и князья, и гридни, и отроки одеты в золото и серебро. Когда дружина выезжала торжественно из Киева на ловы, то каждому казалось, что то едут князья, собравшиеся со всего света на пир к великому князю Владимиру. На ловах великий князь не тратил напрасно стрелы, не метал на ветер копья. Охотился он на своих "государевых займищах", "на потешных лугах", "на потешных островах" – вблизи Киева. Тут-то раз и повстречали его на охоте калики перехожие и просили у него святую милостыню. "Мне нечего вам дать, – отвечал им Владимир, – я здесь потешаюсь охотою, а ступайте вы в Киев к княгине". В ловчей дружине Владимира находились чудо-богатыри: один тура разъяренного останавливал, схватив за рога; другой хватал медведя одною рукою, а другою отсекал мечем ему голову; третий лютую зверю пасть раздирал. Любопытны и отдельные эпизоды из охоты этих богатырей.

Так, в одной былине об Илье Муромце и Добрыне Никитиче рассказывается: "Из славного города Киева выезжали два богатыря могучие – Илья Муромец и брат его названный Добрыня Никитич; они выехали в чистое поле и подъехали к Сафат-реке. Илья Муромец наехал на бродучий след и поехал по следу: увидал он

богатыря в чистом поле, Збута Бориса Королевича.

Молодой Збук Королевич отвязывал от стремени выжлока и спускал с руки ясного сокола, и наказывал он выжлоку: "а теперь мне не до тебя пришло, а и ты бегай, выжлок, по темным лесам и корми свою буйную голову"; и ясну соколу он наказывает: "полети ты, сокол, на синее море и корми свою буйну голову, а мне молодцу, не до тебя пришло".

Другой эпизод касается охотничьих бесчинств Чурилиной дружины. Чурило Пленкович – заезжий богатырь. И сам он, и дружина его вели себя вольно. На Чурилову дружину так жаловались люди Владимиру: приходит к Владимиру толпа людей в триста человек и говорят ему: "Свет Владимир князь: мы ездили по чистому полю вверху реки Черegi, в твоём государевом займище. Ничего мы не наехали в поле и не видали ни зверя прыскачегo, ни птицы перелетной. Мы наехали в чистом поле на толпу молодцов, человек за пятьсот; они зверей повыловили и повыгнали и нас избили, изранили. Нет тебе, государю, добычи, а от тебя нам, государь, жалованья нет". Вслед за этою толпою приходит другая толпа, человек за пятьсот; это охотники-рыболовы; они избиты, изранены и тоже творят жалобу Владимиру: "Свет Владимир князь! Ездили мы по рекам, по озерам, на твое княженицкое счастье, ничего не поймали. Встретили мы людей, человек за пятьсот; повыловили они белую рыбицу, щук, карасей и мелкую рыбешку. Нам нет добычи, государь, а тебе приносу, а от тебя, государь, нам жалованья нет; дети и жены по миру пошли". Приходят затем к Владимиру с такою же жалобой кречатники и сокольники: "Свет Владимир князь! Ездили мы по полю чистому, вверху Черegi, по твоему государеву займищу, на потешных островах, на твое княженицкое счастье. Ничего не видали, не видали

сокола и кречета перелетного. Наехали мы только на молодцов за тысячу человек. Они соколов ясных всех похватывали, белых кречетов повыловили, а нас, государь, избили, изранили; называются дружиною Чуриловою".

По сказанию былин, ловчая дружина Владимира охотится или по собственной вольной волюшке, или по приказу ласкового князя Владимира добыть к его столу гусей, лебедей, перелетных серых уток. За охотой следовал пир среди двора, в княжеской гридне, убранной трофеями охоты: крышка гридни из седых бобров, потолок из черных соболей; на пиру богатыри-охотники пьют зелено вино чарами в полтора ведра и сладкий мед из турьих рогов в полтретья ведра.

Такова, по былинам, картина охотничьей жизни при дворе князя Владимира. Историческая действительность в ней украшена поэтическим вымыслом. Строго научный анализ содержания былин вскрывает в них наложение черт, принадлежащих к разным эпохам, вследствие чего невозможно приурочить содержание былин исключительно к эпохе Владимира Святославича. Выделяя из былин фантастический элемент, историки находят в них общую картину древнего княжеского быта, которую нельзя, однако, отнести к той или другой, хронологически определенной, исторической эпохе. Владимир былин – не Владимир Святославич, но лишь художественный тип древнего князя вообще, – тип, которого отдельные черты мы можем наблюдать как у Владимира Святославича и Владимира Всеволодовича Мономаха, так и у многих других князей Древней Руси... Твердо стоя на почве фактов, история отнимает у Владимира Святославича ореол, каким окружили его былины, и характеризует его иначе. Это был князь

вовсе не воинственный и решительный, и не особенно присуща была ему личная удаль и отвага. Он не походил на отца своего; казалось даже, ни одной черты не унаследовал он из отцовского характера, но, быть может, уродился весь в мать. Его мать была рабыня Малуша, ключница Ольги; что привлекло к ней сердце богатыря Святослава, об этом в летописи нет намека; одно несомненно, что ненасытная жажда неги и женской ласки в характере ее сына составляла основную черту. Владимир-язычник "бе побержон похотью женскою" и весь безраздельно отдавался этому чувству, "приводя к себе мужьские жены и девицы"⁸³. Сильная страсть к охоте едва ли могла бы мириться с женственно-мягким и изнеженным характером Владимира, и вот почему нельзя вслед за былинами признавать в нем охотника, равного его предшественникам.

Владимир имел двенадцать сыновей; но только о двух из них сохранились известия, относящиеся к истории княжеских ловов, – о Мстиславе и Ярославe. Это были характеры, мало похожие один на другой. Если Ярослав до известной степени унаследовал миролюбивый характер своего отца, то Мстислав, напротив, весь вышел в деда-Святослава: та же физическая богатырская сила; та же мощь духа, в спокойствии величая, в гневе грозная и ужасающая; тот же стальной характер и, наконец, то же благородство сердца. Этому богатырю "с красным лицом и грозными глазами" сила, казалось, не давала покоя: то он идет на крымских хазар, то, грозный и непобедимый, теснит прикубанских косогов и в единоборстве побеждает их великана Редедю; если не в битве, то на пиру с любимой дружиной; не на пиру, так на ловах, но везде эта сила прорывается

стремительным, бурным потоком.

Недаром "старый Баян" слагает про него песню, а летописец кратко, но чрезвычайно характерно отмечает событие его смерти: "В лето 6544 (1036) изъиде Мстислав на ловы разболеся и умре"⁸⁴.

Летопись не говорит ни слова об охоте великого князя Ярослава (1019–1054). Только у польских историков есть известие, что Ярослав беспечно удил рыбу на Днепре, когда к Киеву подступала (в 1018 г.) нежданная рать Болеслава Храброго⁸⁵. Подобно своему отцу, он мало заключал в себе данных для страстного охотника; это был князь, всецело преданный просвещению, страстный любитель книг, за которыми он проводил и дни, и ночи. Трудно допустить, чтобы это высокое увлечение могло оставить в душе Ярослава достаточно простора еще и для страсти к охоте; кроме того, он был хром, а это недостаток для охотника весьма существенный. Если бы в нем была сильна любовь к охоте, он чаще делил бы свои досуги с дружиной, где его охотничьи стремления находили бы и сочувствие, и поддержку; но Ярослав, не в пример другим князьям, "попы любяше повелику, излиха же бе любяче черноризьци"⁸⁶: уже один выбор такого общества говорит не в пользу того предположения, что Ярослав был большой любитель охоты⁸⁷.

Само собою разумеется, что отсутствие личной склонности к охоте еще не обрекало Ярослава на совершенно безучастное отношение к ней. Князь с большими дарованиями, светлым умом и широким пониманием жизни, Ярослав знал цену охоте, понимал ее важное значение в строе народной жизни. Об этом свидетельствуют, между прочим, два памятника, один письменный, другой вещественный, происхождение

которых относится ко времени Ярослава Мудрого. В первом русском законодательном сборнике, в так называемой "Русской Правде", имеются несколько статей, касающихся нарушения частных прав в деле охоты, а на стенах выстроенного Ярославом Софийского собора находятся фресковые изображения из охотничьего быта наряду с изображениями княжеского суда и других сцен из народного быта. Эти изображения в XVII в. были закрыты штукатуркой, на которой сделаны были другие изображения, но в XIX в. новая штукатурка была отбита, старая вскрыта, и Ярославовы фрески возобновлены и подправлены, так что мы имеем в них наглядное изображение состояния охоты в XI веке.

Все эти изображения можно разделить на две группы. Одни из них представляют самую охоту на различных зверей: пешую охоту с собакой на белку (рис. II) и кабана (рис. III), конную охоту на медведя (рис. IV) и "лютого зверя" (рис. IV, левая стор.), охоту с борзой за оленем (рис. V) и соколиную охоту на зайца (рис. VI).

Другие изображения касаются состава княжеских охот: есть изображения ловчих птиц-соколов и кречетов (рис. VII и VIII), охотничьих лошадей с ловчим (рис. I), музыканта (рис. X) и, как кажется, повара (рис. IX) для приготовления наловленной зверины и дичи. На этих изображениях охотники вооружены лишь копьем и луком, шлемом и щитом. Не раскрывая пред нами всей картины великокняжеской охоты со всеми ее подробностями, эти изображения все же дают понятие, что ко времени Ярослава она достигла значительного развития и имела уже некоторую организацию, которую Владимир Мономах впоследствии называет "ловчим нарядом".

Из сыновей Ярослава только об одном Всеволоде (1078–1093) летопись дает известие, касающееся охоты, чрезвычайно любопытное по некоторым подробностям, характеризующим орудия и способы охоты в его время. "

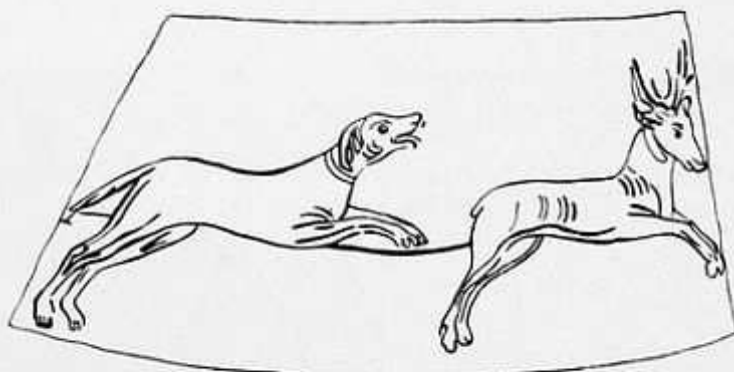

рис. V.

рис. VII.

рис. VI.

рис. VIII.

рис. IX.

Снимки с фрески Києво-Софійського собору, XI століття.

В лето 6596 (1088) Всеволоду ловы деюще звериные за Вышегородом, заматавшим тенета и кличаном кликнувшим, спаде привелик змей с небесе, и ужасошася вси людье"⁸⁸.

Отсюда видно, что уже в XI в. в великокняжеской охоте практиковался способ ловли тенетами при посредстве облавщиков ("кличан"): так охотились не на одних только зайцев, но и на других зверей.

Прежде чем перейти к характеристике Владимира Мономаха, упомянем еще об одном эпизоде, связанном с охотой Володаря Ростиславича (около 1120 г.), племянника Ярослава. Этот князь в XII в. был самым опасным врагом Польши. Желая от него избавиться, к нему направили Власта, знаменитого датчанина при дворе Болеслава Храброго. Назвавшись изгнанником, он приехал к Володарю с дружиной до 30 человек и некоторое время жил у него. Однажды оба они отправились на охоту. Князь, погнавшись за зверем, удалился от города, дружина его рассеялась по лесу, и подле него остался только Власт с своими дружинниками; они воспользовались благоприятного минутою, схватили Володаря и умчали его к польским границам. Впоследствии брат Володаря, Василько, выручил его из плена, уплатив большой выкуп и обязавшись действовать заодно с поляками⁸⁹.

Внук Ярослава и сын Всеволода I Владимир Мономах (1113–1125) в ряду других князей-охотников занимает совершенно особое место, ему одному подобающее.

В самом деле, в истории великокняжеской охоты Владимир Мономах представляет собою художественный, вполне законченный тип князя-охотника.

*Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ
Иностранныхъ Дѣлъ.*

Три основные черты характеризуют этот тип: безграничная отвага, покоящаяся на убеждении, что смерть не приходит раньше, как в урочный, Богом положенный час; выносливость, которая не признает усталости и нужды в покое, пока не справлено дело, и самодеятельность, которая создает индивидуальность и в человеке вообще, и в частности в охотнике, девиз которой: "все сам – ничего чрез других".

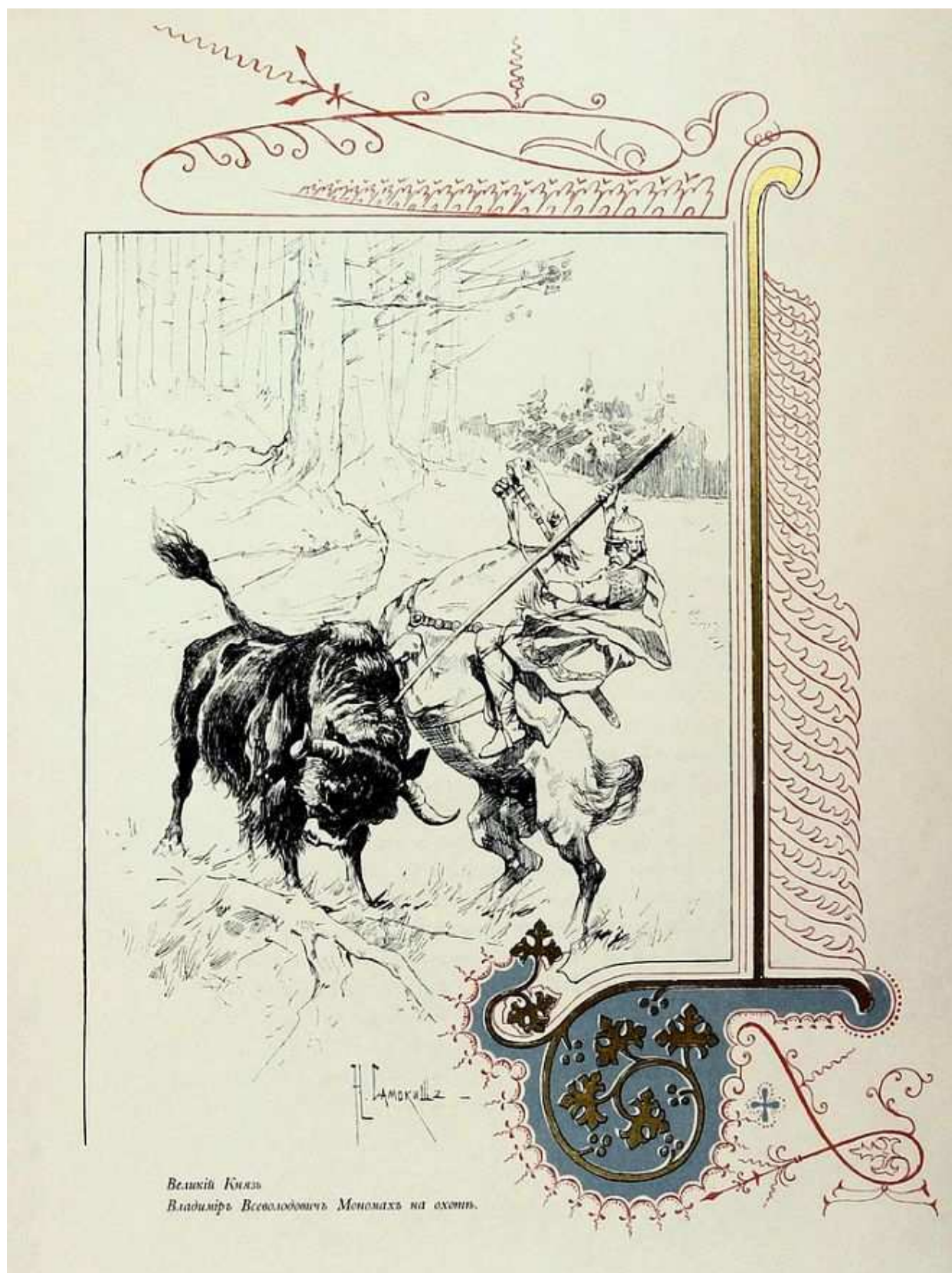
Этими чертами отмечена вся жизнь Владимира Мономаха, исполненная непрестанных трудов и подвигов и частых серьезных опасностей. Тринадцати лет от роду Мономах принялся за занятия, которые, по тогдашним понятиям, были приличны княжескому званию: за войну и охоту. Большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей проспал на сырой земле; одних дальних путешествий совершил он 83. Дома и в дороге, на войне и охоте делал все сам, не давал себе покоя ни днем, ни ночью, ни в холод, ни в жар; до света поднимался с постели, садился думать с дружиною, или оправливал (судил) людей, или шел на охоту. К охоте Мономах привык и пристрастился с детства, когда еще с отцом, Всеволодом, ходил ловить всякого зверя, и с тех пор страсть к охоте стала в душе Мономаха господствующею, и, казалось, опасности, которыми охота была богата, только сильнее разжигали в Мономахе увлечение к ней. Он охотился, "не блюдя живота своего, не щадя головы своей"; много раз на всем скаку падал с коня, дважды голову разбивал, ранил руки и ноги. А опасности от зверей были и еще страшнее: тур сильными рогами метал его вместе с конем два раза, а встретиться с рогами разъяренного тура почти то же, что встретиться со смертью; то олень, то лоси пробовали на нем крепость своих копыт и рогов; вепрь оборвал меч у него на

бедре, медведь у самого колена прокусил подклад (потник под седлом), лютый зверь вскочил к нему на бедра и повалил его вместе с конем, "но, – говорит Мономах, – Бог невредимым меня сохранил". В этих бедах и напастях Мономаху много помогала его богатырская сила и ловкая охотничья сноровка, о которых можно судить по одному тому, что собственными руками он вязал в пущах по 10 и 20 диких коней. Не забавой, не княжеской потехой была для него охота, но серьезным, жизненным делом, которое для своего успеха требует строгого порядка, систематичности и постоянного внимания к самым мелким подробностям.

Мономах сам доходил до всех подробностей охотничьего дела: "и в ловчих ловчий наряд держал, и в конюхах, и о соколах и о ястребах" заботился; что следовало делать отроку, то делал он сам, показывая пример, что всякое дело спорится, когда всякий выполняет свою долю в нем точно, строго, своевременно. Эту простоту нравов и эту строгость в отношении своих обязанностей он завещал (в своей "Духовной") и детям, и в особенности советовал им не бояться смерти: "Смерти, дети, не бойтесь ни от рати, ни от зверей, но творите мужеское дело, какое кому Бог пошлет; ничто не повредит вам, если того Бог не попустит, а если от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не отнимут вас у нее"⁹⁰. Таков был этот князь труженик; в народе твердо сохранялась память о нем, и долго он питал особенное расположение к "племени Владимира".

Великокняжеская охота во времена Мономаха, как это показывает его "Духовная", стояла на высокой степени развития. Благодаря обилию зверей она была разнообразна и давала большой простор для личного

выбора предметов охоты.

Существовала охота соколиная и ястребиная и, возможно полагать, псовая, хотя о собаках Мономах не упоминает ни слова. Но самое главное, это была уже охота упорядоченная, организованная: существовал ловчий наряд, т. е. специальный служебный персонал охоты; к сожалению, в "Духовной" Мономаха не указано подробно, из каких именно служащих состоял ловчий наряд, и как распределялись между ними занятия, и на какие специальности распадалась служба ловчего наряда; можно с достоверностью сказать только то, что в состав ловчего наряда входили сокольники и конюхи, относительно же других лиц наряда не представляется возможности высказать более или менее вероятное предположение.

Заканчивая Мономахом характеристики киевских князей-охотников, скажем несколько слов о местах их охоты. Хотя вблизи Киева, окруженного лесом и бором великим, недостатка в зверях не было, однако киевские князья, охотясь, иногда уходили далеко от Киева: так, Игорь ездил на охоту в Псков, Мономах охотился с отцом близ Чернигова и Турова. Но это, нужно думать, бывало во время больших и продолжительных охот. Для краткой охоты "глумства ради" существовали вблизи Киева удобные места, где выстроены были загородные увеселительные дворы на время приезда князей для охоты. Владимир Святой построил на Берестове и на Лыбеди село Предславлено; Всеволод I построил Красный двор, впоследствии разоренный половецким ханом Боняком. Загородный двор Владимира находился среди дремучего Берестовского леса, на приднепровских возвышенностях с сев.-зап. стороны нынешней Печерской лавры, а Всеволодов Красный двор находился за Берестовым и Лаврою, по направлению береговых возвышенностей и не в

далеком расстоянии от Выдубецкого монастыря, также на сев.-зап. его стороне, на холме, который представляет крутой спуск по берегу Днепра.

На запад от Красного двора находилось во время в. кн. Всеволода небольшое поселение и значительное пространство леса и открытой местности, изрытой оврагами; это пространство называлось "зверинцем", потому что здесь князья "деяли ловы" на зверей, во множестве водившихся по оврагам и в чаще леса. За зверинцем и Красным двором, на юг, находилось урочище Соколий Рог, принадлежавшее великим князьям. Это было довольно обширное пространство, изрытое оврагами и лишь кое-где покрытое деревьями. Местность с таким характером вполне была благоприятна для охоты с соколами, почему и называлась Сокольным Рогом. Рогом же названа, вероятно, потому, что крайняя оконечность этого пространства, простиравшаяся по горному возвышению, оканчивалась узкою вершиною холма, наподобие рога. Быть может, во времена Всеволода и Мономаха здесь было и поселение, где содержали и обучали для охоты княжеских соколов⁹¹.

Подобно киевским князьям, и другие князья юго-западной Руси — черниговские, галицкие, волынские — также питали страсть к охоте и предавались ловам с такою же ревностью и с таким же искусством. Не говоря уже о сходстве быта и воспитания князей, сама природа делала их охотниками, благодатная природа юго-западного края, тогда еще сплошь покрытого вековыми лесами, богатыми всяким зверем.

К сожалению, летопись не дает возможности проследить, как страсть к охоте наследственно передавалась от отцов к сыновьям в роду князей черниговских или галицких; но зато она отмечает отдельные эпизоды, связанные с охотой этих князей, и иногда дает характеристику князя-охотника.

Два эпизода связаны с именем Святослава Ольговича, князя Северского и впоследствии Черниговского. В 1180 году, в самый разгар междоусобной войны между Ольговичами и Мономаховичами, Святослав, желая вытеснить князей Рюрика и Давыда Ростиславичей из Киевской области, вздумал схватить Давыда на звериной ловле в окрестностях Днепра. Давыд вместе с княгиней и с дружиной на лодках "деял ловы" по Днепру, а Святослав шел по Черниговской стороне, "ловы дея противу Давыдови", т. е. маскируя охотой свой умысел против Давыда; в удобный момент он ударил внезапно на Давыда, так что тот едва успел спастись с женой на лодке, а его дружина и все запасы "товары" попали в руки Святославу⁹².

Спустя десять лет, в 1190 году, Святослав вновь охотился на Днепре, и на этот раз уже без задней мысли, не предпринимая козней против киевских князей. Усобица улеглась, с половцами был заключен мир, и вот Святослав вместе с Рюриком, недавним врагом, отправляются на ловы исключительно для утех и веселья. Летописец передает об этой охоте подробности в выражениях чрезвычайно характерных и имеющих большой интерес для истории охоты. "В лето 6698 (1190) Святослав с сватом своим Рюриком утишивша землю русскую и Половцы примиливша в волю свою, и сдумавша и идоста на ловы по Днепру в лодьях, на устья Тесмени, и ту ловы деявше и

обловишася множеством зверей, и тако наглумистася и во любви пребыста и во веселии по вся дни и возвратишася во свояси"⁹³. Очевидно, что этой охоте князей предшествовало соглашение относительно устройства охоты, и князья отправлялись на охоту с заранее обдуманном планом "сдумавша"; неудивительно, что эта охота была особенно удачна "обловишася множеством зверей" и принесла князьям массу удовольствий и наслаждения. "Пребывая в любви", которой не смущали ни тень минувшей усобицы, ни заботы о грядущем, князья всецело отдались бодрящим впечатлениям охоты, веселились и шутили "наглумистася", вероятно, на счет комических и забавных случаев, всегда неразлучных с большою охотой. Нужно думать, что князья охотились с собаками и с ловчими птицами, так как при дворе Святослава была в ходу ястребиная охота и его сын Игорь был большой любитель такой охоты; он ею занимался даже в плену у половцев после неудачного похода 1185 г., воспетого в "Слове о полку Игореве": "Половцы, – говорит летописец, – волю ему даяхуть, где хочет, ту ездяшеть и ястребом ловяшеть"⁹⁴.

Сведения об охотах галицких и волынских князей относятся к XII и XIII вв. Так, в 1144 году Владимир, основатель Галицкого княжества, ходил на ловы к устьям реки Тисмянницы.

Около 1166 года, по поводу приезда греческого императора Андроника Комнина, Ярослав Галицкий устроил большую охоту на туров, в которой принимали участие Ростислав Мстиславич, князь киевский, и другие русские князья. Андронику так понравилась княжеская охота, что, возвратясь на родину, он решил завести охоту при своем дворе⁹⁵.

Во второй половине XIII века на Галицком княжестве сидел Даниил Романович, очень выдающийся князь-охотник, как это можно видеть из следующего факта. В 1255 году, провожая свое войско до Грубешова, Даниил по дороге собственноручно убил рогатиной трех кабанов, да отрок трех, и мясо убитых кабанов Даниил дал "воем (войску) на путь"⁹⁶. С охотой Даниила Романовича связана история основания города Холма. В 1259 году, охотясь в отъезде поле, Даниил сделал привал на одном крайне живописном холме, покрытом лесом. Местность эта чрезвычайно ему понравилась, и он решил основать здесь городок, дав ему то же имя, какое местные жители издавна усвоили этой живописной местности—Холм⁹⁷. Племянник Даниила Романовича, князь Владимир Васильевич Волынский, достойно замыкает собою ряд князей-охотников Южной Руси. По выдержанности характера и по своему чисто охотничьему темпераменту Владимир Волынский живо напоминает Владимира Мономаха. В нем та же отвага и страсть к охоте, что и в Мономахе, и тот же закал, по которому легко отличить охотника по натуре, охотника настоящего, от случайного любителя охоты. Если последнего успех радует тем сильнее, чем легче он достался, то для первого, напротив, успех только тогда и имеет значение, когда он куплен ценою риска, борьбы и труда, когда он дает охотнику случай глубоко почувствовать свою силу и отвагу, сознать свою ловкость и энергию; словом, охотнику по натуре важен не столько результат охоты, сколько самый процесс ее и его отдельные моменты. Это различие охотничьих типов, по-видимому, стояло пред умственным взором летописца, когда он набрасывал охотничий портрет Владимира Волынского. "В лето 6795 (1287)

Володимир приеха из Раво в Любомль, (Люблин) туже и лежаше всю зиму в болести своей, рассылая слуги свое на ловы.

Бяшетъ бо и сам ловец добр, хоробр, николи же ко вепреви и ни к медведеве не ждаше слуг своих, а быша (чтобы) ему помогли, скоро сам убиваше всякий зверь; тем же и прослыл бяшетъ по всей земле, понеже дал бяшетъ ему Бог вазнь (счастье) не токмо на одиных ловех, но и во всем за его добро и правду"⁹⁸.

Летописец, очевидно, симпатизирует этому князю-охотнику и резко выделяет его из круга тех князей, которые, по недостатку ли мужества или по отсутствию охотничьего темперамента, иногда поступались драматическим, самым интересным моментом охоты, выдвигая вместо себя послушных слуг на борьбу со зверем в минуту его последней отчаянной схватки с охотником.

Встречал ли вепря Владимир, иль попадался ему на глаза медведь, не ждал Владимир слуг, но быстро шел навстречу зверю, как бы радуясь случаю померяться с ним силою один на один и верным, метким ударом положить зверя на месте. Оттого удача и слава были неизменными спутниками этого князя-охотника.

Князья черниговские, галицкие и волынские иногда охотились вблизи своих городов, но для больших охот обыкновенно отправлялись по Днепру на лодках к устьям Тисмяницы. Тисмяница – речка, протекавшая на границе нынешних Херсонской и Киевской губерний. Судя по результатам охоты Святослава Черниговского и Рюрика Ростиславича в 1190 г. "обловишася множеством зверей", местность по берегам Тисмяницы и особенно у ее устьев была чрезвычайно богата зверями, но нужно полагать, что, кроме того, она представляла особенные удобства для больших правильных охот.

В отношении охоты Южная Русь больше давала простора, приволья и разнообразия, чем Русь северо-восточная. Однако и здесь были налицо все условия, благоприятные для охоты. Новгород и впоследствии Москва выставили своих князей-охотников, не менее типичных и рьяных, чем их собратья с дальнего юга. Случалось даже, что у новгородских князей увлечение охотой переходило всякий предел, мешало им добросовестно исполнять свои прямые обязанности по управлению областью и открыто нарушало установившиеся права и границы частной охоты. На этой почве между князьями и Господином Великим Новгородом возникали весьма любопытные столкновения. История знает два таких случая. В 1135 году, после поражения новгородцев на Ждановой горе суздальцами и ростовцами, новгородцы задержали своего князя Всеволода Мстиславича и, недовольные его поведением, посадили его под крепкую стражу. "А се вины его творяху: почто не блюде черных людей; почто восхоте сести в Переславли, почто восхоте ити на Суздальцы и Ростовцы и пошед; почто не крепко бися и почто наперед всех побежал, и почто возлюбил играти и утешатися, а людей не управляше, и почто ястребов и собак собрал, а людей не судяше и не управляше"⁹⁹. Другой случай произошел в 1270 году, в княжение великого князя Ярослава Ярославича, и сопровождался еще более сильным взрывом народного негодования. Новгородцы устали терпеть неправды и утеснения, чинимые князем; чуткие к своим исконным правам, они не в силах были мириться с его произвольными захватами их охотничьих угодий по Волхову и в других местах – "заратились" (взбунтовались) новгородцы, избили приятелей и советников князя, дворы их

разграбили, а к самому князю отправили на Городище посольство с письмом.

Договорная грамота Новгорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ,
1265 г., хранящаяся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

"Ты, княже, неправду почто чинишь", писали они ему, "и многи ястребы и соколы держиши? Отъял еси у нас Волхов гоголиными ловцы и иныя воды утечьими ловцы, а псов держишь много и отнял еси у нас поле заечьими ловцы... и иныя многи вины твои, княже, и мы ныне, княже, не можем терпети твоего насилия; пойдь, княже, от нас добром, а мы себе князя добудем"¹⁰⁰. Обида и негодование новгородцев были вполне справедливы, так как только за пять лет перед этим, в 1265 году, Ярослав Ярославич заключил с Новгородом договорную грамоту, в которой точно определялись и места, и время княжеской охоты – "по старине", как было при его дедах и отце, и Ярослав на том крест целовал¹⁰¹. Сверх того, злоупотребления князя не были результатом случайных и потому извинительных увлечений охотника; напротив, они производились систематически и запечатлены были характером явно корыстного посягательства на чужие права. Для истории охоты это столкновение новгородцев со своим князем имеет существенное значение: оно показывает, что к XIII в. охотничье дело в Новгороде достигло высокой степени развития и в ряду других житейских интересов интересы охоты занимали одно из первых мест, точно регламентировались и тщательно оберегались народом от посягательства и захватов со стороны князей. Мотив для ревнивого оберегания прав частной охоты у новгородцев заключался в важном экономическом значении охоты: почти вся отпускная торговля Новгорода исчерпывалась в XII–XIII в. меховым и пушным товаром. Оттого-то здесь и могли из-за охоты обостряться отношения князей к народу, и могли возникать между ними столкновения, каких не знала даже соседняя Москва.

*Великий Князь Иванъ III Василевичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.*

Москва в первый раз упоминается в летописи под 1147 годом. С тех пор вплоть до половины XVI в. она исподволь возвышается, борется за первенство и из ничтожного пригорода Владимира делается наконец единым центром политической жизни всей Руси.

За этот долгий период она пережила все невзгоды татарского ига и вынесла сильную борьбу с соседними областями: Рязанью и Тверью, Псковом и Новгородом. При Иване III и Василии III процесс собирания Руси под единой державой Москвы заканчивается: Русь собралась, Москва стала ее сердцем, а московские князья – самодержцами всея Руси. С XII по XV в. Москва не выдвинула ни одного князя-охотника, который мог бы идти в сравнение с знаменитыми князьями-охотниками Южной Руси. И за это время не сохранилось почти никаких известий о личной охоте московских князей, хотя, разумеется, нельзя думать, что они вовсе и не охотились. Но если правильно организованная придворная охота повсюду является верным признаком прочно установившегося государственного порядка, то, очевидно, нельзя ее искать там, где государственный порядок только устанавливается, борется за свою организацию и подвержен всем случайностям борьбы. Вот почему до XV–XVI в. мы не находим в Москве признаков широкой постановки великокняжеской охоты. Первые московские князья интересуются охотой больше с фискальной точки зрения, как важной статьей государственного бюджета, чем с точки зрения забавы, до известной степени благодаря традициям, обязательной для князей и царей. Иван Калита, Симеон Гордый, Дмитрий Донской ревниво оберегают свои "сокольничьи и ловчие пути". Все большие скопидомы, они едва ли даже способны были на крупные расходы

по постановке великокняжеской охоты в широких размерах.

*Великий Князь Василий III Ивановичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.*

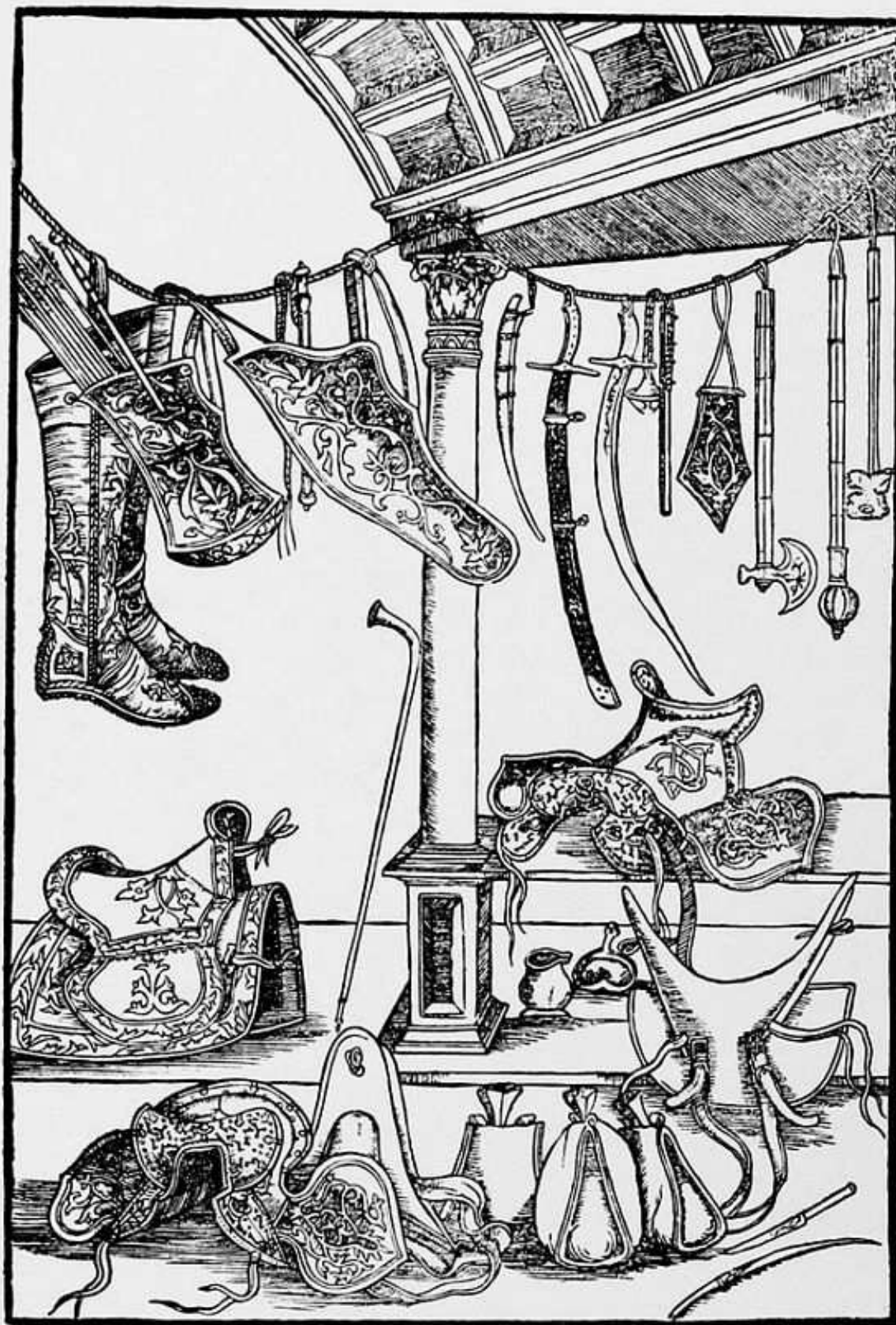
В XV–XVI в. под влиянием частых сношений с европейскими дворами сказалась уже прямая нужда поставить охоту на ту же высоту, на какой она стояла при дворах европейских государей. Этого требовали обычаи международных сношений и интересы собственного достоинства: для престижа московских государей было бы убыточно краснеть перед чужими людьми за убожество придворных удовольствий и развлечений. Время Василия III может считаться временем полного пышного расцвета великокняжеской охоты на Москве, а сам Василий III – типичнейшим представителем московских князей-охотников этого периода. Про Василия III можно сказать, что он был рожден для охоты. Русский по отцу и грек по матери, Василий III соединял в себе обычную ширь русского характера с страстностью греческого темперамента, и эти черты его натуры одинаково сказывались и в его делах, и в его забавах. Василий III отдавался охоте, как артист – сцене, как художник – любимому искусству, и умел так обставлять свои охоты, что они невольно поражали воображение участников грандиозностью общей картины, богатством разнообразных подробностей и единственным увлечением действующих лиц. Охота Василия – это был праздник, шумный, веселый и блестящий. Вот описание охоты Василия, оставленное нам очевидцем ее, образованным иностранцем Герберштейном: сам Василий – в центре картины; он в коротком шитом золотом кафтане; на голове шлем с двумя козырьками вперед и назад, из которых торчали вверх, как перья, золотые пластинки и, качаясь взад и вперед, переливались золотым блеском; у пояса два длинных охотничьих ножа и такой же кинжал, а за поясом кистень с металлическим привесом на конце.

Великій Князь Василій III Иоанновичъ.

Василий на крупном и статном красавце-аргамаке, убранном с большою роскошью. Справа от князя ехал изгнанный казанский царь Шиг-Алей, слева два молодых князя, один с секирой из слоновой кости, другой с булавой-шестопером; сзади многочисленная блестящая свита бояр-охотников. Весь охотничий кортеж в поле доходил до 300 всадников. Часть ловчих, около 100 человек, одеты половина в черный, половина в желтый цвет. Псари наготове держат своры породистых собак, гончих и борзых. Царь подает знак, псари спускают собак, во весь опор мчатся охотники, и начинается потеха-травля зайцев. Стоном стонет окрестность от лая собак, от крика и шумных восторгов, когда затравлен заяц. Весело охотникам внимать этому шуму охоты; любо им с трепетным замиранием сердца следить за своими собаками, чья больше затравит, чья победит: тот и был героем дня, чьи собаки отличались на славу.

Легко можно себе представить, какое богатство ощущений могла давать такая охота. Страстный любитель псовой охоты, Василий каждую осень отправлялся "осеневать" (охотиться), как тогда выражались¹⁰². Любимыми местами его охоты были Волок Ламский и Можайск, но в особенности первый. На Волоке он стал охотиться не ранее 1515 года, т. е. года два спустя по смерти последнего волоцкого князя Феодора Борисовича, и жил здесь по месяцу и более. Так, в 1519 году он пробыл на Волоке от 14 сентября до 26 октября¹⁰³.

*Древне-Русское вооружение и конская сбруя конца XV столетія,
изъ Путешествія Герберштейна.*

В последний раз Василий охотился в 1533 году в любимом Волоке Ламском, и здесь-то, почти на самой охоте, застигла его смерть. В половине августа Василий собирался выехать из Москвы с двором на охоту в Волок Ламский, но 14 августа в Москву пришла весть, что крымские татары идут на Рязань. Пришлось на время покинуть свору и взяться за меч. Татары вскоре были прогнаны, и 25 сентября князь вместе с супругою Еленою Глинскою и детьми, радуясь изгнанию татар, праздновал в Троицкой Лавре день св. Сергия. Отсюда он отбыл в Волок Ламский на случайно задержанную охоту, но в своем селе Озерецком занемог таким недугом, который вначале нимало не казался опасным. На сгибе левого стегна (стегно – верхняя часть ноги) явилась болячка с булавоочную головку, без верха и гноя, но мучительная. Великий князь с трудом выехал до Волока; в воскресенье, после Покрова, был на пиру у своего любимца, тверского дворецкого Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина, а на другой день ходил в мыльную, т. е. баню, и обедал с боярами, но уже через силу и в постельных хорах. Во вторник с утра стояла великолепная погода, и больной князь не утерпел – "не унявся, хотя тешиться", – послал за своими ловчими: Феодором Михайловичем Нагим, Борисом Васильевичем Дятловым и Бобрищевым-Пушкиным и поехал с ними на охоту к селу Колпь, но охота была неудачна. Невзирая на болезнь, все усиливавшуюся, из Колпи князь посылает за своим братом Андреем Ивановичем, приглашая его на охоту, и, когда он приехал, Василий с великим трудом отправился на поле с собаками; однако ездил немного, не далее двух верст от села. Возвратившись с охоты в Колпь, Василий, совершенно изнемогая, обедал с братом; это была его последняя общая трапеза, после

которой он окончательно слег. Вызванный сюда придворный лекарь Николай Булев не мог помочь больному князю; Василия перевезли в Москву, и там он вскоре скончался¹⁰⁴, передав власть трехлетнему Ивану IV.

В истории охоты царь Иван IV Васильевич Грозный представляет собою личность своеобразную и исключительную и дает яркое доказательство того, как в зависимости от личных качеств государя могла иногда изменяться великокняжеская русская охота, как она приходила в упадок, как искажался ее характер. Богато одаренная, но нервная и до крайности впечатлительная натура Ивана IV была очень испорчена боярами, воспитывавшими юного царевича; эти бояре потворствовали его дурным склонностям и искусственно пробуждали в нем низменные животные инстинкты. Временщики, Шуйские и Глинские, систематически развращали юного Ивана и способствовали развитию в нем жестокости. Иван IV еще мальчиком начал охотиться, но, казалось, охота влекла его к себе больше зрелищем крови, мучений и смерти животных, чем иными впечатлениями высшего порядка.

Даже вне охоты Иван любил мучить животных, бросая их с высокого крыльца, и с непонятым наслаждением любовался их предсмертными корчами.

От жестокости к животным не трудно было перейти к жестокости к людям. В 1545 г., находясь с войском у Коломны в ожидании крымского хана, Иван однажды охотился вблизи Коломны. Пятьдесят новгородских пищальников остановили его, чтобы принести ему какие-то жалобы, и вот Иван велит свите разогнать эту толпу просителей. Новгородцы

противились; завязалась битва, стреляли из ружей, секлись мечами, и без убитых дело не кончилось. До 1547 г. Иван охотился весьма часто. В сопровождении братьев, Юрия Васильевича и Владимира Андреевича, с огромной толпой бояр, придворных и слуг Иван отправлялся на охоту в Волок Ламский, Можайск, Владимир, Тверь, Ржев, Новгород и Псков. Любимой охотой Ивана IV была охота на медведей, которых иногда нарочно собирали в дворцовых селах, искусственно устраивая медвежьи загоны.

С 1547 по 1560 г. в настроении Ивана IV под влиянием Сильвестра и Адашева происходит крутой перелом. Иван кается пред народом в грехах юности, просит простить его и обещает весь отдаться делам справедливого и милостивого правления. И действительно, начинается светлая пора сосредоточенных забот о делах внутренних и внешних. Забавы забыты, и охота покинута. Заезжие люди, англичане, хвалят русского царя и говорят, что он не скучает делами и, погруженный в заботы, не развлекается ни музыкой, ни охотой, которая характерно именовалась в то время "прохладой". Благодаря этому в охоте начинается запущение и в ее составе упадок. Так, когда по окончании войны Баторий прислал просить у Ивана красных кречетов, Иван приказал ответить Баторию, что "пошлет за кречетами на Двину и Поморье; были у него кречеты добрые, да поизвелись; давно уж он перестал усердно охотиться, потому что пришли на него кручины большие".

Царь Иванъ IV Василіевичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.

С 1560 по 1584 г. в жизни Грозного наступает третий и самый ужасный период – период опричнины, беспрестанных казней и изумительных жестокостей. Иван снова возвращается к забытой охоте, но теперь охота играет в некоторых случаях исключительную роль, служит средством к выполнению жестоких замыслов тирана, орудием ужаснейших казней. Окруженный опричниками, Иван жил в Александровской слободе, часто молился до изнеможения, еще чаще предавался пирам и распутству и от кровавых зрелищ нередко переходил к охоте на зверей. По-прежнему он любил травлю медведей, но в то же время начал забавляться и травлей людей медведями; если случайно у дворца собиралась толпа народа, Иван приказывал выпустить двух-трех медведей и тешился общим смятением и отчаянными воплями изувеченных жертв; изувеченных, впрочем, он всегда награждал: давал по золотой деньге и более. Один иностранец (Петрей де Ерлезунд) рассказывает следующий случай: незадолго до кончины Грозный тешился боем пленных с медведями; между ними был один сильный и ловкий поляк, который ухитрился всунуть медведю в открытую пасть небольшой камень, схватил медведя за язык и держал его так крепко, что медведь задохся; Грозному понравилась эта смелость и сметливость, и он отпустил поляка на волю и дал ему подарок. В этот период медведи и собаки начинают служить Грозному, помимо охоты, еще и для целей казни опальных людей, и современникам приходилось наблюдать ужасные, потрясающие картины. В 1575 году Грозный "опалился" на новгородского архиепископа Леонида, приказал зашить его в медвежью шкуру и затравил собаками; и это так забавило царя, что, по выражению иностранца (Петрея

де Ерлезунда), "он не знал, на какую ногу и стать".

В другой раз Грозный травил медведями опальных монахов, и вот описание этой казни, составленное чужестранцем (англичанином Горсеем): Грозный приказал привести больших диких медведей, свирепых и голодных, в Александровскую слободу, в пространное место, обнесенное высокою стеною; ввели, одного за другим, семь степенных толстых чернецов с крестом и четками в одной руке, а в другой, по великой милости царя, каждый держал для защиты копьё в пять футов длины. Выпустили дикого медведя, и тот, чутьем заслышав жертву, с открытою пастью бросился к стене, свирепо наскочил на чернеца, смял, растерзал и пожрал его, как добычу. В виде забавы телохранители застрелили этого медведя. Потом ввели другого чернеца и нового медведя, и так далее, пока все семеро не были растерзаны, как первый. Только один догадливый наставил так ловко свое копьё, прочно всадив его в землю, что разъяренный медведь наскочил и напоролся; но и этот монах не избежал растерзания.

В таком виде представляется в истории охота Грозного¹⁰⁵. Ему первому пришла дикая мысль соединить охоту с казнями; но беспристрастие требует сказать, что бои с медведями, забава грубая, начались еще при его отце и продолжались при его преемниках.

Царь Феодор Иванович, подобно своему отцу и деду, чрезвычайно любил тешиться зрелищем медвежьих потех и боев с медведями. Иногда для его развлечения устраивались травли и на других зверей, напр. волков и лисиц. Русские источники мало говорят об охотах Феодора Ивановича; есть свидетельства, что иногда он охотился с соколами близ сел Братошина и Тонинского.

Царь Феодоръ Ивановичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.

Царь Борисъ Федоровичъ Годуновъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.

Посол римского императора Николай Варкач рассказывает, что в октябре 1593 г. Феодор Иванович два дня кряду охотился на лосей и при этом собственными руками поймал черную лисицу.

В его царствование состав Царской охоты пополнился породами английских собак: английские купцы привезли ему в подарок 12 породистых собак, легавых и борзых, и сверх того подарили бульдогов и двух дрессированных львов с укротителем-татарчонком.

В охоте царя Феодора Ивановича упоминаются два медеянских кобеля: "А кобелем прозвище: кобель жолт, Смерд, грудь и пазнегти белы, на конец хвоста бело; кобель чюбар с лесинкою, пазнегти белы, Дурак" ("Труд. Восточн. отд. Импер. русск. археолог. общ.". С.-Петербург, 1890 г., т. XX, стр. 391). Но, говоря вообще, в истории охоты Феодор Иванович не оставил по себе яркого следа, так как это был человек больной, скудоумный и апатичный¹⁰⁶.

Об охоте Бориса Годунова до нас дошел только один рассказ Горсея, из которого можно видеть, что Годунов был соколиный охотник. Однажды, когда Борис не был еще царем, он отправился с несколькими сокольниками на охоту и взял с собой Горсея "посмотреть, как кречеты гонятся на лету за журавлями, цаплями и дикими лебедями, по-царски забавляясь своими острыми когтями, но не думая рвать или убивать добычу". Вскоре сюда же прибыла для охоты и толпа бояр; но один нищий монах сказал Борису, не без ясного намека на бояр, что не все приятели ему, кто ходит смотреть на его забавы, и Борис поспешил удалиться с поля, переправился вброд через реку и тайными ходами скрылся во дворец¹⁰⁷.

С воцарением Лжедимитрия в царской охоте начинается большое оживление, и заметен решительный поворот от медвежьих боев, потех и травли ручных зверей к настоящей активной охоте. По-видимому, царской охоте в то время предстояла пора улучшений и преобразований по образцу охоты польских королей и литовских князей, стоявшей тогда на высокой степени развития и организации. В Польше королевская охота в XI–XIII в. сильно развивается, и вводится регалия охоты (*prawo lesne*). При Генрихе Бородатом (XIII в.) в состав королевской охоты входили: обер-егерь (*venator*), сокольник (*falconarius*) и бобровник (*castorarius*).

В XIV в. отличался сильною страстью к охоте Ягелло, а в XVI в. Сигизмунды: I, II и III. По свидетельству литовского историка Стриковского (*Hist. Pol.* кн. X, стр. 116), Гедимин, прозванный нашими летописями первым великим князем Литовским, поселился в построенном им городе Троки, названном так от множества зверей, убитых и второченных на сем месте Гедиминовскими охотниками. В другой раз забавлялся этот князь ловлею на берегах Вилии, покрытых тогда густыми лесами; он со всем двором приехал к берегу Вилии и собственноручно убил тура на горе, которая и доныне называется Туровою. Рога этого зверя, обложенные золотом, долго хранились в княжеской сокровищнице. Витольд обыкновенно пил из них на пирах и подарил один в 1429 году королю венгерскому Сигизмунду во время славного съезда государей и князей в Луцке¹⁰⁸.

При дворе Сигизмунда III, как известно, был принят Димитрий Самозванец¹⁰⁹. Человек несомненного ума, энергичный и предприимчивый, в то же время большой ценитель утех жизни,

Лжедимитрий с первых же дней царствования стал приучать русское общество, дотоле скучавшее в душных теремах, к европейской шумной, открытой жизни.

Музыка, танцы и охота, прогулки и скачки сделались чуть не ежедневными развлечениями двора. Некрасивый, но статный, ловкий и рыцарски вежливый, Лжедимитрий во все вмешивался сам и всему давал направление. Если бывали прежние бои с медведями, он не в силах был оставаться только зрителем, но сам вступал в бой и в присутствии двора и народа мастерски колол медведя; и это, конечно, придавало медвежьим боям особенный интерес. Бер рассказывает, что однажды, находясь вместе с боярами в селе Тайнинском, самозванец приказал спустить с цепи дикого медведя, сел на него верхом и в одно мгновение убил его. Однако он больше любил охоту с собаками и соколами и всегда ехал охотиться на коне, горячем до бешенства; когда приходилось ему ехать на богомолье по церквам, он не садился в большую колымагу, но приказывал подавать самую горячую лошадь, быстро вскакивал в седло и лихо на ней мчался, "точно ловкий рыцарь", по выражению иностранца Ерлезунда, и терпеть не мог, когда конюхи выносили ему скамью, чтобы сесть на лошадь, как это делали прежние великие князья. По свидетельству современников, у него были лучшие английские собаки для медвежьей травли¹¹⁰. Судя по этим чертам, Лжедимитрий обещал сделаться образцовым руководителем русской охоты. В чаду смут дальнейшего времени русским людям было уже не до охоты, не до забав; поэтому Лжедимитрием можно закончить характеристику князей-охотников Древней Руси.

С воцарением династии Романовых в истории охоты открывается новый период. Отец царя Михаила Феодоровича, боярин Феодор Никитич Романов, был страстный любитель охоты и превосходный наездник. Красавец и первый щеголь, он вошел в поговорку по своей статности. В 1601 году Феодора Никитича оговорили в умысле на жизнь Годунова, насильно постригли и заточили в Антониев Сийский монастырь; супругу его Ксению Ивановну также постригли и сослали в Заонежье, в Егорьевский погост, а малолетнего сына Михаила и дочь отправили на Белоозеро.

Феодор Никитич, в монашестве Филарет, томился разлукой с семьей и очень тосковал в монастыре. "Беда на меня, жена да дети, – говаривал он, – как вспомнишь, так словно рогатиной в сердце толкает". В марте 1605 года вследствие доноса пристава Воейкова Годунов писал Ионе, игумену Антониева монастыря, следующие строки: "а живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житие, про птиц ловчих и про собак". В этом известии имеется определенное указание на наследственную страсть к охоте в династии Романовых, которая была так сильна во внуке Феодора Никитича, царе Алексее Михайловиче, и в правнуке последнего, Петре II¹¹¹.

Характеристики князей-охотников IX–XVI вв. достаточно освещают общий ход развития княжеской охоты в Древней Руси. Мы видели, как с течением времени изменялся характер охоты, как отражались на ней обстоятельства времени и личные особенности князей. В течение IX–XVI вв. в связи с общим развитием быта и экономической жизни на Руси изменялось также и самое значение охоты, какое она

имела в быту князей и в общем строе народной жизни. В раннюю пору русской жизни значение княжеской охоты было шире и разностороннее, чем в века позднейшие, когда охота стала только приятной забавой князей. Для князей Древней Руси охота прежде всего служила школой боевой жизни. Святослав Игоревич и Владимир Мономах на ловах усваивают первые боевые навыки, на ловах приучаются к трудностям и опасностям военной жизни и развивают в себе качества, необходимые для князя-воина, князя-вождя. Бывали случаи, когда князья прямо с ловов отправлялись на битву с врагами: в 1193 году Ростислав Рюрикович, сговорившись с Черными Клобуками (народец, кочевавший в Южной Руси), "еха с ловов от Чернобыля в Торцький вборзе, не поведася отцу", чтобы внезапно напасть на половцев¹¹².

Но еще важнее было для князей хозяйственное значение охоты. Князья Древней Руси охотились же столько ради потехи, сколько ради добычи.

Так, Святослав Игоревич (X в.) охотой добывает продовольствие для войска; Владимир Мономах (XII в.) прямо называет свою охоту трудом; Владимир Волынский (XIII в.), лежа больной в постели, рассылает слуг на ловы. Хотя князья охотились иногда исключительно ради утех и удовольствия, как, напр., Святослав Черниговский и Рюрик Ростиславич в 1190 г., однако необходимо признать, что почти до XVI в. охота великих князей имела главным образом значение добычливого промысла. При дальнейшем изложении истории великокняжеской и царской охоты (в гл. IV) мы увидим, что у князей были свои охотничьи угодья, которыми они очень дорожили как важной статьей дохода. Только со времени Василия III, отчасти под влиянием сношений с европейскими дворами, отчасти

благодаря общему развитию экономической и промышленной жизни русского народа, охота великих князей приобретает преимущественное значение царской потехи, причем ее материальное значение не исчезает еще совершенно, но только отодвигается на задний план.

Охота, кроме того, имела некоторое значение для развития сношений Руси с иноземными правителями. С древнейших времен вошло в обычай дарить чужеземных послов ценными мехами. Еще Игорь (X в.), утвердив мир с Византией, на отпуск одарил греческих послов русскими товарами, между которыми на первом месте стояли дорогие меха. Во время татарского ига ханы, помимо дани, получали от князей еще и подарки то ценными мехами, то ловчими птицами. Такие подарки, бывшие в некотором роде обязательными, носили название "поминок" и были в обычае даже после татарского ига, особенно при сношениях с крымскими ханами, турецкими султанами и персидскими шахами. В 1494 году, при заключении союза с крымским ханом Менгли-Гиреем, нашему послу, боярину Никите Беклемишеву, Иоанн III приказывал в случае неотступного ханского требования согласиться на следующее добавление к договору: "Ты, великий князь, обязан слать ко мне, царю, поминки или дары ежегодные".

Этот Менгли-Гирей любил дары, просил кречетов и соболей для турецкого султана, и великий князь Иоанн III давал. В известном описании путешествия в Индию купца Афанасия Никитина есть указание, что посол Менгли-Гирея возвращался от Иоанна с целой партией кречетов в количестве 90 экземпляров: "А яз ждах, – говорит Афанасий Никитин, – в Новгороде две недели посла татарского Ширвашина Асамбега, а

ехал с кречеты от великого князя Ивана, а кречетов у него девяносто". Трудно согласиться с этим свидетельством Афанасия Никитина, потому что в нем указано невероятно большое количество кречетов: они ценились весьма дорого, дарились обыкновенно в немногих экземплярах, а перевозка их сопряжена была с большими хлопотами и затруднениями. При Василии III Менгли-Гирей опять возобновил союз с Москвой: отправляя в 1508 г. договорную грамоту, он просит, между прочим, Василия III о присылке ему ловчих птиц и рыбьих зубов¹¹³. Другой хан, Саин-Гирей, после нашествия на Москву в 1535 году также требовал от великого князя денег, ловчих птиц, хлебника и повара¹¹⁴.

Двадцать лет спустя, в 1556 г., ногайский князь Измаил писал Ивану Грозному: "Пришли мне трех птиц, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красок много, да бумаги много, да 500.000 гвоздей"¹¹⁵. В 1600 году, когда в Персию отправлялось русское посольство, состоявшее из князя Засекина, дворянина Засецкого и дьяка Шарапова, для заключения союза с шахом Аббасом, Борис Годунов и царевич Феодор Борисович послали в дар Аббасу, между прочим, несколько кречетов, соболей, черных лисиц, два самопала, порошницу немецкую с наводом и, по желанию шаха, медведя-гонца, двух собак борзых и двух меделянских¹¹⁶. Что касается турецких султанов, то известно, что султан Солиман, посылая в конце 1530 г. Василию III заверения в дружбе через турка Ахмата, поручил последнему купить в Москве несколько кречетов и мехов соболей¹¹⁷.

В XV и XVI вв., когда сношения с европейскими государями становились все чаще, охота также не раз затрагивалась в этих сношениях и в известной мере

служила политическим целям. На первом месте следует поставить интересный случай специальных сношений по поводу своевольной охоты пограничных жителей на территории Литовского государства. В 1456 г. король Казимир писал рязанскому великому князю Ивану Феодоровичу следующее: "Також поведал нам князь Дмитрей Путятич, штож люди твои, з твоее земли, в нашей земли зверь бьют, а пьчолы дерут, а по рекам бобры бьют и рыбы ловят, где издавна им входов не бывало, и иные многие шкоды делают: и ты бы людем своим приказал, ажъ бы в нашей земли зверу не били, а пьчел не драли, а по рекам бобров не били и рыб не ловили, где издавна им входов не бывало; бо мы в твою отчизну, в земли и в воды, не велим вступатися, где кому издавна вступа не было"¹¹⁸.

В конце XV в. между Москвой и Литвой завязались переговоры о браке дочери Ивана III Елены с великим князем Литовским Александром, и брак этот впоследствии состоялся.

Между прочим, во время переговоров полоцкий наместник Ян Заберезкий прислал в Новгород, к воеводе Якову Захарьину, просить позволения купить двух кречетов. Яков послал сказать об этом великому князю, и тот отвечал, что дело не в кречетах, а верно прислано затем, чтоб высмотреть, их забираючи, для прежнего дела (т. е. относительно предполагавшегося брака Елены), что надобно поэтому Якову послать своего умного человека с кречетами и с грамотою о прежнем деле: "возьмутся за то дело, то дай Бог; а не возьмутся, то нам низости в этом нет никакой"¹¹⁹. Выйдя замуж, Елена обращалась к отцу с просьбою о присылке ей то белок и горностаев, то рыбы свежей и вяленой, то цельных шкурок черных соболей, то, наконец, кречетов. Отправляя к ней партию горностаев

500 шт. и белок подпалей (т. е. раннего промысла) 1500 шт., Иван наказывал посланцу Губе Моклокову сказать Елене: "...а что еси приказывала ко мне, чтобы ми прислати к тебе соболь черн с ногами передними и с задними и с ноготми и где смерди (крестьяне) ловят и они у них ноги отрезавают, и мы тем смердом приказали... соболей черных добывать, о каких еси соболах к нам приказывала: и как к нам таковы соболи черные привезут, и мы к тебе соболи черные пошлем часа того. А что еси приказывала ко мне о кречатех, и ныне ми было к тебе кречатов послати нельзя: путь ся еще не уставил, а как ся путь уставит и яз к тебе кречатов пришлю часа того". Восьмого марта 1504 года, на второй неделе Великого поста ("после збора", т. е. после первого воскресенья в посту, которое и ныне у простого народа называется "сборным"), Иван действительно отправил к Елене пять кречетов, а также сибирских белок и сушеной рыбы. Под начальством боярского сына Константина Замытского этот транспорт был направлен в Краков через Вязьму, Смоленск и Вильну; чтобы не было задержек в пути, Иван III снабдил Константина Замытского особыми грамотами к наместникам этих городов и в грамотах наказывал давать под кречетов и рыбу "подводы добрые"¹²⁰.

Около того же времени у Ивана III возникли сношения с Максимилианом, королем римским, и здесь кречеты опять сослужили добрую службу. В ответ на первое посольство Максимилиана Иван в 90-х годах XV в. отправил к нему своих послов Траханиота и Кушелева, и они вручили Максимилиану в Нюрнберге одного кречета. В 1504 г. явился в Москву посланец Максимилианов Гартингер с двумя грамотами: в одной король римский писал, что если Иоанн нуждается в его

помощи или совете, то пусть объявит ему; но цель посылки высказана была в другой грамоте: "Наияснейший и вельможный начальник и брат любезнейший! так как у нас нет белых кречетов, то мы очень желаем иметь несколько таких птиц и посылаем к тебе кречетника нашего Гартингера с просьбою позволить ему привезти из ваших стран несколько белых кречетов".

*Изображение части торжественного шествия русского посольства (князя Захария Ивановича Суворского) въ г. Рейнсбургъ къ Римскому Императору съ поминками пушиного товара отъ Царя Ивана IV Васильевича, съ современной трапезы на деревѣ.
(Подлинная хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ).*

И на эту грамоту Иван отвечал, что посылает белого кречета и четырех красных¹²¹. При Иване Грозном начались оживленные сношения с Англией, и опять дело не обошлось без подарков ловчими птицами. По политическим расчетам и личным соображениям Грозный упорно стремился к союзу с Англией и был чрезвычайно рад случаю завязать сношения. Когда в 1556 г. в Холмогоры зашел английский купеческий корабль с капитаном Ченслером, то Грозный отправил с ними к Марии и Филиппу Английским своего посла Иосифа Непею Вологжанина и послал ей дары; но корабль у шотландских берегов потерпел крушение, дары погибли, и Непей мог предъявить королевской чете только список подарков, среди которых значились 4 живых соболя с цепями и ошейниками и белый кречет с серебряным барабаном и с вызолоченной сеткой¹²². – В 1595 г. Рудольфу Римскому вместо денег, в виде пособия для борьбы против турецкого султана, был отправлен громадный транспорт различных мехов, который пражские купцы оценили в 400.000 руб., причем 3 сортам лучших соболей они не сумели положить цены по их дороговизне¹²³. – Роль княжеской охоты в сфере внешней политики еще ярче выясняется тем фактом, что послы чужеземные обыкновенно приглашались участвовать в княжеских охотах: мы уже знаем, что Герберштейн охотился с Василием III, Горсей – с Годуновым. Было также в обычае оказывать послам внимание, посылая им в дар часть добычи с царской охоты: например в 1593 г. Феодор Иоаннович послал "с своим егермейстером Васильевичем" римскому послу Варкачу 7 больших лосей да еще большого медведя, его сыну лося и черную лисицу, собственноручно пойманную царем, и двоим дворянам, состоявшим в посольстве, по одному

лосю¹²⁴. В связи с такого рода обычаем в посольских книгах отмечен любопытный случай, происшедший при Грозном: приезжал от государя к литовским послам "псовник" с государским жалованьем от Государевой потехи – с зайцами; послы потчевали псовника вином, но не подарили ничем; пристава почли своею обязанностью послать спросить послов, зачем они за государское жалованье псовника не отдачили.

Тогда послы отправили от себя 4 золотых да от дворян своих 2 золотых, причем посланный с деньгами сказал псовнику: "послы тебя жалуют, а дворяне челом бьют". Псовник взял 2 золотых от дворян, а 4 посольских не взял: обиделся выражением "жалуют"¹²⁵. Нам известен, между прочим, случай охоты иностранного принца в пределах России. В 1602 г. герцог Иоанн, брат датского короля Христиана и жених Ксении Годуновой, ехал на Москву и дорогою, по Волхову и иным рекам, тешился, стрелял из самопалов, бил утят; натешившись, приехал в город поздно и был очень весел и доволен¹²⁶.

Глава III

Способы, орудия и служебный состав великокняжескихохот

Современная правильная охота с ее сложною организацией, с ее богатым и затейливым инвентарем мало напоминает охоту времен давно минувших, у которой орудия были немногочисленны, просты и организация несложна. Правильная охота производит впечатление стройности. Но эта стройность в современной охоте достигается тем, что действия отдельных охотников подчиняются одному общему плану, который значительно суживает размах личной инициативы того или другого охотника и немного оставляет простора для его произвольных приемов. В стародавней же нашей охоте, когда еще не могло быть и помыслов ни о какой организации и правильности, каждый охотился вполне за свой риск и страх и, подверженный всем опасностям от непредвиденных случайностей в борьбе со зверями, должен был всецело полагаться на свои личные силы; сметливость и изворотливость, сила и удаль были самым лучшим орудием для наших предков-охотников. Основной мотив древней охоты – личная храбрость; поэтому, когда летопись хочет похвалить какого-либо князя-охотника, она говорит о нем: "бе хоробр на ловех паче меры"¹²⁷.

В отношении способов и приемов охоты предки наши не знали большого разнообразия. Вообще, древнерусскую охоту по способам ее производства можно разделить на два рода: звероловство и охоту в собственном смысле. Ловля зверей для князей и для

народа имела хозяйственное значение, а потому обставлялась она так, чтобы достичь возможно большего результата при возможно меньшей затрате сил со стороны ловящих; вследствие чего при ловле зверей участие ловца было более или менее пассивное, а главное значение имели снаряды и орудия. Окруженный со всех сторон лесом и зверями, русский человек силою вещей делался звероловом; в лесу, среди которого начинало свою жизнь его хозяйство, он прокладывал во все стороны лесные тропы – пути, путики – обрубая топором бойкие и частые ветви, чтобы не мешали они свободному проходу; в известных местах на деревьях делал зарубки, "знаменья", для того, чтобы не смешать свой путик с чужим; на всем протяжении путика там и сям по ветвям вешал силки для птиц или прилаживал у корней дерева западни на зверя. Еще в XVI веке существовали почти повсюду эти путики; их называли силовными (на птицу) и пасными (на зверя). Сохранились они даже и теперь, но только в глухих местностях северного края, куда еще не проникла промышленная жизнь. Но было время, когда по всей нашей земле другого способа устраивать себе промыслы не существовало. За птицею и за зверем надо было ходить, прокладывая себе путь-дорогу топором; чтобы обозначить пределы своего владения, свои пути, в старину выражались так: "куда топор ходил"¹²⁸.

Ловля птиц в древнее время производилась главным образом при помощи перевесов. О перевесах и перевесищах, т. е. местах установки перевеса, в древних памятниках упоминается очень часто. Перевесища были и у князей, и у простых людей. Мы уже видели, что княгиня Ольга имела свои перевесища по Днепру и по Десне; это показывает, что в древности

перевесы устраивались вблизи рек.

Подтверждение этому мы находим и в указаниях позднейшего времени, именно: в 1604 году некие два крестьянина какой-то Тавренской волости, Трофим Назаров и Андрей Савин, сделали явку (заявление) десятскому, сотскому и всем людям добрым Тавренской волости следующего содержания: "...ссекли, господине, у нас, не ведаем кто, сосну с кольцом переветную, поводень на нее вешали на утки на Тавренге реке, в перевесье... и нам стало не на что поводни вешать, опустошили угодьё"¹²⁹. В древних памятниках подробного описания этого снаряда нет; из выражений, употребленных в "Русской Правде" относительно перевеса, видно, что перевесы-сети устанавливали на жердях – верях и подвешивали на веревках. Перевесы употребляются для ловли птиц и поныне, но только на далеких окраинах, преимущественно в Сибири. Так как снасть эта настолько нехитрая, что для технического прогресса нет в ней места, то можно думать, что современный перевес мало чем отличается от древнего. Для устройства перевеса прорубают в высоком и густом хвойном или таловом лесу просеки сажен пять шириною, большею частью с юго-востока на северо-запад, по направлению полета уток. Для навешивания перевеса по обеим сторонам просеки ("плохи", как называют просеку в Тобольской губ.) ставится по "журавлю" – длинному, в рост или несколько выше леса, сухому и гладкому шесту; "журавли" прикрепляются к соседним деревьям такой петлей, которая давала бы возможность свободно опускать и поднимать их в случае надобности. Иногда вместо "журавлей" к верхним сучьям деревьев наглухо прикрепляются короткие шесты. На вершинах

"журавлей" привязаны "векши", т. е. блоки, костяные или деревянные. Когда "журавли" поставлены, между ними, на высоте человеческого роста от земли натягивается толстая веревка, к которой нижним краем привязывается перевес – широкая, во всю ширину просеки, прямоугольная, с не очень крупными ячейками, тонкая сеть, достигающая в вышину верхних концов "журавлей". "Вожжи", т. е. длинные, тонкие пеньковые веревки, прикрепленные вместе с висящими гирьками к ушам перевеса, пропускаются в "векши", или блоки. Затем "журавли" поднимаются, укрепляются "разбуйными", т. е. боковыми, веревками – и перевес навешен. Остается только натянуть "подтон", т. е. крупноячеистую грубую сеть, натягиваемую между деревьями под перевесом; на высоте нижнего его края, у одного из "журавлей" устраивается "станок", т. е. сиденье для охотника, куда сходятся обе вожжи и где они известным образом закрепляются.

"Сидящий перевесом" обыкновенно забирается на просеку часов с 8–9 вечера, когда начинает темнеть. Осмотрев сеть, попробовав поднимать ее и опускать и убедившись, что "вожжи" не "заедают" и что все в исправности, он поднимает перевес, стараясь натянуть его так, чтобы не было морщин. Хороший перевес, когда он ровно натянут, и днем трудно заметить в просвете "плохи", ночью же его совсем не видать, и только ветер, надувая его и образуя в нем морщины, выдает его присутствие. Поднявши перевес, охотник закрепляет вожжи за "насторожку", т. е. длинную палку, один конец которой всегда в руках у охотника, другой же, с закрепленными на нем вожжами, на поперечнике станка, в ногах у охотника.

Устроив все, как следует, охотник садится в "станок" и начинает ждать... Вот в небе, высоко и

далеко, раздался особый, быстрый, звенящий свист: то прошумели крыльями летящие гоголя... Все внимание охотник устремляет теперь на перевес. Вдруг неожиданно в самой середине перевеса какая-то темная масса. Едва охотник замечает ее, "насторожка" долой – и с шумом быстро вертящихся "векш" падает перевес. Торопливо сгибаясь, чтобы не попасть головой в "подтонную" ячею, охотник бежит осматривать и высвобождать добычу. В мешке, образованном перевесом на "подтоне", запутываются несколько птиц. Птиц убивают тут же, перекусывая обыкновенно мозжечок, и, перекрестив, т. е. заломив им крылья накрест, на всякий случай чтобы не улетели, бросают их в принесенный мешок. Перевес взлетает снова на свое место; и так всю ночь, и утро застает охотника за перевесом. Охота с перевесом очень выгодна и имеет свои привлекательные стороны, требуя от охотника ловкости, искусства и выдержки¹³⁰.

Вследствие прибыльности охоты с перевесом последний в древнее время был распространен по всей Руси, составлял в каждом хозяйстве одно из важных угодий и при продаже имения всегда упоминался наряду с другими угодьями, земельными, лесными, рыболовными. Современный перевес, описанный выше, требует непременно присутствия самого охотника при процессе охоты; нужно полагать, что в древности его устройство было несколько иное, что ловля птиц производилась механически, без участия охотника; иначе трудно и невозможно было бы украсть дичь из перевеса, что, однако, в древности случалось и было предусмотрено "Русской Правдой", которая определяла наказание за такое воровство. "Аще кто посечет верю или вьрвь пертнет в перевесе оже кто оукрадет в чием перевесе (то) 3 гривны продаже а

(господину) за верею и за вьрвь гривна кун".

Что касается других орудий для ловли птиц и зверей, какие употреблялись в древнее время на Руси, то можно сказать, что почти все эти орудия сохранили свое значение при промысловой охоте до нашего времени.

Одни орудия приспособлены были живьем, без вреда, захватывать птицу и зверя: таковы сети, пругла, тенета, расставлявшиеся по угодьям и запутывавшие попавшихся птиц и зверей вроде зайцев и серн; такое же назначение имели коши, большие корзины, употреблявшиеся при ловле бобров, и замаскированные ямы, куда ловились неосторожные волки и лисицы; сюда же можно отнести также езы, употреблявшиеся для ловли рыбы и бобров речных: это была перегородка из заостренных кольев, вбитых в дно реки наподобие треугольника, с отверстием, через которое бобры могли войти в огороженное езом пространство, но не могли из него выйти.

Другие орудия были рассчитаны на то, чтобы крепко защемить или даже удавить попавшуюся дичь: таковы силец и кляпца, которым теперь отвечают оселки и капканы. Наконец, были снаряды так устроенные, чтобы механически убивать зверя, соблазнившегося на приманку: таковы колодки или "поколодвы"; поволодвы употреблялись при ловле бобров¹³¹ и, должно думать, других зверей. Описания этой снасти в старинных памятниках нет; но в немногих местах северо-западной Сибири до сих пор еще практикуется ловля зверей (преимущественно соболя) в так называемые колодицы и колодцы. Судя по сходству в названиях, можно догадываться, что сибирские колодицы и древние колодки и поволодвы —

орудия одного типа.

Сибирские колодицы по способу устройства представляют собою опадную снасть; главную часть ее составляет настороженная боевая жердь, плаха или колодка: зверь хватает притраву, помещенную на насторожке, насторожка сдвигается с места, и боевая жердь падает, сильно ударяет зверя и придавливает его своею тяжестью¹³². С помощью указанных орудий, сетей и самодействующих снарядов производилась ловля птиц и мелких зверей: зайцев, бобров, горностаев и соболей.

Хотя ловля птиц и зверей снастями была легка и удобна, как не требовавшая от охотника риска и непременно личного присутствия, хотя она была выгодна и прибыльна, однако она не устраняла собою настоящую, активную охоту за зверями даже при промысловой охоте наших предков. Крупные и сильные звери в эти ловушки не попадались; мелкие звери исподволь, горьким опытом, приучались осторожно обходить западни или изловчались перехитрить догадливого ловца с его остроумными снастями; наконец, попавшиеся при недосмотре часто становились добычей хищных охотников из звериного и пернатого царства. Поэтому в Древней Руси наряду с ловлей птиц и зверей снастями искони велась настоящая охота на зверей, успех которой зависел в большой степени от того, в какой мере охотник обладал силой, опытностью, ловкостью и умением владеть оружием, с которым он шел на зверя.

Об охотничьем оружии из письменных памятников известно очень мало. Как мы уже видели, Владимир Мономах при охоте на зверя имел при себе меч: "дикий вепрь меч ми на бедре отъял"; Даниил Галицкий убил

трех вебрей рогатиной. Из описания Герберштейна охоты Василия III видно, что Василий, отправляясь на охоту, имел при себе следующее оружие: два длинных охотничьих ножа, продолговатый кинжал, топор с топорщиком из слоновой кости, кистень и так называемый шестопер, а Шиг-Алей, принимавший участие в охоте, вез с собой два колчана с луком и стрелами. Огнестрельное оружие стало употребляться для охоты лишь при царе Иоанне Грозном, и первые опыты ружейной охоты были произведены в его дни из так называемых самопалов и легких ручных пищалей.

Рассматривая фрески Киево-Софийского собора, мы видим, что на них охотящиеся изображены вооруженный: топором (рис. XI), рогатиной (рр. III и XI), дротиком (р. IV), луком и стрелой (рр. II, XII и XIII), копьем (р. IV) и щитами (рр. II и XI). Вообще же можно полагать, что в Древней Руси, особенно киевского периода, на охоте употреблялось то же оружие, что и на войне; в пользу такого предположения говорит довольно убедительно уже отмеченный нами выше факт, что в 1193 г. Ростислав Рюрикович прямо с охоты, не заезжая домой, отправился в поход против половцев.

Для ближайшего ознакомления с древнерусским оружием приблизительно X–XII вв. нелишним будет описание его образцов, найденных при недавних раскопках в стране древлян и при раскопках весной 1892 г. в Киеве, на месте древнего великокняжеского двора. В древлянских могилах найдены были четыре железных копья, кинжал и наконечник железной стрелы. Наконечники копий были небольшие, длиною в 29–30 сантм., состояли из втулки и небольшого острия. Кинжал состоял из треугольного клинка, 39 сантм. дл., и рукоятки, 10 сантм. дл., выкованных из

одного куска железа; в верхней, широкой части клинка находилась треугольная скважина, разделенная двумя перемычками. Наконечник стрелы плоский, ланцетовидный, дл. 4 сантм., прикреплялся к древку посредством черенка. Здесь найдены были также четырехгранные острия без втулок, с тупыми задними концами, которые, может быть, служили наконечниками для дротиков¹³³.

Находки на месте великокняжеского двора в Киеве еще интереснее и драгоценнее. Здесь найдены были: железный боевой топор, драгоценный меч, железный меч, лук, колчан и стрелы, копье и наконечники дротиков. Железный топор боевой относится ко времени Ярополка I (X в.) и в отличие от домашнего, хозяйственного топора имеет свои характерные признаки: в нем узкий обух соединяется квадратной шейкой с острием, очень длинным сравнительно с узостью обуха, да, кроме того, острие в нем дугообразно закругляется к топорищу. Драгоценный меч без сомнения великокняжеский, потому что он был в золотых ножнах и инкрустированный золотом. Меч этот прямой, стальной, имеет всей длины 92 сантм.; самое лезвие без рукоятки 80 сантм.; ширина лезвия у рукоятки 42 миллим., посередине 32 мм и так постепенно суживается и оканчивается острием. Один край меча во всю длину острый, а другой на большей части меча тупой, к концу же на меньшей части меч с обеих сторон острый. Около тупой стороны меча на $\frac{3}{4}$ его длины, начиная от рукоятки, сделано с обеих сторон меча углубление, приблизительно в 10 мм шир., которое от рукоятки немного шире. В это углубление запущена медная полоска тонкой бляхи, покрытая накладным золотом, на которой резцом вырезан мелкий орнамент, состоящий из завитушек

растительного орнамента и чешуек; на обеих сторонах орнамент разнообразный. Меч в золотых ножнах; золотой лист, для крепости ножен, наложен на лист медный. Этот меч найден был в великокняжеской могиле; по обычаю, при погребении меч вместе с ножнами ломали на колене, но этот меч не переломился, а только в двух местах погнулся. На основании исторических и археологических соображений исследователь, нашедший этот меч, считает его принадлежностью Ярополка II, сына Владимира Мономаха (XII в.). Найденный в могиле простого воина железный меч весь был изъеден ржавчиной и распался на куски. Колчан сделан из луба, обтянутого кожей, и украшен костяными прямоугольными бляшками, величиной в 10 мм в квадрате, прибитыми к колчану медными гвоздиками. Колчан был положен с ремнем, на котором его носили, но ремень не сохранился, а осталась только медная пряжка и оковка наконечника ремня. Стрел в колчане было около 50 штук, разной величины, формы и веса; длина их наконечников от 4 до 10 сантим. до стержней, которые забивались в древко от $\frac{3}{4}$ до 1 вершка их длины; место на древке, где был вбит стержень, окручивалось воощеной крепкой ниткой (шпагатом).

От копья, острие которого искрошилось, сохранилась одна только втулка длиною в 13 сантим.; ее наружный диаметр 32 мм, ширина отверстия для древка 24 мм; втулка была выкована из кубового железа, очень крепка и тяжеловесна; в ней остался поперечный гвоздь, прикреплявший ее к древку; втулка постепенно суживается до 15 мм, и здесь начинается расширение копья, достигающее до 62 мм, а потом копье опять постепенно суживается и оканчивается острием. Копья X в., судя по этому, были очень тяжелы, и удар

их мог пробивать даже кольчугу¹³⁴.

Не менее важную принадлежность княжеской охоты составляли лошади. Охота, в особенности полевая, требует лошадей с специальными свойствами: быстрых, легких и, главное, неутомимых. О конной охоте мы знаем из духовной Владимира Мономаха: однажды на охоте медведь прокусил потник у Владимирова коня, другой раз лютый зверь свалил на землю Владимира вместе с конем; судя по тому, что Владимир иногда сам отправлял обязанности конюхов, "и в ловчих ловчий наряд держал есмь и в конюсех", должно думать, что уже в то время существовала при княжеской охоте особая конюшня охотничьих лошадей. Фрески Киево-Софийского собора представляют также изображения конных охотников (пр. II и IV) и конюха с несколькими охотничьими лошадьми (р. I). Без сомнения, для охоты употреблялись степные лошади. Дикие кони, которых Мономах вязал собственными руками по 10 и 20 голов, будучи выезжены, могли быть хорошими охотничьими лошадьми.

По свидетельству греческого императора Константина Багрянородного, русские покупали лошадей, конечно, не рабочих, а выезженных степных, у кочевников-печенегов; иногда русские князья получали их в подарок от половцев, напр. от Котяна, хана Половецкого. Но, кроме того, иноходцы и скакуны выписывались в Юго-Западную Русь из Венгрии и назывались конями угорскими по месту происхождения или фарями по качеству, так как это слово на греческом языке означает непростую, хорошую лошадь¹³⁵.

В Московской Руси охотничьи лошади для выезда и гоньбы при псовой охоте были также степные, азиатской породы, и покупались у ногайцев. Ногаи

пригоняли огромные табуны на продажу; в 1474 и 1534 гг. из Орды было пригнано до 90.000 лошадей, из которых еще на месте, в Астрахани и Казани, станичники, сведущие люди, отбирали лучших про государев обиход от 6 до 8 тысяч; записав и запятив их, отправляли на Москву с табунщиками; в пути станичники отмечали аргамаков и лучших верховых лошадей для государственной конюшни; в Москве им производилась оценка на государственном дворе, уплачивались деньги из государственной казны, и принятые лошади поступали в конюшенное ведомство, во главе которого стоял конюший, звание которого учреждено при Иоанне III. Ногайские лошади особенно ценились на Руси, как неутомимые, так что даже "пятно" (т. е. пошлина за таврение лошадей) называлось ногайским. Для улучшения породы лошадей при Иоанне III был организован первый государственный конный завод в селе Хорошеве, под Москвою, названный по селу Хорошевским.

При Василии III весь конюшенный наряд для псовой охоты, без сомнения, входил в состав Конюшенного приказа, учрежденного в 1511 году¹³⁶. Охотничьи лошади Василия III, по свидетельству Герберштейна, отличались красотой и принадлежали преимущественно к породе аргамаков¹³⁷. Иоанн Грозный предпочитал для охоты также "аргамаков жеребцов добрых", как он писал Баторию. Димитрий Самозванец был большой любитель хороших лошадей; при нем ногайские лошади пригонялись в Москву громадными табунами, так что Маржерет, капитан гвардии Самозванца, имел случай видеть до 40 т. ногайских лошадей сразу¹³⁸.

Княжеская и царская охота разделялась на два вида: охоту птичью и охоту псовую. Оба эти вида

княжеской охоты современны основанию русского государства; существуя постоянно, на всем протяжении исследуемого периода они временами усиливались, временами приходили в некоторое расстройство и упадок. Иногда птичья и псовая охоты производились князьями совместно, иногда раздельно, тем более что и та, и другая требуют различных условий от местности, на которой они устраиваются. Для большей ясности и раздельности представления о древней княжеской охоте мы сгруппируем сведения о том и другом виде ее отдельно.

Охота с ловчими птицами, повсюду в мире известная с самой глубокой древности как истинно царская забава, искони и у нас производилась князьями как в Киевской, так и в Московской Руси. Можно догадываться, что на Русь она была занесена варяжскими князьями с крайнего севера, где водилась самая лучшая порода сокола, так называемого *Falco islandus*. В Южной Руси Олег, быть может, первый начал охотиться с соколами и завел свой соколий двор в "Соколье" в Киеве, под горою, против церкви Рождества Христова. С тех пор птичья охота стала обычным явлением в жизни древнерусских князей и оставила по себе след в письменных памятниках и былинах. Первое упоминание о ловчих птицах, соколах и ястребах, сделано в "Русской Правде", в законодательном памятнике XI в., и к тому же времени относятся фресковые изображения ловчих птиц на лестнице Киево-Софийского собора. Впоследствии, в XII в., Владимир Мономах в своей духовной говорит о соколах и ястребах.

Из князей Южной Руси наиболее страстным любителем охоты с ловчими птицами был Игорь Северский (кон. XII в.). Без сомнения, в северо-восточной Руси птичья охота имела большее распространение, чем в южной; на северо-востоке ей благоприятствовал и самый характер местности, и близость к местам ловли охотничьих птиц. Поэтому-то в Новгороде и возможно было крайнее увлечение князей птичьей охотой. При столкновении новгородцев с своими князьями в 1135 году с Всеволодом Мстиславичем и в 1270 году с Ярославом Ярославичем новгородцы ставили им в большую вину это увлечение; первому из них они говорили: "почто ястребов и собак собра", а второму, т. е. Ярославу, писали: "почто

соколы и ястребы многи держиши?" Что касается птичьей охоты московских князей, то первые упоминания о ней относятся к XIV в., ко временам княжения Симеона Гордого¹³⁹ и Дмитрия Донского¹⁴⁰.

К концу XV в. соколиная охота при дворе московских князей начинает сильно развиваться, как это можно судить по следующему факту. В 1476 и 1478 гг. великий князь Иоанн III Васильевич ездил в Новгород; здесь, во время торжественных пиршеств, устроенных новгородцами по случаю его приезда, знатные новгородские мужи надарили князю множество подарков: золота, серебра, денег, вин, заграничных ипских (немецких) сукон, коней и также кречетов и соколов, именно семь кречетов и одного сокола¹⁴¹. Так как кречеты подносились князю наряду с перечисленными ценными подарками, то очевидно, что для князя кречеты имели большое значение, а это указывает на значительное развитие соколиной охоты в царствование Иоанна III. В царствование Василия III Иоанновича соколиная охота существовала наряду с псовой, но, несомненно, первенствующее значение Василий III признавал за псовой охотой, хотя иногда он охотился и с соколами¹⁴², которых, по свидетельству Герберштейна¹⁴³, у него было много. При Иоанне Грозном, во второй период его жизни (между 1547 и 1560 гг.), когда Грозный весь погрузился в дела государственные, соколиная охота пришла в большое расстройство, о чем мы уже говорили. После Грозного соколиная охота вновь была устроена и до конца рассматриваемого периода существовала непрерывно. Феодор Иоаннович, Борис Годунов и Дмитрий Самозванец любили иногда потешить себя с добрыми кречетами и соколами.

Существуя непрерывно с IX в., соколиная охота за все время с IX в. по XVI включительно, однако, никогда не достигала таких размеров и такой роскошной постановки, какие ей усвоены были при царе Алексее Михайловиче.

Охота с ловчими птицами производилась при помощи ястребов, соколов и кречетов, "выношенных", т. е. систематически приученных ловить диких птиц и мелких животных, с налету побивая их в несколько приемов, или "ставок". По способностям к охоте соколы и кречеты предпочитались ястребам. Ловчих птиц "помыкали", т. е. добывали преимущественно на дальнем севере в Двинской земле и Печорском крае, но ловили их также, по крайней мере в XVI в., и в центральной полосе близ Переяславля. Дальний север, холодный и суровый, поросший вековыми лесами и заставленный горами и скалами, был настоящей родиной ловчих птиц; здесь, в дикой чаще, на вершинах самых высоких деревьев или на скалах неприступных, селились эти царь-птицы; здесь были "соколы и кречаты седбища". Места, где ловились соколы и кречеты, в старину назывались "помчищами", а лица, ловившие их, звались "помытчиками". Древность не сохранила никаких известий относительно способов и приемов, употреблявшихся при ловле соколов и кречетов. И это понятно: искони не любит русский человек делиться своими знаниями, в особенности когда они прибыльны; держит крепко, про себя только, всякий промысловый секрет, а простые люди, глядя на его удачи, говорят в таком случае: "знает-де он слово"; и лишь умирая передает он это "слово" сыну или старшему в роде.

"Помыкание" соколов и кречетов было делом весьма трудным и зависело исключительно от личной

опытности и находчивости, поэтому было весьма естественно ловцам скрывать друг от друга свои приемы ловли. Основываясь на данных позднейшего времени XVII в.¹⁴⁴, можно думать, что и в предыдущие века ловля соколов и кречетов производилась при помощи сетей, к которым в виде приманки привязывались живые голуби. Ловили соколов старых и молодых, но старые трудно вынашивались, поэтому молодых "помыкали" больше, чем старых дикомытей. При выборе молодых соколов обращали внимание на то, рано ли они оставили гнезда и возвращались ли в них или нет. В Польше в XIV в. по этим наклонностям давали соколам различные названия: те, которые рано покидали гнездо и перелетали с ветки на ветку, назывались ветвенниками (*galeznikami*); они были хороши для охоты, но вынашивание их требовало большого труда и терпения по причине их дикости; напротив, молодые, более других остававшиеся в гнезде, назывались гнездовыми (*gniazdowkami*) и ценились выше, потому что были послушнее и при вынашивании требовали гораздо меньше труда¹⁴⁵.

Взрослые кречеты и соколы отличались большим ростом и ярким оперением; кречеты, например, достигали огромного роста, до двух футов. Наиболее ценились кречеты ярко-красные и белые, за ними "подкрасные" и "кропленные" (т. е. пестрые), бурые и серые. Соколы и кречеты, пойманные помытчиками, раз в год доставлялись в Москву на княжескую сокольню, обыкновенно в рождественские праздники или, самое позднее, около масленицы. Доставка соколов сопряжена была с большими затруднениями. Их приходилось доставлять по спокойной зимней дороге, когда санный путь устанавливался совершенно:

мы уже Кречетов везли обыкновенно в особенных повозках, сажая в каждую повозку по четыре, по пяти или по шести птиц¹⁴⁶. Повозка представляла из себя короб, внутри обитый овчинами¹⁴⁷ для того, чтобы кречеты не получили повреждений при толчках и чтобы не заломились у них крылья. В Москве привезенные кречеты поступали в княжескую сокольню, и здесь уже их начинали приучать к охоте – "вынашивать". Вынашиванием кречетов занимались княжеские сокольники, специалисты своего дела. Чтобы победить врожденную дикость кречетов и сделать их "вежливыми", т. е. вполне послушными охотнику, их подвергали голоду и бессоннице,нося при себе не только днем, но и ночью, и не давая кречетам ни на минуту заснуть; затем приучали к различным охотничьим принадлежностям и к дичи, для которой хотели употреблять кречета, – с этой целью давали ему убивать связанную живую дичь; за неимением живых экземпляров дичи притравливали к битой птице или даже к чучелам; наконец, приучали кречета прилетать на зов – "вабленье", а вабили его или свистом, или трубя в охотничий рог, или посредством барабана; так, в 1556 году Иосиф Непея вез от Грозного в числе подарков английской королевской чете "прекрасного большого белого кречета вместе с серебряным барабаном в позлащенных обручах, употреблявшимся вместо вабила для призывания упомянутой птицы"¹⁴⁸. Для того чтобы во время охоты ловчие птицы не могли ускользнуть от внимания охотника, им привязывали бубенчики или колокольчики¹⁴⁹, по звуку которых охотник легко мог тотчас же найти сокола, спустившегося с дичью на землю. Не сохранилось, к сожалению, никаких сведений о том, как производилась княжеская охота с ловчими птицами; но

нужно полагать, что уже с давних пор начал складываться постепенно некоторый церемониал птичьей охоты, из которого развился впоследствии крайне затейливый обряд соколиной охоты царя Алексея Михайловича.

Так как правильная и систематическая охота с ловчими птицами возможна была только под условием постоянного пополнения и обновления состава ловчих птиц, то совершенно понятны особенные заботы наших князей относительно правильной постановки этого дела и относительно людей, ему служивших. Грамоты великих князей помытчикам и сокольникам, обнимающие собою период XIII–XVI вв., достаточно разъясняют условия соколиного промысла и особые права и привилегии соколых и кречатых помытчиков.

Соколы и кречеты составляли предмет государственного промысла¹⁵⁰. Для производства ловли соколов и кречетов государи наши отправляли на север особые ватаги (артели) с атаманом во главе¹⁵¹, или населяли помытчиками села и слободы в местах ловли¹⁵², или же поручали это дело местным сельским жителям¹⁵³.

Соколиный промысел был организован на оброчном начале, а сокольи и кречатые помытчики считались слугами государевыми, государевыми оброчниками. По своему положению и правам они резко отличались от обыкновенных крестьян, "черных людей", представляли собой группу свободных промышленников, обязанных лишь незначительным оброком в пользу казны. Помытчики пользовались свободой от всяких даней и пошлин и "не тянули с черными людьми ни в какие проторы (начеты) и разметы (раскладки)"; не обязаны были выставять

подводы и проводников для проезжающих государевых чиновников, ратных людей и гонцов, не обязаны были давать корм им и их коням; а кому из этих проезжих государевых людей случалось выезжать к помытчикам, то за свой и конский корм и за постой платили деньги по соглашению с помытчиками. Кроме того, помытчики были изъяты из ведения и суда наместников и тиунов, кроме случаев душегубства и разбоя с поличным, поэтому "праветчики и доводчики" (т. е. пристава и следователи) не имели права вмешиваться в дела помытчиков и лишены были возможности брать с них обычные поборы.

Тяжбы помытчиков между собою разрешались или местным волостелем, или особыми земскими судьями, выбранными самими помытчиками из своей среды; напротив, когда на помытчиках искали чего-либо люди посторонние, то их судил сам великий князь или его ближний боярин сокольничий. В помощь себе при ловле соколов и кречетов помытчики имели право держать "наймитов" из людей "неписьменных и нетяглых", и эти наймиты также освобождались от всяких податей и пошлин и стояли вне ведения местной администрации. При проезде помытчиков с оброком на Москву волостели, наместники, посадники и черные люди обязаны были оказывать им всякое содействие, доставляя потребное количество корма и подвод; в то же время помытчики были свободны от платы за перевоз и от многих пошлин, которые обязаны были платить торговцы и промышленники, привозившие различные товары в Москву; но если, помимо оброка, помытчики везли какой-либо товар на продажу, то они уплачивали за него все обычные пошлины.

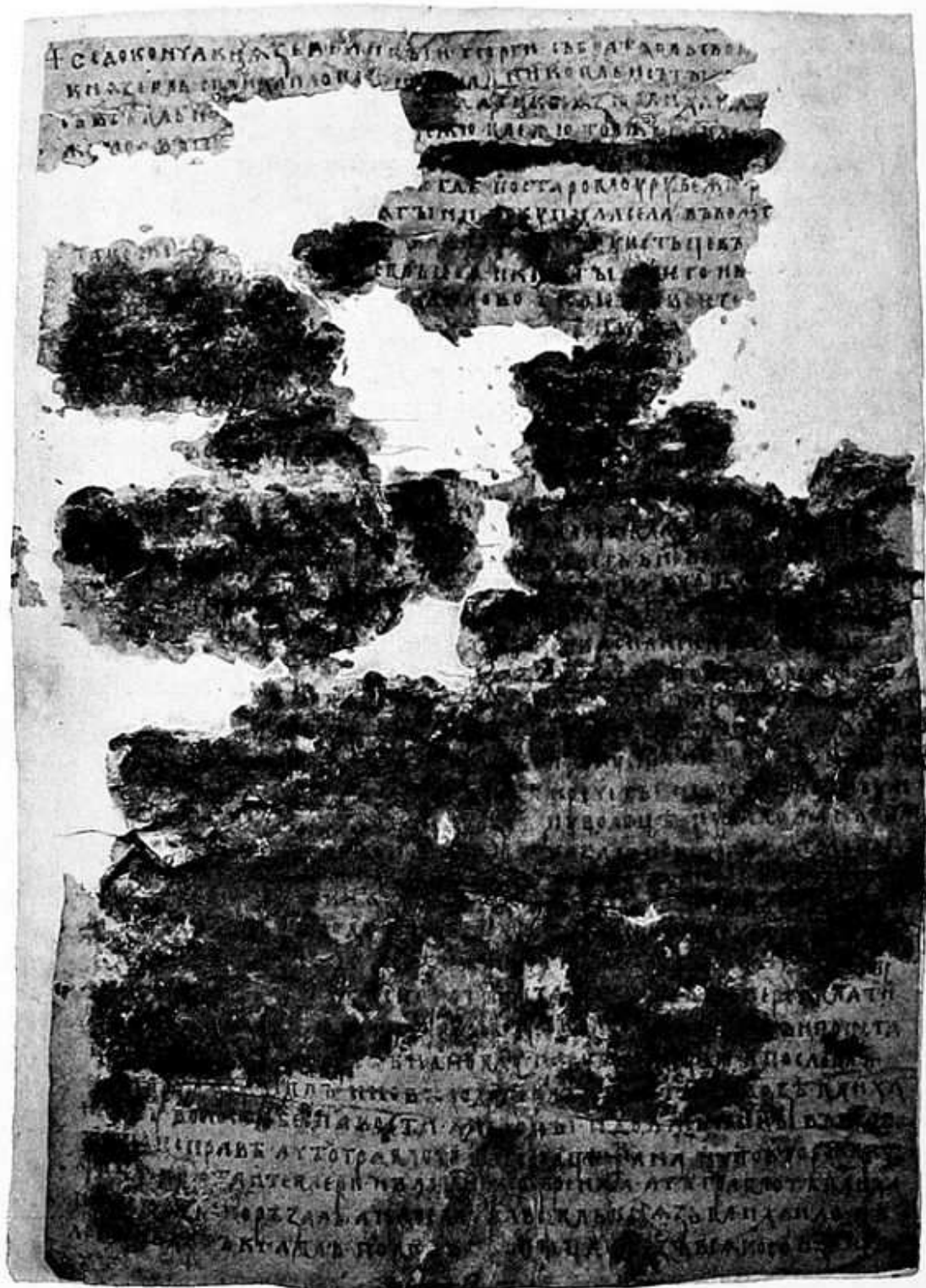
В княжеских грамотах помытчикам и сокольникам легко заметить, как постепенно возрастали и

увеличивались льготы помытчиков: так, при Василии III помытчики наравне с тяглыми и черными людьми несли еще некоторые общие повинности вроде посошной службы, яма (т. е. поставки подвод для княжеской почтовой гоньбы) и городского дела (т. е. крепостных работ), а начиная с Грозного и при Феодоре Иоанновиче и Василии IV Шуйском они были освобождены и от этих повинностей. В исключительных случаях помытчики получали еще большие льготы: при Иоанне Грозном семья вологодских сокольников Блазновых выпросила себе во владение дикие, покрытые лесом и мхами, места и была на десять лет освобождена от всяких повинностей и даже от обычного соколиного оброка. Это постепенное возрастание льгот и прав соколиных помытчиков, начавшееся со времени Грозного, наводит на мысль, что уже с этого времени соколиная охота начинает получать преобладающее значение в царской охоте, и здесь, стало быть, нужно искать разгадку удивительно пышного ее последующего расцвета. Приведем здесь подлинные грамоты, данные великими князьями и царями помытчикам.

Грамота, относящаяся к 1294–1304 годам, дана была великим князем Андреем Александровичем посадникам, казначеям и старостам Заволочья (Карамзин, "Ист. Госуд. Росс.", т. IV, стр. 191).

"От Великого Князя от Ондreja к посадникам и к скотникам (скотница кладовая, Соловьев, т. III, ст. 9) и к старостам: како есмь dokonчал (в силу договора, заключенного) с Новым-Городом ходити трем ватагам моим на море; а в Атаман Андрей Критцкий атьдают (да дают ему) с погостов корм и подводы по пошлин, а сын его Кузма, как пойдет с моря с потками с данными по данничему пути (с данными птицами по пути, где

жители обязаны данью), дадут ему корму и подводы по пошлине с погостов; а как пошло при моем отце, и при моем брате, неходите на Терскую сторону Новгородцам и ныне не ходят" (Акты Археографическ экспед., т. I, стр. 1).

Договорная грамота Великаго Князя Георгия съ Великимъ
Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ 1318 года.

В договорной грамоте великого князя Георгия с великим князем тверским Михаилом Ярославичем, относящейся к 1318 году, между прочим читаем: "...А что поимали на Вологде кречеты, и серебро, и белу и... (истлевшее место)... св. (л) ободам и Послом и у Волоце и у Ладожан или что (истлевшее место)... их людей дат им назад по исправе" (Собрание госуд. грамот и договоров, ч. I, стр. 18).

К периоду 1320–1340 годов относится следующая грамота великого князя Иоанна Даниловича:

"Се яз Князь Великий Иван Данилович всея Руси пожаловал есмь сокольников Печерских, кто ходит на Печеру, Жилу с други, а се их имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федец, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрок, Власий, Микитица, Иванов сын, Семенец, Кондрат, Чешко, Семенец, Григорь, Степанец, Савица: ненадобе им некоторая дань, ни ко старосте, им не тянути и что у них третники и наймиты кто стражет на готовых конех, а в кунах, и тем не надобе некоторая дань, ни ко старосте им не тянути ни биричь (глашатай, объявляющий по улицам и площадям постановления правительства; иногда полицейский служитель. Даль. Слов.) их не поторговывать, ненадобе ни корм, ни подвода; кто ли, через мою грамоту, что у них возмет, и яз Князь Великий кажню, занеже ми люди те надобны. А приказал есми их блюсти Меркурью: и ты Меркурей, по моей грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому" (Акты Археограф. экспед., т. I, стр. 1).

Пропуская грамоту великого князя Василия Ивановича III и царя Иоанна Грозного, приведем здесь грамоту царя Василия Ивановича Шуйского, почти тождественную с грамотами названных великого князя

и царя:

Царь Василій IV Ивановичъ Шуйскій,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.

"Се яз, Царь и Великий Князь Василей Иванович всеа Руси, пожаловал есми своих Переславских соколников, соколнича пути и помытчиков и обротчиков, что живут в пригороде на посаде, Гришку Рябикова, да Боженка Ильина, да Ортюшку Максимова, да Казаринка Петрова, да Ивашка Поганникова, да Ванку Панина, да Тишку Новикова, да Ивашка мелника, да Меншичка Дементьева, да Тренку кузнеца, да Тренку сапожника, да вдову Оксиньцу, да Гаврилку хлебника, да Илейку Обросимова: что они нам били челом и положили перед нами блаженные памяти Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси жаловалную грамоту, чтоб нам их пожаловать, велети тое старую жаловалную грамоту переписать на наше царское имя и велеть бы им дати свою царскую жаловалную грамоту новую таковуж какова у них преж сего была. И яз, Царь и Великий Князь Василей Иванович всеа Руси, выслушав их старую жаловалную грамоту Переславских соколников, соколнича пути, и помытчиков и обротчиков, Гришку Рябикова с товарищи, пожаловал велел тое старую грамоту переписать на свое Царево и Великого Князя Василея Ивановича всеа Руси имя и велел им дати сю свою царскую жаловалную грамоту, таковуж какова у них преж сего была: наши наместницы Переславские и их тиуны Гришку Рябикова и его товарищей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным, а праведчики и доводчики поборов своих на них и поворотного (плата с возов на постоянных дворах, Даль. Слов.) не емлют и не всылают к ним ни почто; а кому будет чего искати на Гришке Рябикове и на его товарищех, ино их сужу яз, Царь и Великий Князь Василей Иванович всеа Руси, или мой соколничей; а ездити от них и по них нашему даному приставу,

которого им яз пожалуйю, велю дати, а срок им даной пристав срочит один в году в той же день по Крещенье Христове; а опричь того моего даного пристава, не ездить по ним никто; а кто на них накинёт срок не по тому их сроку, и им к тому сроку издिति не велел; а кто на них бессудную грамоту возмет, не по тому их сроку, и та бессудная не в бессудную. Также есми их пожаловал: наше князи и бояре и воеводы и ратные люди у них во дворех силно не ставятся, а наши высылщики и гонцы и емщики подвод у них и проводников не емлют в городе и по дорогам, опричь ратная вести; а с подводами на яму не стоят, и с черными людьми городскими, ни с целовалники, ни с сотскими, ни с десятскими, во всякие подати и тяглы не тянут... (истлевшее место)... А с черныни людьми ие тянут ни вочто, ни в посошныя службы. А оброку им мне, Царю и Великому Князю, давати с своих дворов с году на год на Рожестве Христове на мою соколню соколничему нашему по 3 сокола пером (живых, натурою); а не будет соколов пером и им давати в нашу казну за три сокола оброку по 1 1/2 рубля, с году на год, за сокол по полтине, да пошлин с сокола по гривне. А коли Гришка с товарищи поедут к нам, на Москву, с нашими оброчными соколы или с соколним obroком, без товару, и наши наместники по городам и по волостем волостели и их пошлинники, и по мытам мытчики, и по реках перевозчики, и по гатям гатовщики, мыта (пошлина, Даль. Слов.) и тамгу и явки, ни иных некоторых пошлин на них не емлют. А коли они явят сю нашу грамоту нашим наместником и всяким пошленником и они с нее явки не дают ни чего. А прочет сю нашу царскую жаловалную грамоту, велели есми отдавати Гришке с товарищи назад, и они себе ее вперед держат для ваших пошлинников. Дана

ся наша царьская жаловалная грамота на Москве, лета 7114 году Июля в 10 день" (Акты Археографич. экспедиции, т. I, стр. 122).

Под охраной княжеских грамот помытчикам жилось несравненно вольнее и легче, чем черным людям; волостели и наместники не смели их теснить поборами под страхом княжеского гнева: "а кто через мою грамоту что у них возмет, и яз великий князь кажню, занеже ми люди те надобны", писал в своей грамоте еще Иоанн Калита.

За все эти льготы помытчики платили князьям ежегодный оброк соколами. Каждая община помытчиков обыкновенно доставляла на княжескую сокольню ежегодно по три сокола "пером", т. е. натурою, живых; но при Феодоре Иоанновиче размер оброка был гораздо выше: двинские и каргопольские помытчики обязаны были доставлять каждый год по 2 кречета "подкрасных", по 3 "кропленных" да по 35 кречетов серых. При неудачной ловле, когда не было возможности доставить соколов и кречетов "пером", помытчики платили оброк деньгами по полтине за каждого сокола, а за трех соколов полтора рубля со всей артели, хотя в артели их было обыкновенно около двадцати человек¹⁵⁴. Тогдашняя московская полтина на наши деньги стоила около 4 1/2 руб. сер.; такова была цена сокола дикого, неприрученного и невыношенного; выношенные соколы ценились несравненно дороже: уже XI в. по закону "Русской Правды" укравший выношенного сокола или ястреба платил его владельцу гривну кун, т. е. семь рублей на наши деньги; впоследствии цена соколов должна была значительно повыситься; известно, что в XIV в. выношенный сокол в Польше стоил свыше 300 рублей¹⁵⁵; возможно полагать не без основания, что в

Москве он ценился немного ниже, чем в Польше.

Царь Иванъ Грозный на соколиной охотѣ, съ рисунка Шварца.

Личный состав соколиной охоты, ее организация и внутренние распорядки за рассматриваемый период мало известны. Несомненно, что существовала княжеская сокольня и при сокольне находился известный штат сокольников для вынашивания и ухода за ловчими птицами; для ястребов были особые слуги, так называемые "садовники ястребьи"¹⁵⁶, которые дрессировали их для охоты, устраивая садку на птиц. Состав соколиной охоты в XV–XVI в. был уже довольно многочисленный, потому что при Грозном царские сокольники населяли в Москве под Новинским целую слободу. В Москве же, вероятно также при Грозном, был построен каменный храм во имя св. Трифона Чудотворца, что в Напрудной слободе, который, по народному верованию, считается защитником полей от вредных насекомых и пресмыкающихся. Народное предание связывает построение храма св. Трифону с чудесным спасением царского сокольничего от неминуемой царской опалы. Молодой царский сокольничий, сын богатого и знатного боярина, только что помолвленный (по другому преданию – уже повенчанный), по имени Трифон Патрикеев, по оплошности упустил любимого государева сокола.

Разгневанный царь приказал ему отыскать сокола не позже трех дней, под страхом царской опалы и жестокого наказания. Три дня и три ночи сокольничий провел в лесу в тщетной надежде найти отыгравшего сокола и горячо молил о помощи св. Трифона. Наконец, усталый, измученный, удрученный отчаянием, он присел отдохнуть, задремал и тотчас же увидел сон: ему предстал св. Трифон на белом коне и с соколом в руках и сказал ему, что отыскиваемый сокол сидит на сосне недалеко от того места, по направлению к

востоку. И действительно, очнувшись от сна, сокольничий скоро разыскал сокола и в благодарность за чудесную помощь построил св. Трифону сначала часовню, а потом храм¹⁵⁷. Высшее лицо в составе соколиной охоты был государев сокольничий, обыкновенно из родовитых бояр. Сокольничему принадлежал общий надзор за соколиной охотой и суд над сокольниками. В XVI в. звание сокольничего иногда соединялось со званием ловчего, т. е. заведующего всей охотой птичьей и псовой. В 1504 году сокольничим в. к. Василия III был Кляпик Еропкин¹⁵⁸.

Переходя к вопросу о псовой охоте, мы прежде всего должны отвергнуть ошибочное предположение, что "Василий III едва ли не первый (из русских князей) завел псовую охоту, ибо Россияне в старину считали псов животными нечистыми и гнушались ими"¹⁵⁹. Неоспоримый факт, что при Василии III псовая охота достигла наибольшего развития, но многие исторические данные не оставляют сомнения в том, что она существовала с самых ранних времен. В "Русской Правде" (XI в.) псы, именно охотничьи, упоминаются наряду с соколами и ястребами; среди фресок Киево-Софийского собора, как мы видели выше, имеются изображения охоты с собаками на кабана (р. III), векшу (р. II) и оленя (р. V). Уже с XII в. встречается в летописи звание псарей¹⁶⁰, и в этом же веке мы видим в лице новгородского князя Всеволода Мстиславича первый пример крайнего увлечения псовой охотой наравне с соколиной. Но особенно частые упоминания о псарях относятся к XV в., а под 1504 г. в духовной великого князя Иоанна III впервые названа княжеская псарня, помещавшаяся близ Москвы в селе Луцинском¹⁶¹. Около того же времени

русские борзые собаки становятся известными при дворах европейских государей: в 1519 г. Христиан II, король датский, подарил французскому королю Франциску I борзых собак русской породы, вывезенных из Московского государства¹⁶², без сомнения, питомцев княжеской псарни. Таким образом, блестящая псовая охота Василия III многим, конечно, была обязана заботам его отца, Иоанна III, о разведении чистых пород охотничьих собак.

По свидетельству Герберштейна, у Василия III были две породы собак, так называемые "*canes molossi et odoriferi*", собаки большие, и *kurtzi*, собаки поменьше, употреблявшиеся для охоты за зайцами¹⁶³.

Так как в ненецком переводе (1567 г.) записок Герберштейна *canes molossi et odoriferi* названы *Jagdhund* и *Suchhund*, то, по всей вероятности, это были собаки борзые и гончие¹⁶⁴. Что же касается породы собак, названных у Герберштейна *kurtzi*, то это, бесспорно, борзые собаки, именно кавказские, горной породы, называвшиеся прежде куртинками.

Таким образом, в княжеской псовой охоте употреблялась не только местная порода борзых, но и восточная порода. Восточная порода борзых ценилась очень высоко и доставлялась обыкновенно татарами. В Польше татары с ранних времен вели торг борзыми собаками, которых приводили на ярмарки иногда большими партиями; нельзя сомневаться, что они продавали их также на Руси. Татарским борзым приписывалась особенная понятливость и "вежливость": хорошая татарская борзая смирна, идет без своры возле лошади охотника и послушна его приказанию. Как ценились хорошие охотничьи собаки, можно судить по законам Владислава Ягелло (XIV в.),

по которым за воровство охотничьего пса полагался штраф 6 гривн (15 р. 84 к.), а за убийство крестьянина 10 гривн (26 р. 40 к.)¹⁶⁵. Собственно рыночная цена охотничьих собак в XIV веке в Польше была приблизительно следующая: борзых можно было купить по 10 р., гончих по 4–5 р. и легавых 6–7 р.¹⁶⁶.

О русских ценах на охотничьих собак не сохранилось решительно никаких указаний; однако нет оснований предполагать слишком значительную разницу русских цен против польских, в особенности относительно восточной породы борзых, которых поставляли и в Польшу, и на Русь одни и те же поставщики – татары. Без сомнения, татары оказали значительное влияние на развитие и характер русской княжеской охоты XIII, XIV и следующих веков. Татары вообще очень любили охоту, были в ней большие искусники, а татарские ханы обставляли свою охоту такою пышностью и торжественностью, что она невольно производила впечатление на заезжих европейцев, например, на Плано Карпини и Барбаро. Так, хан Узбек (XIV в.) ездил на охоту к берегам Терека со всем войском, многими знаменитыми данниками и послами разных народов. Охота затягивалась на месяц или два. Несколько сот тысяч людей было в движении; каждый воин украшался лучшими одеждами и садился на лучшего коня; купцы на бесчисленных телегах везли товары индейские и греческие; роскошь и веселье царили в шумных станах, и дикие степи казались улицами городов многолюдных¹⁶⁷. В ханских охотах принимали участие и русские князья, приезжавшие в Орду и иногда подолгу жившие в ней; при Узбеке в Орде жил целых три года московский князь Георгий Данилович и женился даже на любимой сестре Узбека, Кончаке,

принявшей крещение под именем Агафии¹⁶⁸. Само собою понятно, что все, что было в ханской охоте редкого и поразительного, князья заимствовали и переносили в строй своей охоты; на охоте Василия III, описанной нами во II главе, легко можно заметить черты татарских позаимствований, в особенности пышность и величие обстановки княжеской охоты. Что касается способов охоты, то здесь едва ли можно предполагать какие-либо заимствования у татар, так как основные способы производства охоты повсюду одни и те же. У татар самым любимым способом охоты были облавы. Рассыпаясь на огромном пространстве, они составляли круг и при звуках оружия и труб с диким криком гнали зверей прямо к ханской ставке, постепенно суживая круг и замыкая зверей живою стеной со всех сторон; хан первый убивал попавшихся зверей, а воины добивали уже тех, которых не убил хан; по окончании облавы разводили множество костров и шумно пировали до позднего часа¹⁶⁹.

И в русской княжеской охоте облавы зверей практиковались с самого древнего времени. Еще в XI веке, в 1088 г., киевский князь Всеволод устраивал за Вышгородом облаву на зайцев при помощи "кличан"-загонщиков¹⁷⁰, которые в юго-западной Руси назывались иначе "осочниками"; при охотах на волков практиковалось подвывание: волки, отзываясь на искусный вой охотника, выходили к известному месту и здесь находили себе верную смерть от метких ударов охотников¹⁷¹. Отдельные выражения и сравнения, встречающиеся в летописи¹⁷², указывают на существование в древние времена травли, когда зверя преследовали верхами. Травлю зверей, преимущественно зайцев, особенно любил Василий III, обладавший инстинктом истого борзятника; его травли

производились по всем правилам тогдашнего охотничьего искусства, причем сам князь и другие знатные участники охоты вели охотничьих собак собственными руками и спускали их на выгнанных зайцев лишь по знаку князя. "Если зайцы слишком долго или совсем не выбегали на поляну и травля не удавалась, тогда устраивали здесь же заячью садку: по крику князя: "гуй, гуй" выпускали из мешков заранее припасенных зайцев и травили их собаками; зайцы выскакивали из мешков и метались между собаками, словно козлята или ягнята в стаде"¹⁷³.

Охота на зайцев с собаками продолжала существовать и при Иоанне Грозном¹⁷⁴; но после Грозного активная охота князей приходит в упадок и временно заменяется домашними травлями и садками зверей и звериными потехами. Такого рода охота впервые вошла в дворцовые обычаи при Василии III, сильно развилась при Грозном, а при Феодоре Иоанновиче стала почти исключительной забавой царя.

И в травлях, и в потехах дворцовых главную роль играли медведи дикие или выученные, дрессированные. Для государевой потехи медведи отыскивались по всем областям, и лучшие повсюду отбирались в силу царского указа и доставлялись в Москву на обширный псаренный двор, где, кроме медведей, содержались и другие звери, а также и охотничьи собаки. Ученые медведи, жившие постоянно во дворе, назывались дворными; другие были гончие, или "гонные", медведи, т. е. пойманные уже взрослыми и не совсем прирученные¹⁷⁵, так что они составляли нечто среднее между дворными и дикими медведями; дикие медведи поставлялись на потеху прямо из леса. Медвежья потеха была разнообразна, но вся она распределялась на три статьи: медвежья травля,

медвежий бой и медвежья комедия, если правильно будет так называть медвежье представление с поводчиками и с неизменною спутницею ученых медведей – ряженой козой. Должно полагать, что все эти три статьи входили в состав каждого зрелища медвежьей потехи, которое могло начинаться комедией, продолжаться травлей и заканчиваться боем. Во время медвежьей комедии поводчики забавляли зрителей присказками и приговорками, которые служили как бы текстом к этому медвежьему балету и объясняли медвежьи действия; старинный иронический и шутливый ум русского человека при этом не ходил в карман за словом и с беззастенчивым остроумием выставлял напоказ всякие смешные стороны тогдашней жизни. Травля медведей производилась с помощью собак или же диких медведей, напускавших на медведей ученых. Бой с медведем происходил так: в круг, обнесенный стеною, ставили человека и на него спускали свирепого медведя; задача бойца заключалась в том, чтобы не пропустить момента, когда всего легче воткнуть медведю в бок рогатину или деревянные вилы: если боец успевал уловить момент, он сразу клал медведя на месте, а нет – так сам становился жертвой разъяренного зверя и погибал на глазах зрителей. При удачном исходе боя с медведем бойца вели к царскому погребу, где он в честь государеву напивался допьяна, и, кроме того, из государственной казны обыкновенно ему отпускалось портище (кусок) хорошего сукна на кафтан, ценою в два рубля.

Это было обычным государевым жалованьем за такую потеху в XVI и XVII вв. Разумеется, по нашим понятиям эта награда не соответствует подвигу; но должно помнить, что ходить одному на медведя в то время было обычным, заурядным явлением охотничьей

жизни, потому и бой с медведем на дворцовой потехе ценился в меру своей повседневной оценки. Большею частью бойцы принадлежали к дворцовому же, государеву, чину и состояли при Ловчем пути, или при царской охоте: это были псовники, конные и пешие псари и собственно охотники, первые люди Ловчего пути¹⁷⁶. Хотя подобные зрелища не лишены были по тому времени своего интереса и привлекательности, хотя они находят себе оправдание в условиях и нравах эпохи, однако история охоты должна видеть в них пример крайнего упадка активной охоты и отсутствия здоровых охотничьих инстинктов.

Интересное явление в истории княжеской и царской охоты XVI и XVII вв. представляет охота на зубров в Беловежской пуще, которая ныне составляет достояние Российской Императорской Короны. Пуща, где происходили королевские облавные охоты, была разделена на загоны, и лица, заведовавшие пущею, обязаны были назначать для каждого загона потребное количество облавщиков¹⁷⁷. Охота на зубров, в особенности старых, требовала большой силы, ловкости и проворства. Выбиралось удобное место между деревьями, не очень толстыми, но могущими закрыть человека. Выгнанный собаками зубр бросался на первого попавшегося человека, а тот старался укрыться за деревом и при удобном случае вонзал в зубра копье. Но это было не так-то легко; обыкновенно охотники вначале разбегались в стороны от разъяренного зверя, на час и более, предоставляя зубру утомиться от собственного бешенства и ярости. Затем на усталого зверя вновь спускали собак, которые задерживали его, и тогда управлявший охотою приказывал дать сигнал, что он готовится убить зубра. Когда сраженный зубр падал на землю, король слезал с

коня и кинжалом снимал с зубра шкуру. После этого зубра потрошили и из внутренностей его варили похлебку для собак, чем и заканчивалась охота¹⁷⁸.

Об организации и служебном персонале древней княжеской охоты должно заметить, что еще Владимир Мономах завел в своей охоте "ловчий наряд", причем, по всей вероятности, существовал присущий всякой правильной охоте известного рода порядок, который состоял в распределении занятий между служащими: конюхами, сокольниками и т. п. В Московском государстве, при сильном развитии соколиной и псовой охоты, организация ее распалась на два больших отдела: Сокольниковый путь и Ловчий путь. В ведении первого сосредоточены были все дела, касающиеся соколиной охоты и многочисленных прислужников ее. Ловчий путь специально ведал дела звериной охоты и ее служебного состава: псарей конных и пеших, конюхов, охотников, или ловчих, которые считались вольными слугами государевыми и подчинены были только заведовавшему Ловчим путем. Сокольниковый и ловчий, заведовавшие путями, были самые высшие лица в составе княжеских охот, назначались обыкновенно из приближенных бояр и занимали высокое положение среди других придворных чинов. Сокольниковый чином преимуществовал перед ловчим, но часто обязанности сокольника и ловчего, как мы уже заметили выше, возлагались на одно и то же лицо; так, это было обычным порядком при дворе Грозного, но впоследствии, при Феодоре Иоанновиче и Годунове, должности эти окончательно разделились. Должность ловчего "Пути" впервые учредил Василий III, и первым ловчим был Михаил Иванович Нагой с 1509 по 1525 г. Тверским ловчим при этом в. к. был Иван Алексеевич Бобрищев-Пушкин¹⁷⁹. Накого сменил Давыд

Григориевич Проестов, служивший в ловчих с 1525 по 1534 г.; за ним с 1535 по 1550 г. ловчим был Феодор Михайлович Наумов, впоследствии пожалованный в окольничие с сохранением звания ловчего и сокольничего; с 1551 по 1562 г. должность сокольничего отправлял его сын Иван-Жукла Феодорович Наумов; в 1563 г. в ловчие был назначен и ходил в этой должности до 1567 г. Григорий Дмитриевич Ловчиков; после его смерти должности сокольничего и ловчего вновь сливаются, и с 1568 по 1574 г. сокольничим и ловчим был Иван Иванович Бобрищев-Пушкин; в 1574 г. должности эти опять разделены, причем сокольничим до 1582 г. оставался Бобрищев-Пушкин, а ловчим был Иван Михайлович Пушкин; при царе Феодоре и Борисе Годунове в ловчих ходил Димитрий Андреевич Замыцкий; в 1600 г. вновь был назначен отдельный сокольничий – Иван Алексеевич Жеребцов; при самозванцах сокольничим и ловчим был Гаврило Григорьевич Пушкин, с окладом жалованья в 120 рублей. Ловчий, находившийся при государе в Москве, назывался ловчим Московского пути в отличие от ловчих городских (напр. ловчий Рязанского пути), которые заведовали промысловой охотой князей на княжеских угодьях¹⁸⁰ и были учреждены гораздо ранее, как увидим ниже.

Глава IV

Правовые отношения великих князей, народа и частных лиц в области охоты

В общем строе древнерусской жизни охота, как мы видели, имела весьма существенное экономическое значение. Для князей охота была главнейшей статьей дохода, для народа и частных лиц – источником, откуда черпались средства для удовлетворения жизненных потребностей и нужд и для исполнения повинностей, налагаемых государством. Таким образом, в области охоты встречались, соприкасались и сталкивались интересы князей, народа и частных лиц, и уже в раннюю пору чувствовалась нужда упорядочить возникавшие отсюда взаимные отношения, уравновесить и регулировать по отношению к охоте права князей, народа и частных лиц, а также и целых учреждений, например монастырей.

В европейских государствах право охоты очень рано становится повсюду исключительным правом государства; охота делается государственной регалией или ради общих фискальных интересов, или ради частных интересов государей и правителей. При регалии охоты народ и частные лица теряют право производства охоты даже на собственных землях под страхом тяжкой ответственности и даже смертной казни. На Руси с самых древних времен охота была свободным промыслом, доступным для всех, независимо от того, к какому классу населения принадлежал охотник, хотя необходимо заметить, что князья, как увидим при дальнейшем изложении

истории царской охоты, пользовались по отношению к охоте особыми правами и преимуществами. По мнению некоторых исследователей, у нас на Руси звериная и птичья охота с древних времен составляли исключительное право князей и были княжеской регалией¹⁸¹. Но это мнение стоит в решительном противоречии со всеми данными, хотя и скудными, но совершенно ясными для разрешения этого вопроса. Для устранения этого ошибочного мнения достаточно одной ссылки только на "Русскую Правду" (XI в.), где есть несколько статей, относящихся до охоты, но нет ни малейшего намека на то, что она составляла исключительное право князей¹⁸²; в дальнейшем изложении мы встретим веские положительные аргументы в пользу мнения, что в Древней Руси правом охоты пользовалось все население Руси.

В истории народов право охоты повсюду возникает одновременно с правом поземельной собственности и развивается параллельно с ним. Там, где право поземельной собственности не установилось еще и не утвердилось в писаном законе, охота составляет свободный и для всех доступный промысел, с течением времени ограничиваемый обычаем, который является древнейшим источником всякого рода юридических норм. По скудости и неясности сведений трудно определенно разрешить вопрос о земельном владении в начальную эпоху Древней Руси; но должно полагать, что вследствие обширности государственной территории и сравнительно редкого населения владение землей в те времена основывалось на так называемом "праве первого захватившего": владельцем земельного участка становился тот, кто первый облюбовал и захватил его, вложил в него свой труд, обработал его; оттого-то на Руси границы

земельных владений обозначались в древности такой фразой: "куда топор, коса, соха ходили".

С течением времени возникли и другие способы приобретения земельных владений, именно: пожалование земли князьями и свободная купля-продажа. В границах своего земельного владения, захваченного ли, пожалованного ли, или купленного, каждый свободно пользовался всеми естественными выгодами и преимуществами своего участка: ловлями звериными и птичьими, бортевым (пчеловодным) промыслом и рыбной ловлею. Таков был общий принцип, на основании которого устанавливались права и отношения в области охоты в Древней Руси.

Права и преимущества князей в области охоты вытекали из их поземельных прав и отчасти из их исключительно высокого положения. С того времени как князья с оружием в руках подчиняют своей власти различные славянские племена, они начинают считать себя собственниками земли, которою владели эти племена¹⁸³, а потому древнерусские князья, не лишая народ и частных лиц права производить охоту, сами лично свободно производили охоту по всей территории, когда занимались охотою ради утех. Признавая себя собственниками всей русской земли, древнерусские князья считали себя вправе устанавливать так называемый "ловчий налог". В 1289 году Мстислав, князь Владимирский (Волинский), приехав в Берестье и узнав, что берестяне не обложены ловчим налогом, приказал брать с них "за их коромфлу (непослушание)" ловчий налог в таком размере: с каждой сотни по две лукны (кадочки) меду, по две овцы, по пятнадцати десятков льну, по сту хлебов, по пяти цебров (Zober – ушат) овса, по пяти цебров ржи и по 20 кур – с сельских жителей, а с городских по 4 гривны кун (около 30 р.)¹⁸⁴. Этот факт показывает,

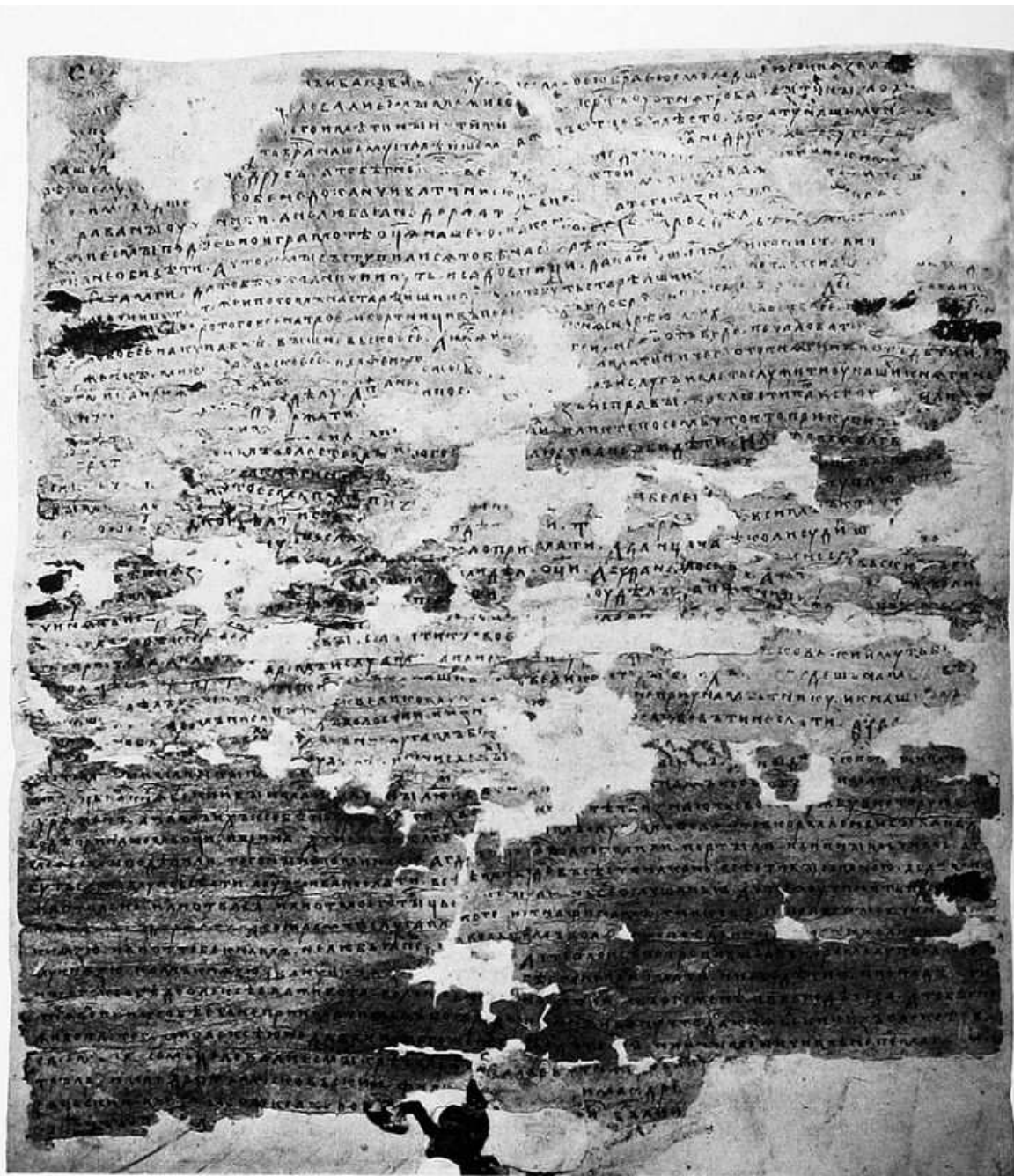
что ловчий налог применялся не везде, так как берестяне до 1289 года были от него освобождены; примененный в данном случае как наказание за крамолу, ловчий налог, очевидно, должен был напоминать берестянам, что они пользуются землею и охотничьими угодьями лишь по милости князя и под условием полного повиновения ему; следовательно, в ловчем налоге должно видеть символ исконных верховных прав князя на все земли княжества. Но если, по мнению древнерусских князей, действительно им принадлежали верховные права на всю территорию, то понятно, что они считали себя вправе отводить в свое пользование лучшие, наиболее выгодные для охоты места по всей территории русского государства. Так это и было. Летописец говорит, что княгиня Ольга имела "ловища по всей земле": "в лето 6455 (947) иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повогсты (погосты) и волости и по Лузе, оброки и дани; ловища ее суть по всей земли, знамянья (знаки владения) и повогсты и места... и по Днепру перевесища и по Десне"¹⁸⁵. Это летописное известие не оставляет никакого сомнения, что лучшие охотничьи угодья князя отводили в свое личное пользование, а менее выгодные угодья уступали народу из оброка и дани. Точно так же и в завоеванных и вновь присоединенных областях лучшие охотничьи угодья отходили во владение князей. Та же княгиня Ольга после покорения древлян захватила для себя лучшие ловища, а остальные уступила покоренным древлянам, назначив за пользование ими "уставы и уроки"¹⁸⁶; на том же основании князя считали своею собственностью все свободные земли, никем не занятые (*res nullius* – в римском праве), со всеми их угодьями и доходными статьями, и из этих свободных земель они нередко делали пожалования монастырям и

боярам или отдавали их на оброк крестьянам: при Иоанне Грозном, например, вологодские сокольники Блазновы получили в оброк дикие свободные места в Вологодском уезде, где водились ловчие птицы¹⁸⁷.

Наконец, к князьям же переходили обыкновенно и выморочные владения, которые за прекращением рода некому было наследовать, и вот факт, подтверждающий это: Волок Ламский, представлявший многие удобства для охоты, находился во владении удельных волоцких князей; но когда умер последний князь волоцкий, Феодор Борисович, не оставивший после себя потомства, Волоцкий удел переходит во владение великого князя Василия Иоанновича и Волок Ламский с 1515 года, как мы и говорили, становится самым любимым местом для охоты великого князя¹⁸⁸.

Благодаря таким бытовым условиям и порядкам русские князья с самых древних времен по всей территории имели свои охотничьи угодья, доставлявшие им громадный доход. Общее название княжеских охотничьих угодий – "ловища"; ловища разделялись на птичьи и звериные, птичьи иначе назывались "перевесищами" по основному способу ловли птиц перевесами; в Западной Руси, где водилось бесчисленное множество бобров, такие охотничьи угодья назывались "бобровыми гонами" и "зеремьянами", причем последним словом обозначались места поселения или колонии бобров¹⁸⁹. Княжеские охотничьи угодья, объединяемые в целях управления в отдельные группы, носили название путей: в Московской Руси охотничьих путей было два, Сокольничий и Ловчий; первый заключал в себе птичьи ловища и их управление, а второй ловли звериные и всех лиц, служивших этому делу. Огромные выгоды, какие доставляло князьям звероловство, и, с

другой стороны, страсть к охоте придавали в глазах князей большую важность Сокольничему и Ловчему пути, т. е. праву промыслять зверями и птицами.

Договорная грамота Московскаго Великаго Князя Семена Ивановича
с братьями его, князьями Иваномъ и Андреемъ, 1341 г.

Князья чрезвычайно дорожили этими путями и ревниво оберегали их, как самую важную статью дохода. Симеон Гордый потребовал, например, от братьев, чтобы они уступили ему на старейшинство оба эти пути в станах московских, которые должны были находиться в общем, нераздельном владении всех братьев-князей¹⁹⁰; равным образом Дмитрий Донской в своей духовной приказывал своим сыновьям поделиться поровну ловчим и сокольничьим путями¹⁹¹.

Здесь нам необходимо отметить некоторые особенности в способах пользования и управления княжескими охотничьими угодьями. Ловчий путь, обозначавший собою все княжеские охотничьи угодья, разбросанные в том или другом уделе (напр. "Московский путь"), делился на станы. В каждом стане заключалось несколько деревень и починков, находившихся в заведовании особого ловчего: у Иоанна Грозного во Владимирском уезде был, напр., Ильмехотский стан, в котором состояло 22 деревни и 1 починок¹⁹². Насколько важны и велики были доходы от охотничьих угодий, можно судить по свидетельству Флетчера, который говорит, что за удовлетворением всех дворцовых издержек и расходов на жалованье многочисленному дворцовому штату от этих оброчных статей оставался еще громадный излишек в виде шкур и мехов, дававших при продаже до 230.000 рублей¹⁹³. В видах обеспечения себе постоянного и верного дохода от охотничьих угодий князья Московской Руси поселяли на таких местах разный промысловый люд, носивший в древности общее название "делюев", деловых людей, а по своей специальности распадавшийся на ловчих, сокольников, псарей, бобровников, ловцов оленьих, тетеревников, ловцов

заячьих, лебединых и гоголиных. Вместе с коренными жителями сел, где были охотничьи угодья, они составляли промышленные поселения, подчиненные дворцовому ведомству, но составлявшие личную собственность князей, так как в Древней Руси не существовало строгого различия между имуществами государственными и государевыми.

Промысловые охотники, поселенные на княжеских угодьях, пользовались княжескими землями и лесами из оброка; они обязаны были заниматься ловлей зверей для князя и поставлять их в дворцовое ведомство. Они причислялись к вольным слугам, и удельные князья не имели права принимать их к себе на службу. Отъезд таких слуг, соединенный с прекращением взятых ими на себя обязанностей, вел к лишению пожалованных земель: "ин земли лишен, пойдѣ прочь"¹⁹⁴.

Звериная ловля на угодьях княжеских производилась ими под надзором и руководством ловчего, заведовавшего известным станом. Городские и сельские люди, жившие в пределах такого стана, несли особого рода повинности по отношению к княжеским охотничьим промыслам и лицам, их производившим, но в соответствии с этим они пользовались также и особыми правами и преимуществами сравнительно с простыми "черными людьми". Каждый стан, т. е. группа дворцовых промысловых поселений, представлял из себя отдельную и самостоятельную административную единицу, изъятую из ведения общих судебных и административных учреждений, и свободную от обыкновенных повинностей и податей, взамен которых на нее возлагалась специальная служба княжескому охотничьему промыслу. В то время как "черные земли" – обыкновенные села и деревни – в делах суда и управления подчинялись наместникам и

волостелям, дворцовые поселения при охотничьих угодьях, напротив, ведались уже не волостелем, но ловчим, который заведовал станом. В таком случае к ловчему переходили все обязанности и права волостеля, и случалось иногда, что должность волостеля и ловчего совмещалась в одних руках¹⁹⁵. Должность ловчего, заведовавшего княжескими угодьями, впервые упоминается около 1455 г. в княжение Василия II Темного¹⁹⁶. В помощь себе по делам суда и управления станом ловчий имел при себе двух чиновников, которых назначал и сменял собственной властью, именно тиуна и доводчика: первого для разбора судебных дел, а второго для дознания, следствия и сыска по преступлениям, совершавшимся в районе его стана.

При суде тиун заменял собою ловчего, как его помощник, но не составлял с ним коллегиального учреждения: и тиун, и доводчик – лица, вполне подчиненные ловчему, действовавшие по его приказу и полномочию¹⁹⁷. Для того чтобы вполне выяснить права и положение ловчего и его чиновников, с одной стороны, и, с другой стороны, права и обязанности подчиненных им жителей промысловых селений, мы обратимся к уставной грамоте, данной Иоанном Грозным бобровникам Ильмехотского стана Владимирского уезда, весьма типичной грамоте, в которой с большою тщательностью определены и урегулированы все подробности положения ловчего, его чиновников и подчиненных ему бобровников. Бобровники 23-х деревень Ильмехотского стана по этой грамоте обязывались "ведать Великого Князя службу – бобровую ловлю: ловить бобров по рекам: Клязьме, Судогде и Колахте, а что добудут бобров, возить их к Москве, к государевой казне, шерстью (т. е. шкурами),

а не добудут бобров давать за бобров оброком, с году на год, полтретья (2 1/2) рубля денег", что на теперешний счет равнялось приблизительно 12 р. сер.

*Великій Князь Дмитрій Ивановичъ Донской,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.*

За эту службу великому князю ильмехотские бобровники освобождались из ведения и суда владимирских наместников и их чиновников: тиунов, праведчиков, приставов и доводчиков, и не обязаны были давать им кормы и нести все другие поборы; с тяглыми людьми бобровники не тянули ни в какие протори и разметы, т. е. освобождались от всех личных повинностей и вещественных податей, обычных для тяглых людей; кроме того, освобождались от тягостного постоя и прокорма проезжих государевых чиновников: "князья, бояре, воеводы ратные и всякие ездоки (т. е. гонцы) у них не ставятся, ни подвод, ни проводников, ни кормов силою не емлют, а кому случится стать, корм себе и коням у бобровников покупают"; наконец, бобровники при проезде на бобровую ловлю с бобровою снастью или с оброком на Москву освобождались от "мыта", т. е. таможенных сборов на внутренних таможах, а когда ехали обратно с Москвы, то не платили мытчикам "задних калачей", обычный (но сверхсметный, нужно полагать) побор на мыту с деревенских жителей, возвращавшихся с Москвы на деревню с городскими "гостинцами". Таковы были преимущества ильмехотских бобровников; постоянное сохранение за ними всех этих льгот обеспечивалось очень внушительной припиской в княжеской грамоте: "а через сию мою грамоту кто изобидит чем, быти ин от меня Великого Князя в казни". В делах управления и суда ильмехотские бобровники подчинялись местному волостелю, который, очевидно, исполнял также и обязанности ловчего и имел при себе тиуна и доводчика, неменных помощников всякого ловчего. Содержание этих трех лиц составляло повинность бобровников и обеспечивалось сборами с них установленных "кормов" и некоторых обычных даней и

пошлинами с судебных дел между ильмехотскими бобровниками. Так как ловчим ильмехотского стана был кривандинский волостель, человек свой, местный, а не приезжий, то не было оснований, как водилось в других местах, давать ему "въездное": обыкновенно при приезде и вступлении в должность ловчему давалось от подчиненных въездное "кто что принесет"¹⁹⁸. Установленные "кормы" ильмехотские бобровники давали волостелю, тиуну и доводчику три раза в год: на Рождество, на Пасху и на Петров день. В Рождество волостелю с каждой 6 деревень доставлялось по 10 хлебов, по полоту мяса, по меху овса и по возу сена; тиуну вполовину против волостеля, а доводчику один хлеб, часть мяса и зобня (лукошка) овса с каждой 6 деревень; в Пасху волостель получал по 10 хлебов и полоту мяса, тиун вполовину меньше, а доводчик – по хлебу и части мяса; в Петров день волостелю полагалось от каждой 6 деревень по 10 хлебов и по барану, тиуну половина того, а доводчику – по хлебу и сыру. А если волостелю, тиуну и доводчику был "нелюб" доставленный натурою корм, они могли брать за него деньгами по расценке, точно определенной в княжеской грамоте: за каждый хлеб по деньге, за полоть мяса два алтына, за окорок (тиуну) алтын, за часть мяса (доводчику) деньга, за петровского барана два алтына, за сыр (доводчику) деньга, за воз сена два алтына, за мех овса восемь денег, за зобню овса (доводчику) две деньги. Сверх указанных трех сроков для доставления ловчему "кормов", в некоторых местах, например, в Каменском стане Дмитровского князя Юрия существовал еще и четвертый: по осени ловчий вместе с тиуном и доводчиком получал с каждой деревни новину по осьмине ржи и по осьмине овса; при этом в Каменском стане раскладка по деревням всех

установленных "кормов" ловчему производилась пропорционально с количеством пашен и угодий, принадлежавших той или другой деревне. Ильмехотские и каменные бобровники при заключении браков давали своим ловчим обязательный дар: если бобровник отдавал дочь замуж в другую волость, то платилась "выводная куница по гривне", а если брак заключался между людьми своей же волости, то "новоженный убрус по алтыну" (т. е. ширинка или полотенце). Но самые большие доходы ловчие получали от пошлин с судебных дел, вчинявшихся в их стане. Всякое судебное дело, уголовное и гражданское, было обложено определенной в пользу ловчего пошлиной, хотя бы оно и кончалось мировой сделкой тяжущихся сторон.

Необходимо заметить, что в судебных делах компетенция ловчих не везде была одинакова. В Каменском, напр., стане ловчий ведал все без исключения судебные дела, и ему присвоено было даже право смертной казни в отношении "заведомо лихих людей"; но в видах гарантии населения от возможных злоупотреблений ловчего столь широкими полномочиями ловчий вершил судные дела не иначе, как при участии "дворского", т. е. окружного начальника княжеских вотчин, и "лучших людей", выбранных из среды станового населения. Напротив, в Ильмехотском стане ловчий судил единолично, сам или через своего тиуна, но зато из его компетенции было изъято душегубство, подлежавшее суду владимирских наместников.

Судебные пошлины в пользу ловчего и его тиуна взимались в таких размерах: при гражданском доказанном иске с ответчика взыскивалась в пользу ловчего и тиуна пошлина в половинном размере

исковой суммы; если же иск не был доказан истцом, то взыскивалось с истца по два алтына с каждого рубля исковой суммы в пользу ловчего, а в пользу тиуна по восьми денег с рубля.

Судебные пошлины значительно возрастали, когда тяжущиеся стороны, недовольные решением ловчего, "сводили дело к полю", т. е. решали его посредством поединка в поле. С XIII по XVII в. "поле", или судебные поединки, практиковались очень часто, именно по искам, возникавшим из преступлений, по делам о поземельной собственности и по нарушению договоров; тяжущиеся дрались на поле мечами или дубинами, и кого на поле основательно поколотят или даже совсем убьют, тот и считался проигравшим процесс и нес все последствия, соединенные с проигрышем судебного процесса¹⁹⁹. Так как судебные поединки не пользовались сочувствием общества и вызывали постоянный против себя протест со стороны духовенства, то с дел, решавшихся "полем", взимались усиленные пошлины, дабы постепенно отвадить тяжущихся от такого способа суда. Поэтому когда тяжущиеся "сводили дело к полю", но решали его мировой сделкой, не начиная самого поединка, то и с ответчика, и с истца взыскивалась в пользу ловчего и тиуна пошлина в половинном размере исковой суммы; при состоявшемся поединке побежденный должен был вполне удовлетворить истца и уплатить ловчему и тиуну пошлину в полном размере исковой суммы. По искам, возникавшим из чересполосности владений, например если бобровник "переорет" (запашет) чужую межу, виновный платил ловчему или тиуну барана, "а не люб им баран, за барана алтын". За "самосуд", когда поймавший вора с поличным отпускал его на свободу, не заявив о том ловчему или тиуну, с

уличенного взыскивалось два рубля московских, т. е. около 9 рубл. на наши деньги.

Духовная грамота
Великаго Князя Дмитрия Ивановича Донскаго, 1389 г.

Указанными пошлинами и установленными кормами исчерпывались все повинности ильмехотских и каменных бобровников по отношению к их ловчим и тиунам. Ловчие и тиуны не имели права на какие-либо другие поборы и обязывались "по бобровным деревням не ездить, ночлегов не чинить, ни подвод, ни проводников не брать"; кроме того, им воспрещалось самовольно, без зова, приходить на деревенские пиры и братчины, когда деревня в складчину варила пиво и брагу; будучи же приглашены, обязывались не ночевать в той деревне, где пили, но в другой. Что же касается доводчика, то при служебных разъездах он получал прогоны по деньге на версту, а по делам взыскания вдвое, причем ильмехотский доводчик должен был ездить один, без паробка, и на одной лошади, а каменскому доводчику дано было право ездить с паробком и на тройке лошадей; во время остановок доводчики не имели права пользоваться обедом и ночлегом в одной и той же деревне, но где обедали, там не ночевали, а где ночевали, там не обедали. Каменные бобровники были ограждены также и от поборов со стороны так называемых "попрошатаев", вольных ловцов, служивших при станах по найму и не имевших земельного надела²⁰⁰; последним воспрещалось под страхом личного княжеского суда ездить по деревням и "насильно собирать жито". Наконец, ловчим строго указывалось не накидывать лишних сроков для доставки бобрового оброка; этих сроков должно было быть только два: один на Крещение, другой через неделю от начала Петровского поста²⁰¹.

Изложив хозяйственные и административные порядки на охотничьих угодьях князей Московской Руси, мы бросим теперь беглый взгляд на то, как было

поставлено это дело в Литовской Руси, чтобы путем сравнения лучше выяснить особенности старинно-русского охотничьего хозяйства. Польско-литовские короли занимали на юге и западе Древней Руси территорию, в высшей степени выгодную и удобную для охоты: здесь было много мест, отвечающих условиям промысловой охоты, и были леса вроде Беловежской пуши, где короли вдоволь могли наслаждаться правильной охотой, прекрасно ими организованной. С одинаково большою заботливостью польско-литовские короли относились и к своим промысловым охотничьим угодьям, и к местам правильной охоты. Места, где охотились сами короли, считались заповедными, и в них никому охотиться не разрешалось; таковы были леса за Неманом к Мазовецкой и Прусской границе²⁰² и Беловежская пуша, т. е. сплошной лес от Беловежа до Ковна. Последняя находилась в заведовании особых ревизоров, охранялась специальными лесниками и была разделена на загоны. Ревизоры вместе с лесниками и загонщиками должны были заблаговременно разведывать, сколько примерно зверей было в загоне и сколько для них потребуется загонщиков. Заранее составлялся список загонщикам и отдавался приказ об их наряде, "дабы не гнать людей из далеких волостей, когда и без того обойтись можно". Загонщиками при королевских охотах были как тяглые люди, так и "осадные", т. е. специальные загонщики, состоявшие на службе при королевской охоте; последние за свою службу пользовались "двумя волоками" (земельным наделом) и были свободны от чинша, т. е. тягловой службы, и от всяких податей. Тяглые и осадные люди на время королевской охоты освобождались от всяких других работ, а ребят и

стариков на ловы приказывалось совсем не брать²⁰³.

Принадлежавшие королям охотничьи угодья заведовались: в королевских волостях старостами, а в пущах лесными ревизорами. Относительно пущ, в которые, по стародавнему обычаю, допускались королевские и шляхетские подданные, ревизоры должны были составлять подробные ведомости всем, кому вход в пущу дозволяется; кроме того, они должны были наблюдать, чтобы близ лазов подданные ни скота, ни собак не держали и отнюдь не позволяли бы себе охотиться, что влекло за собой смертную казнь²⁰⁴. Промысловая охота производилась при помощи тяглых людей, причем за свою службу они или получали особое вознаграждение: напр. при охоте на бобров – пятого бобра, или "почеревье" (брюшко) от каждого бобра; или же освобождались от тягловой службы и взамен ее несли некоторые другие повинности; напр. "осочники" (загонщики) в королевских волостях были свободны от тягловой службы, но зато обязаны являться 12 дней в году на толоку к королевским волостям: три дня пахать пар, три дня жито косить, три дня жито жать и три дня убирать яровое²⁰⁵.

Некоторые охотничьи угодья короли сдавали подданным в аренду за высокую цену. В XV в. бобровые гоны в Полоцкой области сдавались в аренду жителям области: мещанам, дворянам, городским и волостным людям за 200 рублей-грошей, т. е. за 1100 рублей, но, так как полочане били челом королю Александру, что им не вмоготу платить столь высокую аренду, то цена была сбавлена наполовину²⁰⁶.

Все другие охотничьи угодья, разбросанные по всей территории польско-литовских королей, или принадлежали королевским подданным на праве собственности, или же находились в их пользовании на оброчных условиях. В последнем случае оброк

уплачивался звериными шкурами, бобровыми и куньими, или же переводился на деньги: за бобра платилось 45 грошей, т. е. около 2 р. 50 коп., а за куницу от 6 до 16 грошей, т. е. от 30 до 90 коп.²⁰⁷; но, сверх этого, оброчники несли еще и личные повинности по производству королевских охот: выставляли бобровых охотников с конем и псом, ходили на облавы и ловы королевских воевод и наместников, давали под них подводы на охоту, отпускали летом сено для воеводских сокольников и, наконец, чередуясь с последними, стерегли ловчих птиц²⁰⁸. На собственных волоках и на оброчных угодьях королевские подданные охотились совершенно свободно и могли бить волков, лисиц, рысей, росомх, белок, зайцев и всякого малого зверя и всякую птицу, но серн и других больших зверей запрещалось убивать даже и на собственных волоках²⁰⁹. По стародавнему обычаю, королевские воеводы, наместники и старосты пользовались правом охоты на крестьянских землях, могли брать подводы и людей для своих охот и получали даже известную долю из охотничьих добыч королевских подданных; но многие местности по особым королевским уставным и жалованным грамотам были изъяты из-под действия такого обычая²¹⁰.

Вопрос о том, пользовался ли в Древней Руси правом свободной охоты простой народ, должен быть решен в положительном смысле. Известно, что с древних времен русские вели обширную торговлю мехами с востоком и западом, а это возможно было лишь под условием свободы и общедоступности охотничьего промысла для всех групп населения. Но самое веское и неотразимое доказательство заключается в том, что русский народ с древних времен

уплачивал подати князьям, как мы видели, мехами и шкурами зверей: когда подать не денежная, а натуральная, то естественно, что она уплачивается теми именно продуктами, которые составляют результат общего и главного народного промысла. Не лишен при этом большого значения и самый способ собирания даней, практиковавшийся древними русскими князьями. С IX по XI век (а в отдельных случаях и в XII, и XIII даже вв.) русские князья собирали дань с подданных сами лично. Обыкновенно с ноября по апрель для сбора даней и податей они объезжали свои волости в сопровождении всей дружины, большого количества войска и многочисленных слуг. Это называлось "идти в полюдье" и с внешней стороны скорее напоминало военные походы, чем мирное собирание даней. Народу при этом приходилось не только платить урочную дань мехами, но еще и дарить князя и многочисленную свиту теми же шкурами и мехами²¹¹, а это было бы совершенно немыслимо, если бы охота в Древней Руси была княжеской регалией, а не свободным народным промыслом.

Итак, бесспорно, в Древней Руси народ пользовался правом охоты, и оно опиралось, как всегда и везде, на права поземельного владения. Владение землей Древней Руси было на праве личном или общинном; такой же характер носило и владение всеми другими угодьями, связанными с поземельною собственностью, в том числе и охотничьими. Как пользовались общинники своими охотничьими угодьями, о том не сохранилось никаких известий; но должно полагать, что на общинных угодьях практиковалась единоличная и коллективная охота: некоторые виды охоты, например облавы, требуют большего числа охотников, другие виды, как,

например, охота с перевесом, могли совершаться единолично; вероятно, в общинных лесах общинники имели каждый по собственному перевесу²¹². Народ не менее князей дорожил своими угодами, ревниво оберегал и, когда мог, упорно отстаивал свои исконные права на них. Так, новгородцы, как мы видели выше, благодаря особенностям государственного устройства их области прямо договаривались с своими князьями относительно мест и сроков княжеской охоты на их землях. В 1265 году новгородцы заключили договор с князем Ярославом Ярославичем "по старине", как было при его дедах и отце, и по этому договору Ярослав обязывался охотиться за кабанами не ближе 60 верст от города; летом ему предоставлялось охотиться за зверями на Озвадо (местность географически неопределенная), но не в Руссе; в Руссу же он мог отправляться на охоту через две зимы на третью, а в Ладогу и Княжее (Княгинин) на третье лето²¹³.

Но Ярослав договор этот вскоре нарушил. Он завел большую соколиную и псовую охоту и, забыв о договоре, беспечно гонялся за зайцами по полям, ему не предоставленным, и бил уток и гоголей по Волхову и иным водам. Новгородцы были возмущены подобным нарушением договора. В других областях подобных договоров с князьями народу учинять не приходилось; поэтому там князья всегда сохраняли за собой право как охотиться на землях крестьян, так равно и брать для своих охот нужное количество облавщиков из деревень²¹⁴. Во время татарского ига такими же правами пользовались ханские охотники: они производили охоту по всем лесам и полям, водили с собой крестьян на облавы, брали у них годные охотничьи орудия, а иногда отнимали даже и самый улов охотников-крестьян²¹⁵.

В Древней Руси громадное количество охотничьих угодий принадлежало монастырям. Русские князья из побуждений благочестия, столь сродного русской душе, любили жаловать монастырям села и деревни со всеми их угодьями, лесами и пашнями, звериными, птичьими и рыбными ловлями и "бортевыми ухажаями"²¹⁶. Под охраной княжеских жалованных грамот монастыри вели крупное сельское хозяйство и в широких размерах производили промысловую охоту при помощи крестьян своих сел и деревень; монастырские охотничьи угодья были недоступны для сторонних людей, и княжеские ловчие также не имели права охотиться в них; последняя привилегия сохранилась за монастырями даже во время татарского владычества. Когда владельческие права монастырей нарушались лицами местной администрации, монастыри искали защиты и суда у самих князей²¹⁷, а при нарушениях со стороны частных лиц получали иногда от князей помощь в виде посылки к ним ратных людей для поимки и наказания самовольных охотников²¹⁸. Вообще нужно сказать, что монастыри энергично отстаивали свои владельческие права всякий раз, как только им угрожал произвольный захват. В XVI в. (в 1516 г.) киевский Пустынский Николаевский монастырь вел у киевского воеводы любопытную тяжбу с софийским митрополичьим наместником, Васько Паньковичем, из-за одного "бобрового зеремени". Основываясь на "людских речах и поведаньях", Панькович утверждал, что пустынские старцы самовольно, "не обысаячись" с ним, спорное "зеремя погонили и бобры побили" и не хотят дать для митрополита половину улова, так как де это зеремя находится по местоположению в обоюдном владении монастыря и митрополита. Но старцы предъявили воеводе жалованные грамоты,

"Господарские листы" королей Александра и Сигизмунда II, выставили надежных свидетелей "панов почестных", и дело было решено воеводой в их пользу²¹⁹.

Были охотничьи угодья и у частных лиц в Древней Руси. Частные лица владели ими на праве полной собственности. Нечего и говорить, что у удельных князей были прекрасные охотничьи угодья и заведены были собственные охоты²²⁰. Бояре и служилые люди приобретали угодья путем княжеских пожалований²²¹ или посредством покупки у других лиц²²². На собственных угодьях бояре вели не только промысловую, но и правильную охоту, для которой имели при себе собственный штат охотников²²³. При чересполосности боярских охотничьих угодий с великокняжескими обоюдное пользование угодьями регулировалось особыми частными договорами бояр с князем²²⁴. Наконец, собственные охотничьи угодья и свои охоты были и у крестьян-собственников, называвшихся в Древней Руси "своеземцами". Прекрасное подтверждение этому мы находим в сказании XV в. о крестьянине Луке Колоцком. Лука был простой крестьянин, живший в 15 в. от Можайска, на реке Колоче. Он нашел в деревне чудотворную икону Богородицы, понес ее в Можайск и Москву, и повсюду ее появление сопровождалось чудесами. От приношений к иконе Лука собрал себе большое богатство, построил на Колоче большой и красивый двор, как будто князь какой, вкусно ел и пил, набрал отроков, ездил на охоту с соколами и кречетами, держал множество псов, медведей и утешался ими. Удельного можайского князя Андрея Димитриевича Лука и знать не хотел, всячески ему "шкодил и дерзил". Не раз он бил и грабил княжеских сокольников,

отбирал у них соколов и кречетов; не раз доставалось от него и княжеским ловчим, у которых он отнимал медведей, пойманных для князя. Но один ловчий за все отомстил ему: уступая Луке, по его требованию, медведя, ловчий спустил медведя к Луке на двор прежде, чем Лука успел уйти в комнаты, и медведь сильно ободрал Луку. К едва живому Луке тотчас же приехал можайский князь и отчески укорял его за озорное житие, говоря: "по делом тебе так и приключилось". Лука раскаялся, просил князя распорядиться всем его богатством на какое-либо дело богоугодное, и князь построил монастырь Колоцкий, где Лука постригся и умер в покаянии²²⁵.

Итак, мы видим, что в Древней Руси охота была достоянием всего народа и составляла важнейший промысел, в котором одинаково были заинтересованы все слои населения. Естественно, что с самых ранних времен она должна была стоять под особой охраной и покровительством закона. Наш первый законодательный сборник, "Русская Правда", издание которого относится ко времени Ярослава Мудрого, уже предусматривала нарушения в области охоты прав частной собственности в виде намеренной порчи охотничьих орудий и воровства ловчих птиц, собак и самой добычи и определяла материальную ответственность виновных в этом следующим образом: I) за намеренную порчу чужого перевеса виновный платил 3 гривны кун (21 р.) штрафа князю и 1 гривну в удовлетворение потерпевшего²²⁶; II) за воровство ястреба, сокола, пса, а также за похищение улова из чужого перевеса 3 гривны штрафа и гривну владельцу; III) за воровство голубя и куропатки по 9 кун (2 р. 52 коп.), а гуся, утки, лебедя и журавля по 30 кун (8 р. 40 коп.); IV) за воровство племенного бобра из норы 12

гр. (84 р.) штрафу; V) если в чьем-либо владении будет изрыта земля, найдутся сети и другие признаки воровской ловли, то община этой местности должна разыскать виновного или уплатить штраф в размере 12 гр.²²⁷.

В других, изданных после "Русской Правды", законодательных памятниках рассматриваемого нами периода мы не встречаем статей, касающихся охоты. Лишь в польских законах конца XVI в. в отношении охоты слышен поздний отголосок "Русской Правды" в следующем узаконении: "Если кто на охоте пойманного или гонимого чужими собаками кабана, оленя или лося присвоит себе или стащит чужую собаку, тот должен заплатить противнику 3 гривны штрафа и стоимость собаки, кроме того, 3 гривны судье"²²⁸.

Широкое развитие права охоты и законов о ней есть факт времен уже новейших, и мы встретимся с ним в следующих частях "Истории Царской охоты".

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Лаврент. спис. летоп., 4.

2 Там же, 31.

3 Воскрес. лет. 263; Карамзин. "Ист. Гос. Росс", т. I, стр. 37.

4 В 1316 году, во время борьбы Твери с Москвою, когда тверской князь Михаил Ярославич напал на союзников Юрия Даниловича, на новгородцев, то "поиде к Новугороду ратью, и увернуса на Ловоти из Устьян, и заблудися в озерах и в болотех, и начаша вои его мерети голодом, ядяху конину и с щитов кожу сдираючи, а снасть свою всю пожгоша", IV Новгор. лет. 48. См. Струтосов – "Охота в допетровской Руси" в "Прир. и охот.", 1881 г., т. II, стр. 31.

5 Струтосов в "Пр. и ох.", 1881 г., т. II, стр. 31–32.

6 См. Морева "Очерк коммерческ. географ. и хозяйств. статистики России", СПб., 1891.

7 Акт. Зап. Росс, т. I, No 6; Акт. Археогр. эксп., т. I, No 15. См. Н. Аристова "Промышленность Древней Руси". СПб., 1866, стр. 58.

8 Рукописная книга о граде Курске. См. Аристова "Пром. Др. Руси", стр. 6, прим. 12.

9 Лавр. сп. лет., стр. 95 I-го изд. (216 во 2-м изд.). См. Струтосова в "Пр. и ох.", 1881, ч. II, 32 и Аристова "Пр. Др. Руси", стр. 6, прим. 12.

10 Ипат. сп. л. 199, изд. 1871. См. Струтосова в "Пр. и ох.", 1881, ч. II, 30.

- 11 I Новг. л., 21; Аристов, 4, прим. 9.
- 12 "История о вел. княжестве Московском". Перевод Шемякина. Москва, 1867, стр. 43.
- 13 См.: Петрея де Ерлезунда "Ист. о вел. кн.", Москва, стр. 54.
Герберштейна "Записки о Московии". Перев. Анонимова. СПб., 1866, стр. 124.
Джон Мильтон – в "Чтен. Имп. общ. ист. и древн. росс.", 1874, кн. 3, стр. 3.
Бумаги Флорентийского центрального архива...
Пер. гр. Бутурлина; Москва, 1871, стр. 355.
- 14 "Ист. о вел. кн. Моск.", стр. 54.
- 15 Карамзин. "Ист. Гос. Росс", т. I, прим. 516.
- 16 "Ист. о в. кн. Моск.", стр. 29.
- 17 "Зап. о Моск." Герберштейна. Пер. Анонимова, стр. 101.
- 18 Воскрес. л. 177.
- 19 "Зап. о Моск.", стр. 103.
- 20 "Конь диких своими руками связал есьм в пуштах, – говорит Мономах, – 10 и 20 живых конь". Лавр. лет. 104.
- 21 См. Аристова "Промышлен. др. Руси", стр. 7.
- 22 "Зап. о Моск.", стр. 166.
- 23 "Бумаги Флор. архива", стр. 320.
- 24 Акты Зап. Росс., т. I, No 13.
- 25 Дополн. к Акт. ист., т. I, No 4.
- 26 "Ист. о В. кн. Моск.", 392.

27 Карамзин. "Ист. Г. Росс", т. VIII, 174. Соловьев. "Русс. ист.", т. IV, 99.

28 "Сказ. кн. Курбского". СПб., 1868, стр. 14.

29 Ключевский. "Сказания иностранцев о Моск. гос.". Москва, 1866, стр. 151.

30 Соф. лет. II-я, стр. 143; Воскр. 95.

31 Лавр. сп. л. 101.

32 Ипат. сп. л. 12., изд. 1871.

33 Софийск. лет. 89.

34 Плано Карпини. Собрание путешествий к татарам и др. восточн. народам XIII–XV вв., изд. Языкова. СПб., 1825, стр. 185.

35 Карамзин. "Ист. Г. Р.", т. X, 277.

36 Из рукоп. книги о граде Курске: "...из Рыльска и иных градов людие хожду туда (к Курску) прибытка ради своего зверей ловити". Карамз. "И. Г. Р.", IV, пр. 166. См. выше примеч. 8.

37 IV Новг. л. 73.

38 См. Струтосова "Охота в допетровской Руси". "Прир. и охота", 1881 г., т. II.

39 "Зап. о Московии". Герберштейн.

40 Л. Сабанеев. "Соболь и соболиный промысел" в "Природе", 1874 г.; есть и отдел. издание.

41 Н. Стромилов. "Охота и меховой промысел в др. Руси". "Журнал охоты", 1875, III, 34–36.

42 См. Аристова "Пром. древ. Руси", 146–7.

43 Рыбников. "Собр. нар. пес.", т. I, 60.

44 Ип. сп. л. 29; Соф. 89; Герберштейн; Истахари, Ибн-Фоцлан.

45 Памятник. XII в., Москва, 1821, 173 стр. См. у Аристова "Пр. Др. Р.", 147.

46 Ип. л. 122.

47 Флетчер (англичанин, бывший в Москве в 1588 г.) утверждает, что название "белой лисицы" неправильно присвоено песцу. См. "Зап. Историко-филол. факульт. СПб. унив.", ч. 27, стр. 121.

48 Рубруквис, посол Людовика XI-го, говорит об этом.

49 "Московия", стр. 10.

50 Костомаров. "Очерк жизни великорусского народа", стр. 120.

51 "Донесение о Московии" Пернштейна, стр. 10.

52 Ефимками в Древней Руси назывались немецкие серебряные талеры – по-немецки Joachimsthaler, потому что делались из серебра, добывавшегося в рудниках Joachimsthal'я.

53 Собрание государственных грам. и договор., Москва, 1813 г., т. I, NoNo 8, 10 и 11.

54 "Записки о Московии", стр. 168.

55 "Зап. о Моск.", стр. 167–8.

56 Забелин. "Ист. русск. жизни", ч. II, стр. 297.

57 "Записки о Моск.", стр. 166.

58 Бум. фл. арх., стр. 318.

59 Ипат. сп. летоп., изд. 1871, стр. 41.

60 Ипатский сп. лет., изд. 1871, стр. 241.

61 Ипат. сп. лет., изд. 1871, стр. 345–6.

62 Карамзин. "И. Г. Р.", т. II, пр. 300.

63 Забелин. "Ист. русск. жизн.", т. II, 382.

64 Струтосов. "Прир. и охота", 1881, т. II, в статье "Охота в допетровской Руси".

65 См. В. Григорьева исслед. "О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству". М., 1842, стр. 112–118 и 118–129.

66 См. иссл. проф. В. О. Миллера "О лютом звере народных песен". М., 1866. – На основании лингвистических и исторических соображений проф. Миллер утверждает, что "лютым зверем" в древнее время наши предки называли льва, известного им отчасти по литературным источникам (напр. из Библии), отчасти по рассказам паломников на восток. В народных песнях древнего времени лютый зверь и волк часто фигурируют рядом как различные звери. Впоследствии название "лютого зверя" было усвоено волку как его эпитет.

67 "Изв. Ак. наук", т. X, 548. См. у Аристова "Промышл. др. России", стр. 77.

68 "Запис. о Моск.", стр. 192–193.

69 Карамзин. "И. Г. Р.", т. X, стр. 302.

70 В церковном правиле митрополита Иоанна Якову Черноризцу 1089 г.

71 В вопросах Кирика епископу Нифонту до 1156 г.

72 Рукоп. Румянц. муз. No 380. См. Костомарова "Очерки жизни великорусского народа". "Современник", 1860, т. LXXXVIII, стр. 95, и в отд. издании: СПб., 1860, стр. 147.

73 Домострой, изд. Яковлева. Одесса, 1887, стр. 15, 21, 58.

74 Герберштейн. "Зап. о Моск.", 53–5. По церковным правилам греко-российской церкви духовенству охота воспрещается, как занятие, не соответствующее высокому значению пастырей. В принципе охота не разрешается и католическому духовенству, но оно всегда охотилось, прикрываясь декреталями папы Климента V, которые дозволяют бить зайцев и др. зверей, когда они вредят садам, огородам и полям или домашнему скоту: "*quo casu hoc eis permittitur*", сказано в тексте декреталий (т. е. "в этих случаях охота разрешается"), поэтому на жаргоне католических монахов и самая дичь называется *quo casu*; а чтобы всегда был законный предлог для охоты, у них в обычае возносить ежедневно молитву *pro pullis et nidis*, т. е. об изобилии выводков и сохранении логовищ. См. у Струтосова в "Пр. и ох.", 1881, т. II.

75 Афанасьев. "Поэтич. воззрения славян...", т. I, стр. 731.

76 Новг. л., IV, 73. См. Струтосова в "Пр. и ох.", II, 1881.

77 См. Н. Сементовского "Сказание о ловах велик. кн. киевских", СПб., 1857 г., стр. 2; Карамзин. "Ист. Гос. Росс", т. I, стр. 149; К. Аксаков. "Истор. статьи", стр. 619.

78 Лавр. лет., стр. 25, изд. 1846.

79 Лавр. лет., стр. 24, изд. 1846.

80 Ипат. лет., стр. 41, изд. 1871 г.; Лавр., стр. 56, изд. 1872 (27 стр. в изд. 1846 г.).

81 "В лето 6483 (975). Ловы деюще Свеньгельдичю, именем Лют, исшед бо из Киева гна по звери в лесе; узре и Олег и рече: "кто се есть"? И рекоша ему: "Свенгельдич", и заехав уби и, бе бо ловы дея Олег. И о том бысть межи има ненависть Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свенгельд: "поиди на брата своего и приимеши власть един его, хотя отмстити сыну своему". Ипат. спис. летоп., изд. 1871, стр. 49; Соловьев, "Ист. Росс", т. I, изд. 1874, стр. 150–151; Н. Сементовский, "Сказ. о лов. в. кн. киев.", стр. 2–3.

82 Н. Сементовский. "Сказ. о лов. в. кн. киев.", стр. 3; К. Аксаков. "Истор. статьи", стр. 356, 361, 364, 365, 368, 374 и 377.

83 Ипатьевск. спис. летоп., изд. 1871 г., стр. 53.

84 Лавр. спис. лет., стр. 65, изд. 1846 г.

85 Карамзин. "Ист. Госуд. Росс", т. II, стр. 11.

86 Ипат. лет., стр. 106, изд. 1871.

87 Как это делает Н. Сементовский в "Сказ. о лов. в. кн. киев.", стр. 5.

88 Ипат. лет., изд. 1871 г., 150 стр.; Лаврент. лет., изд. 1872 г., 207 стр.; в I Софийской определено указано, что Всеволод охотился за Вышгородом на зайцев, стр. 149 в Полн. Собр. Лет. 1846 г. В Лавр. летописи это событие отмечено под 6599 (1091) г.

89 Соловьев. "Ист. Росс", изд. 1856, II, 88.

90 См. "Духовную" Мономаха в Лавр. лет., стр.

100–109, изд. 1846, в Полн. Собр. Лет.

Знаменательное, к счастью, дошедшее до нас поучение этого князя к детям является драгоценным материалом для разбираемого нами вопроса.

"Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим ни чюжим, ни в селех ни в житех (домах), да не кляти вас начнут... Лениость бо всему мати, еже умеет, то забудет, а его же не умеет, а тому ся не учит (что знаешь, то забудешь, а чего не знаешь, тому не научишься); добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе. Первое к церкви: да не застанет вас солнце на постели тако бо отец мой деящеть (делал) блаженный и вси добрии мужи совершении заутренюю отдавше Богови хвалу, и потом солнию всходящую, и узревше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: Просвети очи мои Христе Боже, и дал ми еси свет твой краеный; а еще Господи, приложи ни лето к лету, дапрок грехов своих покаявся, оправди в живот, тако похвалю Бога и седше думати с дружиною, или люди оправливати (судить. Соловьев, т. II, стр. 40) или на лов ехати, или прездиши, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне, от чина, бо почевает и зверь и птица и человеци. А се вы поведаю, дети моя, труд свой, о же ся есмь тружал пути дея и ловы 13 лет... А се труждахоя ловы дея: понеже седох в Чернигове, а из Чернигова вышед и до... (истлевшее место) лета по сту уганивал и им даром, всею силою, кроме иного лова, кроме Турова, иже со отцем ловил есмь всяк зверь. А се в Чернигове деял есмь: конь диких своима рукама связал есмь, в пушах 10 и 20 живых конь, а кроме того иже по рови (может быть собственное имя) ездя имал есмь своима рукама те же кони дикие. Тура мя 2 (раза) метала на розех и с конем, олень мя один бол (бодал), а 2 лоси, один

ногама топтал, и другой рогома бол. Вепрь ми на бедре мечь отъял (оторвал), медведь ми у колена подклада (потник под седлом. Буслаев) укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедра, и конь со мною поверже: и Бог неврежена мя сблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руце и нози свои вередих (повреждал) в уности (юности) своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было (что следовало) творити отроку моему, то сам есмь створил дела, на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, (глашатай, объявляющий на улицах и по площадям постановления правительства; иногда полицейский служитель. Даль. Словарь), сам творил что было надобе, весь наряд и в дому своем, то я творил есмь: и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех, и о соколах и о ястребех... Смерти бося, дети, не боячи (не бойтесь), ни рати, ни от звери, но мужьское дело творити, како Вы Бог подаст. Оже бо яз от рати, и от звери и от воды, от коня спадаяся, то никто же вас не может вредитися и убити, понеже (если) не будет от Бога повелено; а иже от Бога будет смерть, то ни отец ни нати, ни братья не могут отъяти... Се же хощю сказати, яже слышах прежде сих 4 лет, яже сказа ми Горютя Роговичь Новгородец, глоголя сице: яко послах отрок свой на Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду" (Лаврентьевская летоп., стр. 100–109).

[91](#) Сементовский. "Сказ. о лов. в. кн. киевских", стр. 15; Забелин. "Ист. русск. жизни", т. II, 103.

[92](#) Ипат. лет., стр. 122 (в Полн. Собр. Лет. 1846) и у Карамзина "Ист. Гос. Росс", т. III, 61 стр.

[93](#) Ипат. лет., 139 (в Полн. Собр. Лет.).

94 Ипат. спис. лет., 133 в П. С. Л. 1846.

95 Н. Сементовский. "Сказ. о лов. в. кн. киевских", стр. 17.

96 Ипат. лет., 550, изд. 1871.

97 Ипат. сп. л., 196 в П. С. Л. 1846.

98 Ипат. л., 596, изд. 1871.

99 Никоновск. лет, стр. 159; I Новгор. л., 7 – в П. С. Л.

100 Никон. л., 148; I Новг., 61; I Софийск., 186; Воскресенск л., 169 – в П. С. Лет.

101 Собр. грам. и дог., ч. I, стр. 2–3.

102 Освободив в 1515 году из-под стражи бывшего казанского царя Лешифа и, желая показать ему свою особенную милость, великий князь позволил Лешифу ездить на охоту (Карамзин. "Ист. Гос. Росс", т. VII, стр. 81).

По свидетельству Герберштейна, государь города Кошира, стоявшего на берегу Оки, на шесть миль выше Коломны, был приглашен Василием III на охоту, где его и отравили вследствие доноса о злоумышлении на жизнь великого князя ("Записки о Московии", стр. 104).

103 Считаем не лишним позаимствовать у историка Карамзина несколько слов, характеризующих личность Василия III-го: "Василий Иоаннович, как говорили тогда, судил и рядил землю всякое утро до самого обеда, после коего уже не занимался делами; любил сельскую тишину, жил летом в Острове, Воробьеве или Москве на Воронцове поле до самой осени; часто ездил по другим городам и на псовую охоту в Можайск и Волок Ламский; но и там не забывал государства:

трудился с думными боярами и дьяками; иногда принимал послов иноземных. В 1519 году в мае он выехал из Москвы к Николе на Угрешу, оттуда в Остров, где жил до Петровок, а потом все лето провел в Воронцове" ("Ист. Госуд. Росс. с древ. врем.", т. V, стр. 409).

104 II Софийск. л., 267; Карамзин. "И. Г. Р.", т. VII, 181–184; Соловьев. "Ист. Росс", т. V, 396; Герберштейн. "Зап. о Моск.", 195–198.

Приводим подлинные слова летописца о кончине Василия Иоанновича:

"В лето 7042 (1533 г.) Сентября, и поезде князь велики Василей Иванович всея Руси и с своею с великою княгинею Еленю и детьми, со князем Иваном и со князем Юрьем Васильевичи, к Живоначальной Троицы и к Преподобному чюдотворцу Сергию, на память (в день) чюдотворца Сергия: и туто князь велики молился и праздновал чюдотворцову память и молебная совершив. И от троицы поезде с великою княгинею и с детьми в свою отчину на Волок на Ламский тешитися, а ехал на свое село на Озерецкое и ту начат немощи (заболел): и явися у него мала болячка на левой стране на стегне (верхняя часть ноги, бедро, ляжка. Даль. Словарь.) на згибе с булавочную голову, верху же у нее несть, ни гною в ней несть же, а сама багрова. И от толе приеде в Троецкое село Нахабну, из Нахабны преденужно, (с трудом) обдержим болезнею, в Покровское Фуниково; и ту празновал Покрову Пречистыя Богородицы, и от туда поезде в свое село Покровское и пребысть ту два дни, в третий же день приеде на Волок, нужно в неделю после Покрова. И того же дни бысть пир на Великого Князя у дворецкого его Тверского у Ивана у Юрьевича у Шигоны Поджогина. На утрия же, в понедельник, князь вилики

великою нужею дойде до мылни; и за столом седе в постельных хоронех нужею. На утрея же того, во вторник, бысть погодие велико (хорошее) тешитися Государю, и посла по ловчих своих по Федора по Михайлова сына Нагова, да по Бориса по Васильева сына Дятлова, да по Бобрища по Пушкина, и неунявся хотя тешитися, и поеде в свое село в Колпь, болезнью обдержим скорбяше; до села же того едучи мало бысть потехи. В Колпь же приехав и сядяше за столом и нужею, и посла по брата своего по князя Андрея Ивановича на потеху к себе; князь же Андрей приеха к нему вскоре. Тогда же князь велики великою нужею выеха со князем Андреем Ивановичем на поле с собаками, и поездиша мало, токмо две версты от села и возвратишася в Колпь: и сядящим за столом с братом своим со князем Андреем Ивановичем, изнемогаючи; и от толе стола у него не бысть, но вкушаючи мало на постеле. И нача к болезни своей призывати князя Михайла Львовича Глинского; а к Москве посла воскорее подохторов своих, по Миколая по Булева да по Фефила..." (Софийская II, стр. 267).

105 Карамзин. "Ист. Гос. Росс", т. VIII, 87–97; т. IX, 3, 100 и 188. Примеч. к IX т., 31.

Соловьев. "Ист. Р.", т. VI, 449–450; т. VII, стр. 7.

Петрей де Ерлезунд. "Ист. о Велик. княж. Московском", 151, 163.

Горсей. "Зап. о Моск." в "Библ. для чт.", 1865, февр., 44–45.

Псковская летоп. 319 (в П. С. Л.).

106 Акт. Ист., Доп. I, 119, 196, 205, 207, 208, 210.

Горсей в "Библиотеке для чтения", 1865, март, стр. 17.

Флетчер в иссл. Середонина, 151–152.

Варкача в "Чт. Общ. ист. и др.", 1874, IV, 19.

107 Горсей в "Биб. для чт.", 1865, март, 16.

108 Об охоте в Польше см. "Газет. лесоводства и охот.", 1859.

109 Карамзин. "Ист. Гос. Росс.", т. IV, прилож., стр. 54. Улучшение и преобразование царской охоты по образцу охоты польских королей во времена Лжедмитрия было тем более возможно, что он находился под обаянием польских нравов.

110 Карамзин. "И. Г. Р.", т. XI, 249 и примеч. 394.

Соловьев. "Ист. Росс.", т. VIII, 125.

Трачевский. "Русск. ист.", 1885, стр. 200.

Петрей де Ерлезунд. "Истор. о Вел. княж. Москов.", 209–210.

111 Соловьев. "Ист. Р.", т. VIII, 70, 77.

Костомаров. "Ист. в жизнеописаниях", ч. I, 752.

112 Ипат. лет. 142; Пол. соб. Русс. лет.

113 Софийск. II лет., 332; Карамзин. "И. Г. Р.", т. VI, 99 и 276 и т. VII, 24; Соловьев. "Ист. Р.", т. V, 109.

114 Соловьев. "Ист. Р.", т. V, 379.

115 Соловьев. "Ист. Р.", т. VI, 129.

116 Карамзин. "И. Г. Р.", т. XI, прим. 7.

117 Карамзин. "И. Г. Р.", т. VII, 165.

118 Акт. Зап. Росс., т. I, 71.

119 Соловьев. "Ист. Росс", т. V, 134.

120 Акты Зап. Росс., т. I, 317–318 325, 334–335.

121 Карамзин. "И. Г. Р.", т. VI, 225; Соловьев. "Ист. Р.",

т. V, 189.

122 Мильтон. "Московия", 34; Карамзин. "И. Г. Р.", т. VIII, прин. 35.

123 Соловьев. "Ист. Р.", т. VII, 304.

124 Описание путешествия Варкача в "Чт. Общ. истор. и древн. росс.", 1874, IV, 19.

125 Соловьев. "Ист. Р.", т. VII, 165.

126 Соловьев. Т. VIII, 335. Карамзин. Т. XI, 43.

127 Ипат. л. 224 в П. С. Р. Л.

128 Максимов. "Год на Севере", ч. II, 348.

Забелин. "Ист. р. жизни", ч. I, 563.

129 Акты юридич., No 48, изд. 1838.

130 "Прир. и охота", 1892, VI, стр. 1–32, ст. "Весновка" – из воспом. о жизни в Tobол. губерн.

131 Акты Зап. России, т. I, 70 стр. и т. III, 112.

132 "Природа" (сборник ест. ист., в статье Сабанеева о соболе), 1874, II, 240–242.

133 "Раскопки в стране древлян" В. Б. Антоновича, проф. Унив. св. Владимира, в "Материалах по археол. России", изд. Археол. комиссией. СПб., 1893, стр. 13.

134 "Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 года" И. А. Хойновского. Киев, 1893, стр. 22, 38, 39, 40 и 41.

135 Лавр. л. 28; Ипат. 56, 162, 170 в П. С. Р. Л. Ср. Аристова "Промышл. др. Руси", стр. 43.

136 См. у Строилова в "Журн. охоты", 1875, III, No 3, стр. 37.

- 137 "Записки о Московии", стр. 198.
- 138 Маржерет. "Состояние Российской державы в начале XVII в.". Пер. с франц. СПб., 1830, стр. 42.
- 139 Собран. гос. грам. и догов, т. I, 36.
- 140 Там же, стр. 58.
- 141 II Новгор. л., 142, в П. С. Р. Л.
- 142 Петрей де Ерлезунд. "История о вел. кн. Моск.", 36.
- 143 "Записки о Москов.", 198.
- 144 В записках Котошихина, писателя XVII в., есть указание, что для ловли соколов и кречетов употреблялись голуби. См. у гр. Толстого в его "Истории финансовых учреждений в России". СПб., 1846.
- 145 См. "Охота в Царстве Польском до XIV в. и с XIV до XVIII в.", в "Газете лесоводства и охоты" за 1859 г.
- 146 Герберштейн, 198 стр.
- 147 Костомаров. "Очерки жизни великор. народа", 148 стр.
- 148 "A large and fair white Ierfawcon together with a drumme of silver, the hoops gilt, used for a lure to call the sayd Hawke". См. Hakluyt's Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English nation. New edition. London, vol. I, 1809, p. 323.
- 149 В "Задонщине", памятнике XV века, есть следующее указание относительно привязывания соколам колокольчиков "досюда есмя были, братие, никуда не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белому кречету, ни тому псу поганому Мамаю. Тогда

же соколи и кречати и белозерские ястреби от златых колодиць из камяна града Москвы возлетеша под синия небеса позвонять своими позлащенными колокольци". Цитировано по Аристову, "Пром. Др. Руси".

150 Гр. Д. Толстой. "История финансовых учреждений России". СПб., 1846.

151 См. Грам. в. кн. Андрея Александровича в Акт. Арх. эксп., т. I, стр. 1.

152 См. Грам. Иоанна Грозного в Акт. ист., т. I, 539 и 547 стр.

153 См. Грам. Иоанна Даниловича в Акт. Арх. эксп., т. I, стр. и-2; Грам. Василия Иоанновича, там же, стр. 119; Грамота Феодора Иоанновича, напечат. в "Архангельских губ. ведомостях", 1853 г., No 40.

154 О помытчиках сведения заимствованы из Акт. Археограф. эксп., т. I, стр. 1, 2, 119, 122; Акт. Ист., т. I, стр. 539 и 547; "Арх. губ. ведом.", 1853 г., No 40.

155 Именно 6 rubligroszy, но I rubelgrosz 120 zlotych, а I zloty (в XIV в.) 45 к. с.; след., 6х120х45 к. – 334 р. См. "Газету лесовод. и охоты", 1859, стр. 149–151. В 1324 г. в Италии сокол ценился в 133 фр. 32 с. См. у Аристова, прим. 859.

156 "Собр. грам. и дог.", т. I, стр. 322.

157 См. брошюр. протоиер. И. Приклонского "О Московской Трифоновской, что в Напрудной Слободе, церкви". М., 1884, стр. 11–12.

158 "Памятники дипл. снош.", т. I, стр. 123, сообщ. Н. П. Лихачев.

159 "Ист. Гос. Росс", т. VII, 204. Карамзин.

160 В 1159 г. Святослав Черниговский жаловался, что в семи опустошенных половцами городах остались только "псареве да Половци". См. Ипат. л. 84 в П. С. Р. Л.

161 "Собр. гос. грам. и дог.", т. I, No 123.

162 См. у Строилова в "Журн. охоты", 1875, т. III, No 3, стр. 36.

163 "Записки о Моск.", 196.

164 Замысловский, Герберштейн и его "Историко-геогр. известия о России", СПб., 1884, стр. 286.

165 См. "Журн. лес. и ох.", 1859" стр. 150.

166 Там же.

167 См. у Карамзина "Ист. Г. Р.", том IV, стр. 210, выдержки из сочин. Абульгази "Histoire des tartares".

168 Карамзин. "И. Г. Р.", т. IV, 203.

169 См. у Карамзина в "И. Г. Р.", т. V, 163 и у Плано Карпини в "Собрании путешествий к татарам", СПб., 1825, стр. 121.

170 I Соф. л., 149 в П. С. Р. Л.

171 "Акт. Зап. Росс.", т. II, стр. 196. Название произошло от старинного глагола сочить – искать. См. в слов. Даля и в "Матер. для др. русск. яз." Грота; о подвывании см. Лавр. летоп., стр. 115.

172 Напр., "заутра поеха Мстислав из Суждаля борзо якоже и на заяц". Лавр. л. 159 в П. С. Р. Л.

173 Герберштейн. "Зап. о Моск.", 198.

174 В переписке с Курбским Грозный, между прочим, употребил такое бытовое охотничье сравнение: "заец потреба множества псом, на враги же множество вои" (войска). См. Сказания кн. Курбского, СПб., 1868, стр. 157.

Еще характернее одна фраза в письме Грозного к Василию Грязному, попавшему в плен к крымским татарам; упрекая Грязного, что он позволил себя захватить в плен, Грозный пишет: "ты думал, что в объезд приехал с собаками за зайцами, но крымцы самого тебя в торок завязали". См. у Соловьева "Ист. Росс", т. VII, 193, и у Забелина "Дом. быт русских цариц", стр. 420.

175 Название, вероятно, произошло от слова *гон*, которым обозначалось место внутри тенет.

176 "Акты истор., дополн.", т. I, стр. 196, 198, 208 и др. Герберштейн. "Зап. о Моск.", 199. Середонин. "Джилъз Флетчер", в "Зап. Ист.-филолог. фак. СПб. унив.", ч. XXVIII, стр. 151–152. Забелин. "Домашний быт русских цариц", Москва, 1872, стр. 462, 464, 465, 467, 468. Костомаров. "Очерки жизни великорусс. народа", СПб., 1860, стр. 146–147.

177 См. "Акт. Зап. Росс.", т. III, стр. 86.

178 См. у Герберштейна в "Записк. о Моск.", стр. 167 и в "Бумагах Флор. архив.", ч. II, стр. 318.

179 См. Барх. кн., т. I, стр. 32 б, сообщ. Н. П. Лихачев.

180 См. "Древн. российск. вивлиофик", т. XX.

181 Граф Д. Толстой в "Истории финансовых учреждений России с древнейших времен"... СПб., 1846, стр. 209.

182 Проф. В. Сергеевич в "Лекциях по истории русского права", СПб., 1886–88, стр. 619.

183 Сенигов.

184 Ипат. л., 224 в П. С. Р. Л.

185 Лавр. л., 25 в П. С. Р. Л.

186 Лавр. л., 25 в П. С. Р. Л.

187 "Акты ист.", т. I, 547.

188 Соловьев. "Ист. Росс.", т. V, 409.

189 Бобровые гоны чрезвычайно часто упоминаются в жалованных грамотах, относящихся до истории Южной и Западной России. См. "Акты Ю. и Зап. Росс.", том. I, стр. 11, 13, 14, 17, 18, 19, 20, 28, 29, 34, 37, 40, 42, 43, 45, 47, 58, 61, 118, 123, 173, 224, 237, 297; "Собр. гос. грам. и догов.", т. I, стр. 529; "Акты Западн. России", т. I, 67, 68, 154, 178, 185, 186, 192, 196, 200, 202, 353, 365 и 368 стр.; т. II, 7, 12, 31, 41, 42, 85, 101, 123, 130, 135, 146, 167 и 216 стр.; т. III, 153. 158, 216 и 247 стр.; т. IV, стр. 10. Подобного рода упоминания встречаются также во многих рукописных писцовых книгах Московского государства.

190 Собр. гос. гр. и дог., , т. I, стр. 36; Соловьев. "Ист. России", т. IV, стр. 185.

191 Собр. гос. гр. и дог., , т. I, стр. 58.

192 Акты Арх. эксп., т. I, стр. 155 –156.

193 Середонин. "Дж. Флетчер", стр. 318–319.

194 "Собр. гр. и дог.", т. I, стр. 74.

195 Акт. Арх. эксп., т. I, 155–156 стр.

196 Акты Арх. эксп., т. I, No 56.

197 Проф. Сергеевич в "Лекц. по ист. р. права 1886–88", СПб., стр. 554.

198 Грамота Дмитровского князя Юрия бобровникам Каменского стана в Акт. Арх. эксп., Т. I, стр. 120–122.

199 См. у проф. Владимирского-Буданова в "Обзоре истории русского права", СПб., 1888, стр. 527.

200 О попрашатаях см. в Акт. Арх. эксп., т. I, NoNo 35, 43, 56, 86, 135, 171, 217, 280, 300 и 371 и в Акт. ист., т. I, NoNo 36, 81, 83 и 215; сравн. Толстого "Ист. финанс. учр.", стр. 211.

201 Слич. уставную грамоту ильмехотским бобровникам в Акт. Арх. эксп., т. I, стр. 155–156, с грамотой каменским бобровникам, там же, стр. 120–122.

202 Акты Зап. Росс., т. III, стр. 179.

203 Акты Зап. России, т. III, стр. 73–86.

204 Там же.

205 Акты Зап. России, т. II, стр. 196–197; т. III, стр. 85–86.

206 Акты Зап. Росс., т. I, стр. 171–172.

207 Акт. Южн. и Западн. Росс., т. I, стр. 17, 221; т. II, стр. 113, 159, 200, 367.

208 Акт. Южн. и Зап. Росс., т. I, стр. 17, 64–65, 44–146; "Акты Зап. Росс.", т. I, стр. 352.

209 Акт. Зап. Росс., т. III, стр. 40, 62, 85–86, 102, 112, 179.

210 Акты Южн. и Зап. России, т. I, стр. 131–132; Акты Зап. Росс., т. I, стр. 221, 352; т. II, стр. 121–122, 219, 353–354.

211 Соловьев. "Ист. Росс", т. I, 254; т. IV, 184; Забелин. "Ист. русск. жизни", т. II, 357.

212 Акты юрид., т. I, No 48.

213 "Собр. грам. и дог.", т. I, стр. 2–3.

214 См. Акт. ист., т. I, стр. 173.

215 Григорьев. "О достав. ярлыков", стр. 112–118.

216 См. Акты ист., т. I, стр. и–2, 23, 125 и дополн., стр. 8; Акты Арх. эксп., т. I, стр. 7, 16; Акты Южн. и Зап. Р., т. I, стр. 40; Акты Зап. Росс, т. I, стр. 27; т. II, стр. 158, 188; Собран. грам. и дог., т. I, стр. 232.

См. также у Карамзина "Ист. Гос. Росс", т. IV, 61 и 284.

217 Акт. Зап. России., т. II, 219.

218 Акты Арх. Эксп., т. I, 85.

219 Акты Зап. Р., т. II, стр. 121 –122.

220 Акты Арх. Эксп., т. I, стр. 120–122; Акты Ист., т. I, стр. 173; Собр. гр. и дог., т. I, стр. 330 и 529, и мн. др.

221 Акты Зап. Росс., т. I, стр. 48 и 59 и многие жал. грамоты, цитированные выше в примечании.

222 Собр. гр. и дог., т. I, 468 стр.

223 Полевой. "Ист. России с древн. врем.", т. V, 197. См. у Строилова в "Журн. охоты", 1875 г., т. III, No 3, стр. 33.

224 Акты Зап. Росс, т. I, стр. 70.

[225](#) Соловьев. "Ист. Росс", т. IV, 192 и Прил. к IV т., стр. XX–XXI.

[226](#) Стоимость гривны кун разнo переводится на наш счет: у Карамзина 3 гр. кун 7 р. 50, у проф. Лешкова 40 р., у Прозоровского 21 р. Мы принимаем последнее, как среднее. См. у Аристова, стр. 296.

[227](#) Калачев. Предв. юрид. сведения для полного объясн. "Русск. Правды", СПб., 1880, стр. 155, 194, 199, 201 и 218; Карамзин. "Ист. Гос. Росс", т. II, 52, 57.

[228](#) "Лесов. и охота", 1859 г., стр. 151.